

ВЕСТНИК МГПУ.

СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ».

**MCU JOURNAL
OF HISTORICAL STUDIES**

№ 4 (48)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / SCIENTIFIC JOURNAL

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2008
Quarterly**

**Москва
2022**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- Реморенко И. М.** доктор педагогических наук, доцент, член-корреспондент РАО, почетный работник общего образования Российской Федерации, ректор МГПУ, Россия, Москва
председатель
- Рябов В. В.** доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО, президент МГПУ,
заместитель
председателя
Россия, Москва
- Геворкян Е. Н.** доктор экономических наук, профессор, академик РАО, первый проректор МГПУ,
заместитель
председателя
Россия, Москва
- Агранат Д. Л.** доктор социологических наук, доцент, проректор по учебной работе МГПУ, Россия, Москва
заместитель
председателя

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- Рябов В. В.** доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО, президент МГПУ, Россия, Москва
главный редактор
- Омельянчук И. В.** доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории МГПУ,
заместитель
главного редактора
Россия, Москва
- Андреев И. Л.** кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории МГПУ,
Россия, Москва
- Брэдли Дж.** доктор философии по истории (PhD), заслуженный профессор Университета Талса, США,
Вирджиния, Александрия
- Васильев Д. В.** доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории МГПУ,
Россия, Москва
- Гагуев Р. Г.** доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН,
Россия, Москва
- Гайда Ф. А.** доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России XIX – начала XX века
МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия, Москва
- Жангуттин Б. О.** доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Казахстана им. академика
Т. С. Садыкова КазНПУ им. Абая, Казахстан, Алматы
- Кириллов В. В.** кандидат исторических наук, профессор, директор Института гуманитарных наук МГПУ,
Россия, Москва
- Козловская Г. Е.** доктор исторических наук, профессор, директор Самарского филиала МГПУ, Россия, Самара
- Копелев Д. Н.** доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Российского государственного
педагогического университета имени А. И. Герцена, Россия, Санкт-Петербург
- Мальшьева О. Г.** доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории МГПУ,
Россия, Москва
- Матвеев Г. Ф.** доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории южных и западных
славян МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия, Москва
- Михайловский Ф. А.** доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних
веков им. В. Ф. Семёнова МПГУ, Россия, Москва
- Николаев А. Б.** доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории (XIX–XXI вв.)
РГПУ им. А. И. Герцена, Россия, Санкт-Петербург
- Орлов С. В.** кандидат исторических наук, доцент, заместитель председателя Московской городской думы,
заведующий кафедрой истории общественных движений и политических партий МГУ
им. М. В. Ломоносова. Россия, Москва
- Пазин Р. В.** кандидат исторических наук, главный редактор научно-методического журнала «Преподавание
истории в школе», Россия, Москва
- Рокки Э. К.** магистр исторических наук (PhD), Канада, Торонто
- Ртищева Г. А.** кандидат исторических наук, доцент, доцент общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской
истории МГПУ, Россия, Москва
- Сорокин А. А.** кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой методики преподавания истории,
обществознания и права МГПУ, Россия, Москва
- Токарева Е. А.** кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по учебно-методической работе
и качеству образования Института гуманитарных наук МГПУ, Россия, Москва
- Черникова Т. В.** доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всемирной и отечественной истории
МГИМО, Россия, Москва

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

СОДЕРЖАНИЕ

История России: с древнейших времен до 1917 года

<i>Волков В. А.</i> Горький Прутский урок	5
<i>Емельянова А. А.</i> Вдовы-мещанки в Москве первой половины XIX в.: социальные характеристики повторных браков	15
<i>Дёмин В. А.</i> Парламентская деятельность А. И. Гучкова	27
<i>Ивакин Г. А.</i> Участие православного духовенства в правомонархическом движении России начала XX в.	43
<i>Лавринович Д. С.</i> Белорусский вопрос в деятельности западных отделов конституционно-демократической партии в 1905–1918 гг.	55
<i>Селезнев Ф. А.</i> Современная историография о взаимоотношениях Николая II и Столыпина	64
<i>Сорокин А. А.</i> Дискуссии о введении образовательного ценза в земское избирательное законодательство Российской империи в начале XX в.	78
<i>Брэдли Дж.</i> Российская историография последних лет в оценке американских историков	91
<i>Федоров Д. А.</i> Публицистика газеты «Киевлянин» о проблемах начального школьного образования в Юго-Западном крае (60–70-е гг. XIX в.)	111

Новейшая история России

<i>Соколов А. С.</i> Губернские партийные форумы как политический институт раннесоветского общества (на материалах Рязанского региона)	122
<i>Музафарова Н. И., Мухтасаров Ф. Ш.</i> Национальная политика государства и ее влияние на формировании этнической и общероссийской гражданской идентичности	131

Всеобщая история

<i>Tereshchuk A. A.</i> To the question of the reasons of the First Carlist War (1833–1840)	145
--	-----

Авторы «Вестника МГПУ». Серия «Исторические науки», 2022, № 4 (48))

Требования к оформлению статей	161
--------------------------------------	-----

C O N T E N T S

History of Russia: from Ancient Times to 1917

<i>Volkov V. A.</i> Bitter Prut lesson	5
<i>Yemelyanova A. A.</i> Middle-class widows in Moscow in the first half of the XIX century: social characteristics of remarriages.....	15
<i>Demin V. A.</i> Parliamentary activities of A. I. Guchkov	27
<i>Ivakin G. A.</i> Participation of the orthodox clergy in the right-wing monarchist movement in Russia of the early XX th century	43
<i>Lavrinovich D. S.</i> The Belarussian issue in the activities of the western departments of the Constitutional-Democratic Party in 1905–1918	55
<i>Seleznev F. A.</i> Modern historiography on the relationships of Nicholas II and Stolypin	64
<i>Sorokin A. A.</i> Discussions on the introduction of an educational qualification in the zemstvo electoral legislation of the Russian empire at the beginning of the XX th century	78
<i>Bradley J.</i> Russian historiography of recent years as assessed by American historians.....	91
<i>Fedorov D. A.</i> Publicism of the newspaper <i>Kievlyanin</i> about the problems of primary school education in the South-Western krai (60–70s of the XIX century)	111

Modern History of Russia

<i>Sokolov A. S.</i> Province party forums as a political institute of the early Soviet society (by the materials of the Ryazan region).....	122
<i>Muzafarova N. I., Mukhtasarov F. S.</i> The national policy of the state and its influence on the formation of ethnic and all-Russian civic identity	131

General History

<i>Tereshchuk A. A.</i> To the question of the reasons of the First Carlist War (1833–1840)	145
--	-----

Authors of the MCU of Historical Studies, 2022, № 4 (48)

Requirements for the Style of Articles.....	161
---	-----

УДК 94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.48.4.01

Волков Владимир Алексеевич

доктор исторических наук

Московский педагогический государственный университет

Москва, Россия

lee8@mail.ru

ГОРЬКИЙ ПРУТСКИЙ УРОК

Аннотация. В статье рассматриваются военные аспекты самого авантюрного и дерзкого предприятия царя Петра I — Прутского похода 1711 г. Военная кампания 1711 г. стала центральным событием Русско-турецкой войны 1710–1713 гг. Прутский поход, закончившийся неудачей, привел не только к поражению России в войне с османами, но и к потере достигнутых в ходе Азовской кампании 1795–1796 гг. результатов. В статье дан краткий анализ причин объявления Турцией войны России в 1710 г., рассмотрена дипломатическая подготовка российской стороны к войне, в том числе намерения привлечь к участию в ней господаря Валахии Константина Брынковяну и польского короля Августа II; раскрыты особенности ведения боевых действий русской армией в Дунайских княжествах, в частности в сражении у селения Станилешти; раскрыты причины неудачи кампании 1711 г. и заключения по ее итогам мирного договора.

Ключевые слова: Прутский поход, Петр I, Б. П. Шереметев, Станилешти, Османская империя, Прутский мирный договор.

UDC 94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.48.4.01

Volkov Vladimir A.

Doctor of Historical Sciences

Moscow State Pedagogical University

Moscow, Russia

lee8@mail.ru

BITTER PRUT LESSON

Abstract. Annotation. The article deals with the military aspects of the most adventurous and daring enterprise of Tsar Peter I — the Prut campaign of 1711. The military campaign of 1711 became the central event of the Russian-Turkish war of 1710–1713. The Prut campaign, which ended in failure, led not only to the defeat of Russia in the war with the Ottomans in 1710–1713, but also to the loss of previously achieved results during the Azov campaigns of 1795–1796. The article gives a brief analysis of the reasons for the declaration of war by Turkey against Russia in 1710. Considers the diplomatic preparation of the Russian side for the war, including the intention to involve the ruler of Wallachia Konstantin Brynkovyan and the Polish king Augustus II in it. Reveals the features of the conduct of hostilities by the Russian army in the Danubian principalities, including in the battle near the village of Stanileshti, the reasons for the failure of the 1711 campaign and the conclusion of a peace treaty as a result of it are revealed.

Keywords: Prut campaign, Peter I, B. P. Sheremetev, Stanileshti, Ottoman Empire, Prut peace treaty.

Введение. Военные деяния императора Петра I отмечены многими славными и громкими победами, о которых помнят и которые чтут в нашей стране. Но беспроblemным путь этого государя к величию не был. Хорошо известны три его крупных поражения, к счастью, не фатальных, наоборот, побудивших царя-реформатора выявить их причины и принять меры к недопущению впредь подобных неудач. Первое поражение тогда еще совсем молодого Петра (благодаря которому, по словам С. М. Соловьева, «произошло явление великого человека»¹) — это Азовский поход 1695 г. Вторым стал Нарвский разгром 1700 г. Третьим — страшная Прутская западня, из которой, окруженная превосходящими силами противника, русская армия во главе с самим царем смогла вырваться лишь каким-то невероятным чудом.

Показательно, но эти три поражения, научившие первого императора многому, — наглядный пример столь порицаемого многими метода проб и ошибок. Тем не менее именно он позволил Петру Алексеевичу скорректировать свои действия и добиться не просто реванша, а настоящего триумфа. За обидной Азовской неудачей 1695 г. последовал настоящий прорыв в борьбе за выход к южным морям, началось строительство флота, было завоевано

¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Соч.: в 18 кн. Кн. VII. Т. 13–14. М., 1991. С. 513.

устье Дона и заключен крайне необходимый России мир с Турцией, развязавший Петру руки для начала войны со Швецией за выход к Балтийскому морю. Нарвский разгром 1700 г. стал стимулом для укрепления вооруженных сил, обеспечивших впоследствии серию феерических побед, изменивших ход Северной войны. И, наконец, провальный по результатам Прутский поход, обернувшийся не только политическим конфузом для Полтавского победителя, но и утратой его прежних завоеваний в Приазовье. Однако уроки 1711 г. будут учтены и ознаменуются в дальнейшем более удачным Персидским походом 1722–1723 гг. Целью нашего исследования является рассмотрение военных аспектов Прутского похода и сражения у селения Станилешти.

Всестороннему изучению кампании 1711 г., и особенно баталии с турецкой армией у деревни Станилешти, казалось бы, должно способствовать обилие источников: указов, посланий и реляций царя Петра, опубликованных в двух выпусках одиннадцатого тома «Писем и бумаг императора Петра Великого»; описание этого события в «Гистории свейской войны», донесениях царю от Б. П. Шереметева, походных журналах Петра I и того же фельдмаршала Шереметева, записках участников похода и т. п.² Но осмысление этой информации в трудах историков, особенно современных, оставляет желать лучшего. Для С. М. Соловьева, П. М. Адрианова, Н. И. Павленко, Н. Н. Молчанова, И. И. Ростунова (с коллегами), Л. Е. Семеновой Прутский поход был важным, но все же лишь эпизодом в череде дел и свершений Петра Первого и в истории Дунайских княжеств — Молдавии и Валахии³. К тому же эпизодом крайне неудачным — отсюда и обозначение его как «трагедия», «урок» и т. п. Подробнее изучали кампанию 1711 г. против турок А. З. Мышлаевский, С. Ф. Орешкова, Я. Е. Водарский, Е. В. Белова, В. А. Артамонов, другие отечественные

² Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 11. Вып. 1–2. М., 1962, 1964; Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. М., 2004. С. 169–176; Выписка из журнала Александра Андреевича Яковлева, находившегося при императоре Петре Великом во время сражения под Прутом, в 1711 году // Отечественные записки. 1824. Ч. 19. № 51. С. 15–24; Записки бригадира Моро-де-Бразе (касающиеся до турецкого похода 1711 года) / пер. с фр. и пред. А. Пушкина // Пушкин А. С. Собрание соч.: в 10 т. Т. 8. М., 1962. С. 369–420; Война с Турцией 1711 года. (Прутская операция): материалы, извлеченные из архивов... / Воен. учен. ком. Главного штаба; [ред. А. З. Мышлаевский]. СПб., 1898. 359 с. (Сб. воен.-ист. материалов; Вып. 12); Фельдмаршал граф Б. П. Шереметев: военно-походный журнал. 1711 и 1712 гг. / ред. А. З. Мышлаевский. СПб., 1898; *Шереметев Б. П.* Письма к государю императору Петру Великому. Ч. 3. М., 1779. № 217–223.

³ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // Соч.: в 18 кн. Кн. VIII. Т. 16. М., 1993. С. 368–370; *Адрианов П. М.* Эпоха Петра Великого. Глава XI. Прутский поход // История русской армии и флота. М., 1911. Т. 1. С. 160–173; *Павленко Н. И.* Трагедия на Пруте // Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1994. С. 326–358; *Молчанов Н. Н.* Петр I. М., 2003; История Северной войны, 1700–1721 гг. / отв. ред. И. И. Ростунов. М., 1987. С. 103–115; *Семенова Л. Е.* Русско-валахские отношения в конце XVII – начале XVIII в. М., 1969; *Ее же.* Княжества Молдавия и Валахия. Конец XIV – начало XIX вв. Очерки внешнеполитической истории. М., 2006.

историки⁴. Огромный прорыв был совершен, когда В. А. Артамонов в приложении к одной из своих последних книг опубликовал фрагменты весьма информативной работы турецкого историка А. Н. Курата⁵. Но, к сожалению, достоверного и непредвзятого описания событий военных действий 1711 г. до сих пор нет. Я. Е. Водарский в своих изысканиях увлекся не столько конкретикой боевых действий, сколько изучением тайн и загадок Прутского похода. Книга Е. В. Беловой издана без научно-справочного аппарата. К тому же ошибочным представляется ее мнение, вынесенное в название труда: «Прутский поход: поражение на пути к победе?». Оно прямо противоречит выводу, сделанному впоследствии самим Петром I: «зело бедственен сей случай был и печален, но ежели б получили викторию над неприятелем, тогда б еще далее зашли и... тако без сомнения злее б было»⁶.

Ближе всех подошедший к решению задачи полномасштабного описаний событий 1711 г. на Дунайском театре военных действий В. А. Артамонов, собравший множество интересных фактов, однако в своих выводах он зачастую истолковывает их исходя из своей главной установки — Русская армия в 1711 г. не была побеждена⁷. К тому же неясно, почему вопреки устоявшейся традиции исследователь назвал изучаемый им конфликт не русско-турецкой, а турецко-русской войной. Следует отметить также (на это указывал

⁴ [Новицкий Е.] Прутский поход 1711 года (Итоги архивных розысков): Отчет о сообщении ординарного профессора Николаевской академии генерального штаба полковника А. З. Мышлаевского. СПб., 1899. (Приложение к «Вестнику Общества ревнителей военных знаний». № 1 [1899]); Мышлаевский А. З. Две катастрофы. Суворов в Швейцарии, Петр на Пруте // Суворов в сообщениях профессоров Николаевской академии генерального штаба. Кн. 1. СПб., 1900. С. 51–85; Орешикова С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971; Водарский Я. Е. Загадки Прутского похода Петра I. М., 2004; Его же. О некоторых событиях Прутского похода Петра I (1711 г.) // Новые страницы истории Отечества. Пенза, 1992. С. 82–95; Его же. Легенды Прутского похода Петра I (1711 г.) // Отечественная история. 2004. № 5. С. 3–26; Его же. Участие Молдавии в русско-турецкой войне 1711 г. // Русин. 2006. № 2 (4). С. 56–68; Белова Е. В. Прутский поход: поражение на пути к победе? М., 2011; Кутищев А. В. «Итить с войском к Дунаю». Прутский поход — героическая трагическая страница российской истории // Военно-исторический журнал. 2011. № 9. С. 17–19; Артамонов В. А. Дунайский поход Петра I: Русская армия в 1711 г. не была побеждена. М., 2015; Его же. Турецко-русская война 1710–1713. М., 2019; Манойленко Ю. Е. Русская артиллерия в Прутском походе (1711 г.) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 77. С. 130–133; Кулинич А. А. Офицерский корпус русской армии в сражении при Станилештах в Прутском походе 1711 г. // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. 2019. № 4 (17). С. 79–91.

⁵ Курат А. Н. Главное событие Прутского похода. Переход турецкого войска в атаку (извлечение) / пер. Н. Белера // Артамонов В. А. Турецко-русская война 1710–1713. М., 2019. С. 404–426. Взято из книги: Kurat A. N. Prut seferi ve barisi. 1123 (1711). Ankara, 1951.

⁶ История Свейской войны. С. 176.

⁷ Многие недочеты последней большой работы В. А. Артамонова на эту тему («Турецко-русская война 1710–1713 гг.») вскрыты в рецензии на нее липецкого историка А. Н. Долгих. См.: Долгих А. Н. Новое исследование о «Прутской конфузии» Петра I 1711 г.: к выходу книги В. А. Артамонова «Турецко-русская война 1710–1713 гг.». М.: Кучково поле, 2019. 448 с. // История: факты и символы. 2020. № 3 (24) С. 176–178.

и рецензент А. Н. Долгих) не очень грамотное построение отдельных фраз и предложений, отчего их бывает трудно понять стороннему читателю. Например, «7 июля турецкие войска соединились со всеми крымскотатарскими (кем, чем??? — вероятно, войсками. — Прим. В. В.), поляками и запорожцами у местечка Фальчи...»⁸. Впрочем, сей упрек адресован скорее редакторам и корректорам книг уважаемого автора, но эффект некоего абсурда все-таки присутствует.

Еще одна цитата: «Звездным часом Петра I была переломная битва русской истории (?) под Полтавой 27 июня 1709 г. Россия, став гегемоном Восточной и Северной Европы и подмяв Речь Посполитую, обеспокоила Османскую империю, которая, помня о прошлой военной славе, оставалась великой евразийско-африканской державой с большим людским, военным, финансовым потенциалом и централизованным войском»⁹. Зачем нужен странный термин «централизованное войско»? Существует ли нецентрализованное войско? На память приходит только 1-й Азовский поход, где Петр I разделил командование между тремя генералами, о чем очень сильно потом пожалел.

Укажем также на произведенный В. А. Артамоновым некорректный подсчет в процентном отношении потерь сторон в Прутском походе. Он пишет: «В битве на Пруте османское 120-тысячное войско потеряло убитыми и ранеными до 16 тысяч человек (13,3 %). Безвозвратные потери в Дунайском походе регулярной армии Петра I (37 538 чел.) убитыми, пленными, без вести пропавшими и умершими от ран составили 2790 человек, или 7,4 %»¹⁰. Но, указывая турецкие потери, автор учитывает как погибших, так и раненых, а говоря о русских потерях, считает только умерших от ран, не внося в число русских потерь убитых, пленных, без вести пропавших.

Приходится констатировать, что изучение Прутского похода, Впрочем, как и всей Русско-турецкой войны 1710–1711 гг., еще далеко от завершения.

Ход и результаты исследования. После Полтавской победы над шведами русско-турецкие отношения стали ухудшаться. В Стамбуле стали опасаться возросшего военного могущества северного соседа и усилившихся симпатий к России балканских христианских народов, рассчитывавших с помощью нашей страны освободиться от османского владычества. Не стоит забывать, что на территории Турции нашел убежище шведский король Карл XII, старавшийся столкнуть царя и султана в противоборстве. Дважды, 17 июля и 18 октября 1710 г., обращаясь к Ахмеду III, Петр Алексеевич требовал выслать короля и казаков-изменников¹¹, но безрезультатно. А 20 ноября 1710 г. Турция объявила войну России.

⁸ Артамонов В. А. Дунайский поход Петра I. С. 43.

⁹ Артамонов В. А. Турецко-русская война 1710–1713 гг. С. 400.

¹⁰ Там же. С. 401.

¹¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 10. М., 1956. № 3878, 4063. С. 283–286, 383–384.

Первым ее предвестием стали участвовавшие нападения крымских татар на южнорусское пограничье. На военном совете, созванном Петром I в январе 1711 г. было принято решение о походе в Дунайские княжества — Валахию и Молдавию. Понадеявшись на силу своей регулярной армии и поддержку местного населения, Петр I рассчитывал, что ему окажет помощь господарь Валахии Константин Брынковяну, который уже давно искал покровительства России и обязался выставить 30-тысячный корпус, а также обеспечить союзников продовольствием и фуражом. Однако после начала похода нарушил данное им обещание, не решившись открыто выступить против Турции. Не удалось привлечь к экспедиции на Дунай и польского Августа II. Единственное, что удалось от него добиться, — обещание активизировать военные действия против шведов в Померании, дабы снизить активность противника на этом направлении. 13 апреля 1711 г. Петр I заключил секретный Лущкий договор с правителем Молдавии Дмитрием Кантемиром о переходе его страны под покровительство России в обмен на военную помощь. Главнокомандующим Петр I назначил генерал-фельдмаршала Б. П. Шереметева, но фактически сам руководил войсками, отправившись с ними в поход. Согласно разработанному плану, русская конница во главе с Шереметевым должна была первой подойти к Дунаю и захватить переправы. Однако турки, узнав о подготовке русской армии к наступлению, смогли опередить Шереметева. В результате вместо назначенного срока 15 мая главные силы русской армии сосредоточились на берегах Днестра в районе крепости Сороки только к 18–20 июня. В это время турецкая армия (120 тыс. чел., 440 орудий) уже переправилась через Дунай у Исаки. Ею командовал сам великий везир Мехмед-паша Балтаджи (прозвище Балтаджи, т. е. «топорник», он получил еще во время службы в корпусе охраны султанского гарема). На левом берегу Прута османы сразу же соединились с татарскими войсками хана Девлет-Гирея, поляками Потоцкого и изменившими России запорожцами Филиппа Орлика (70 тыс. чел.).

Петр I прибыл в Яссы 24 июня¹². 25 июня в его честь был устроен пышный прием. Казалось, вскоре будет одержана новая победа над ненавистными османами. В ожидании ее царь выслал вперед корволант («летучий корпус»), состоявший из драгунской конницы и посаженной на коней пехоты (7 тыс. чел.), на Дунай, где, по полученным сведениям, имелись собранные турками в Валахии большие продовольственные запасы и фураж. Они находились в Браилове (ныне Брэила в Румынии). Кроме того, высланные вперед войска должны были разрушить мост у Исаки, создавая угрозу тылам армии Мехмед-паши. Командовал корволантом драгунский генерал Карл Рёнке. В тот же день он со своими полками перешел Прут и быстрым маршем двинулся на юг, все дальше отрываясь от основного войска.

Сам царь с главными силами (38 тыс. русских солдат и драгун, 5 тыс. молдаван; 114 орудий) двинулся по правому берегу Прута. 7 июля войска подошли

¹² Артамонов В. А. Дунайский поход. С. 39.

к селению Станилешти (Стэнилешти). Воспользовавшись медлительностью русской армии и пассивностью ее передового корпуса, которым командовал генерал-фельдмаршал-лейтенант Лебрехт Готтфрид фон Янус Эбершtedт, противник смог беспрепятственно переправиться через Прут у Фальчи (Фэлчиу). Как отмечал турецкий историк А. Н. Курат, напротив выбранного османами места для форсирования реки «был замечен лишь один русский дозорный, который убежал после того, как турки открыли огонь из ружей»¹³.

Сразу же на правобережье Прута перешли 20–25 тыс. татар и сипахов, атаковавших корпус Эбершtedта. С боями ему пришлось уходить на север. Оставлять на растерзание неприятелю последнюю имеющуюся при главных силах конницу было нельзя и на помощь попавшему в беду авангарду были высланы шесть пехотных полков генерала Николая фон Энсберга.

8 июля татары и сипахи продолжали атаковать отходящие колонны Януса фон Эбершtedта и Энсберга. Число преследователей все увеличивалось, они продолжали непрерывно атаковать русские войска. Отступающие достаточно успешно отбивались и смогли прорваться на соединение с главными силами. Но теперь отходить пришлось уже всей армии. Положение становилось угрожающим. Была потеряна большая часть обоза, средства переправы через Прут¹⁴. Отступающим пришлось уничтожить даже часть боеприпасов. По этим причинам было принято решение остановиться в укрепленном лагере у местечка Новые Станилешти (в 75 км южнее Ясса) и там принять бой. Возможно, последний. В этом лагере на следующий день (9 июля) армия царя Петра I была окружена превосходящими силами османской армии. Впрочем, предпринятый янычарами без подготовки штурм лагеря был отражен с большими потерями для противника (до 8 тыс. чел.). Последующие атаки также были отбиты русскими с помощью артиллерии. Однако недостаток продовольствия, фуража и боеприпасов поставил русскую армию в критическое положение. Большие потери снизили боеспособность армии. В этой обстановке Мехмед-паша согласился на переговоры о мире, которые умело провел сподвижник Петра I вице-канцлер П. П. Шафиров. 12 (23) июля 1711 г. был подписан Прутский мир, позволивший Петру I отвести свои войска в Россию в обмен на обязательство вернуть Османской империи Азов, взятый в 1696 г., и срыть русские крепости на Азовском море — Таганрог, Каменный Затон, Новобогородицкую и Кодацкую. До выполнения этих условий в заложниках остались сам Шафиров и сын фельдмаршала Шереметева — Михаил Борисович.

Заключение. Обычно неудачу Прутского похода связывают с недооценкой трудностей продвижения войск в условиях незнакомой местности, а также большим численным превосходством противника и неудовлетворительным обеспечением похода. На наш взгляд, к причинам неуспешности Прутского

¹³ Курат А. Н. Главное событие Прутского похода. С. 404.

¹⁴ Там же. С. 413, 414.

похода следует добавить еще три обстоятельства, несомненно, оказавшие роковое влияние на исход кампании.

Во-первых, игнорирование мирных предложений со стороны Османской империи, которые, конечно же, не стоило отвергать или по крайней мере игнорировать. По этому поводу как современниками, так и историками высказывались предположения, что переданные через Георге Кастриота турецкие условия прекращения военных действий были, вероятно, лишь хитростью, с помощью которой турецкая сторона пыталась затормозить выдвижение русской армии к Дунаю, выиграть время для большей концентрации своих сил и оценки возможностей противника. Однако никто не мешал войскам Петра I и фельдмаршала Шереметева действовать и наступать, пока организовывались переговоры, выяснялись интересы сторон, шел поиск компромисса и оговаривались условия мира. Между прочим, позже именно указанием на «Кастриотову присылку» русские парламентарии начали переговоры о прекращении войны и заключении мира¹⁵.

Во-вторых, крайне неудачным оказалось решение о разделении русской конницы. В результате этого прорыва отступающие на север русские войска были слабо прикрыты кавалерией и понесли существенные потери. Отсутствие единства кавалерии впоследствии крайне негативно сказалось и в решающем сражении под Станилешти. На это указывал, собственно, и сам царь Петр Алексеевич. В своей «Реляции о Прутском походе» он прямо заявил, что неприятель «всегда был отбит (и совершенно б мог побежден быть, ежели б не раздвоена была конница наша)»¹⁶.

В-третьих, в русской армии оказалась крайне плохо налажена разведка. Наблюдалась также и недостаточность мер, направленных против татарских отрядов, действовавших в тылах и на коммуникациях российских частей.

В итоге все указанные обстоятельства стали следствием недостаточной продуманности кампании с русской стороны и плохой организации похода на Балканы (вопреки мнению А. З. Мышлаевского¹⁷ и Я. Е. Водарского¹⁸ о том, что кампания была спланирована и подготовлена Петром I безукоризненно). Провал кампании 1711 г., как и «конфуз» под Нарвой 1700 г., явился новым серьезным уроком для Петра I, наглядно показавшим ему, к чему ведет спешка, переоценка своих сил и недооценка сил противника.

¹⁵ Гистория Свейской войны. С. 175.

¹⁶ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 11. Вып. 2. М., 1964. С. 35.

¹⁷ См. тезисы доклада А. З. Мышлаевского в редакции Е. Новицкого: [Новицкий Е.] Прутский поход 1711 года. (Итоги архивных розысков). С. 4.

¹⁸ Вывод Я. Е. Водарского: «План кампании, разработанной Петром, его генералами и советниками, был составлен правильно, с учетом внутреннего положения Турции, международной обстановки и необходимости скорейшего завершения навязанной России войны». Вслед за этим Я. Е. Водарский опровергает сам себя, приводя слова Петра I (с которыми полностью соглашается), что армию погубили «не здравые советы», а прежде всего решение идти через Молдавию. См.: Водарский Я. Е. Загадки Прутского похода. С. 181.

Литература

1. Артамонов В. А. Дунайский поход Петра I: Русская армия в 1711 г. не была побеждена. М.: Русские витязи, 2015. 96 с.
2. Артамонов В. А. Турецко-русская война 1710–1713. М.: Кучково поле, 2019. 448 с.
3. Белова Е. В. Прутский поход: поражение на пути к победе? М.: Вече, 2011. 270 с.
4. Водарский Я. Е. Загадки Прутского похода Петра I. М.: Наука, 2004. 226 с.
5. Водарский Я. Е. Легенды Прутского похода Петра I (1711 г.) // Отечественная история. 2004. № 5. С. 3–26.
6. Водарский Я. Е. О некоторых событиях Прутского похода Петра I (1711 г.) // Новые страницы истории Отечества. Пенза: ПГПИ, 1992. С. 82–95.
7. Водарский Я. Е. Участие Молдавии в русско-турецкой войне 1711 г. // Русин. 2006. № 2 (4). С. 56–68.
8. Долгих А. Н. Новое исследование о «Прутской конфузии» Петра I 1711 г.: к выходу книги В. А. Артамонова «Турецко-русская война 1710–1713 гг.». М.: Издательство «Кучково поле», 2019. 448 с. // История: факты и символы. 2020. № 3 (24). С. 176–178.
9. История Северной войны, 1700–1721 гг. / [И. И. Ростунов, В. А. Авдеев, М. Н. Осипова, Ю. Ф. Соколов]; отв. ред. И. И. Ростунов; АН СССР, Ин-т воен. истории М-ва обороны СССР. М.: Наука, 1987. 212 с.
10. Кулинич А. А. Офицерский корпус русской армии в сражении при Станилештах в Прутском походе 1711 г. // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. 2019. № 4 (17). С. 79–91.
11. Курат А. Н. Главное событие Прутского похода. Переход турецкого войска в атаку (извлечение) / пер. Н. Белера // Артамонов В. А. Турецко-русская война 1710–1713. М.: Кучково поле, 2019. С. 404–426.
12. Кутищев А. В. «Итить с войском к Дунаю». Прутский поход — героическая трагическая страница российской истории // Военно-исторический журнал. 2011. № 9. С. 17–19.
13. Манойленко Ю. Е. Русская артиллерия в Прутском походе (1711 г.) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 77. С. 130–133.
14. Молчанов Н. Н. Петр I. М.: Алгоритм: ЭКСМО, 2003. 475 с.
15. Орешкова С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М.: Наука, 1971. 205 с.
16. Павленко Н. И. Петр Великий. М.: Мысль, 1994. 591 с.
17. Семенова Л. Е. Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV – начало XIX вв. Очерки внешнеполитической истории. М.: Индрик, 2006. 400 с.
18. Семенова Л. Е. Русско-валахские отношения в конце XVII – начале XVIII в. М.: Наука, 1969. 167 с.

References

1. Artamonov V. A. Artamonov V. A. Dunaiskii pokhod Petra I: Russkaia armiia v 1711 g. ne byla pobezhdena [The Danube campaign of Peter I: The Russian army was not defeated in 1711]. Moscow: Russkie vitiazi, 2015. 96 p. (In Russ.).
2. Artamonov V. A. Turetsko-russkaia voina 1710–1713 [Turkish-Russian war of 1710–1713]. Moscow: Kuchkovo pole, 2019. 448 p. (In Russ.).

3. Belova E. V. Prutskii pokhod. Porazhenie na puti k pobede? [Prutsky campaign. Defeat on the way to victory?]. Moscow: Veche, 2011. 270 p. (In Russ.).
4. Vodarskii Ia. E. Zagadki Prutskogo pokhoda Petra I [Riddles of Peter the Great 's Prut Campaign]. Moscow: Nauka, 2004. 226 p. (In Russ.).
5. Vodarskii Ia. E. Legendy Prutskogo pokhoda Petra I (1711 g.) [Legends of the Prut campaign of Peter I (1711)] // Otechestvennaia istoriia. 2004. № 5. P. 3–26. (In Russ.).
6. Vodarskii Ia. E. O nekotorykh sobytiakh Prutskogo pokhoda Petra I (1711g.) [About some events of the Prut campaign of Peter I (1711)] // Novye stranitsy istorii Otechestva. Penza: PGPI, 1992. P. 82–95. (In Russ.).
7. Vodarskii Ia. E. Uchastie Moldavii v russko-turetskoi voine 1711 g. [Participation of Moldavia in the Russian-Turkish War of 1711] // Rusin. 2006. № 2 (4). P. 56–68. (In Russ.).
8. Dolgikh A. N. Novoe issledovanie o «Prutskoi konfuzii» Petra I 1711 g.: k vykhodu knigi V. A. Artamonova «Turetsko-russkaia voina 1710–1713 gg.». M.: Izdatel'stvo «Kuchkovo pole», 2019. 448 p. [A new study on the “Prut Confusion” of Peter I in 1711: for the publication of V. A. Artamonov's book “The Turkish-Russian war 1710–1713”. M.: Publishing house “Kuchkovo pole”, 2019. 448 p.] // Istoriia: fakty i simvol'y. 2020. № 3 (24). P. 176–178. (In Russ.).
9. Istoriia Severnoi voiny, 1700–1721 gg. [History of the Northern War, 1700–1721] / [I. I. Rostunov, V. A. Avdeev, M. N. Osipova, Iu. F. Sokolov]; otv. red. I. I. Rostunov; AN SSSR, In-t voen. istorii M-va oborony SSSR. Moscow: Nauka, 1987. 212 p. (In Russ.).
10. Kulinich A. A. Ofitserskii korpus russkoi armii v srazhenii pri Stanilestakh v Prutskom pokhode 1711 g. [The officer corps of the Russian army in the Battle of Stanilesti in the Prut campaign of 1711] // The New Historical Perspectives: From Baltic to Pacific ocean. 2019. № 4 (17). P. 79–91. (In Russ.).
11. Kurat A. N. Glavnoe sobytie Prutskogo pokhoda. Perekhod turetskogo voiska v ataku (izvlechenie) [The main event of the Prut campaign. The transition of the Turkish army to the attack] / per. N. Belera // Artamonov V. A. Turetsko-russkaia voina 1710–1713. Moscow: Kuchkovo pole, 2019. P. 404–426. (In Russ.).
12. Kutishchev A. V. «Itit' s voiskom k Dunaiu». Prutskii pokhod — geroicheskaia tragicheskaja stranitsa rossiiskoi istorii [“Go with the army to the Danube”. The Prut Campaign is a heroic tragic page of Russian history] // Voenno-istoricheskii zhurnal. 2011. № 9. P. 17–19. (In Russ.).
13. Manoilenko Ju. E. Russkaia artilleriia v Prutskom pokhode (1711 g.) [Russian artillery in the Prut campaign (1711)] // Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences. 2008. № 77. P. 130–133. (In Russ.).
14. Molchanov N. N. Petr I [Peter I]. Moscow: Algoritm; EKSMO, 2003. 475 p. (In Russ.).
15. Oreshkova S. F. Russko-turetskie otnosheniia v nachale XVIII v. [Russian-Turkish relations at the beginning of the XVIII century.]. Moscow: Nauka, 1971. 205 p. (In Russ.).
16. Pavlenko N. I. Petr Velikii [Peter the Great]. Moscow: Mysl', 1994. 591 p. (In Russ.).
17. Semenova L. E. Kniazhestva Valakhii i Moldaviia. Konets XIV – nachalo XIX vv. Ocherki vneshnepoliticheskoi istorii [Principalities of Wallachia and Moldavia. Late XIV – early XIX centuries. Essays on foreign policy history]. Moscow: Indrik, 2006. 400 p. (In Russ.).
18. Semenova L. E. Russko-valashskie otnosheniia v kontse XVII – nachale XVIII v. [Russian-Wallachian relations at the end of the XVII – beginning of the XVIII century]. Moscow: Nauka, 1969. 167 p. (In Russ.).

УДК 94 (47) «17/1917»

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.48.4.02

Емельянова Александра Андреевна

кандидат исторических наук

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

PlatonovaE@mgpu.ru; ORCID: 0000-0003-4673-5558

**ВДОВЫ-МЕЩАНКИ В МОСКВЕ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.:
СОЦИАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ПОВТОРНЫХ БРАКОВ**

Аннотация. В статье на материале метрических книг автор определяет особенности брачного круга и брачного выбора овдовевших московских мещанок в первой половине – середине XIX в. В исследовании были задействованы метрические книги Никитского и Замоскворецкого сороков¹ за ряд лет: 1810, 1821, 1841 и 1859 гг. На данной территории в первой половине XIX в. проживало не менее трети населения старой столицы. Выбор Замоскворецкого и Никитского сороков был обусловлен тем, что они представляли две характерные для Москвы XIX в. социальные зоны, которые условно можно назвать купеческой и разночинной. Исследование показывает, что брачный круг вдов-мещанок включал те же социальные группы, что и брачный круг мещанских дочерей. Однако при повторных браках женихами мещанок реже становились представители полупривилегированных групп населения (купечество, чиновники); вдовы чаще, чем девушки-мещанки, вступали в браки с крепостными людьми. Доля внутрисловных браков у вдов была выше, чем у девушек. Автор связывает это с наличием в Москве массы бедных мещан, в том числе выходцев из крепостных, не имевших собственного жилья. Наличие любого имущества, тем более дома, унаследованного от мужа, делали вдов-мещанок весьма привлекательной партией для этой социальной группы. Исследование демонстрирует серьезные отличия демографического поведения московских мещан от модели, свойственной российскому крестьянству: внутри собственной группы (московское мещанство) доля повторных браков женщин была весьма высокой, отмечается преобладание повторных браков мещанок с мужчинами, женившимися первым браком.

Ключевые слова: вдовы, мещане, Москва, социальная история, повторные браки, метрические книги, положение женщины, историческая демография.

¹ Соро́к — церковно-административная единица в Москве XVI – начала XX в.

UDC 94 (47) «17/1917»

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.48.4.02

Yemelyanova Alexandra A.

Candidate of Historical Sciences

Moscow City University

Moscow, Russia

PlatonovaE@mgpu.ru; ORCID: 0000-0003-4673-5558

**MIDDLE-CLASS WIDOWS IN MOSCOW
IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY:
SOCIAL CHARACTERISTICS OF REMARRIAGES**

Annotation. In the article, based on the material of the metric books, the author defines the features of the marriage circle and the marriage choice of widowed Moscow philistines in the first half-middle of the XIX century. The metrical books of Nikitsky and Zamoskvoretsky “soroks”² for 1810, 1821, 1841 and 1859 were used. In the first half of the XIX century, at least a third of the population of Moscow lived there. The study shows, that the marriage circle of middle-class widows included the same social groups as the marriage circle of middle-class daughters. However, during repeated marriages, representatives of semi-privileged groups of the population (merchants, officials) became grooms of middle-class women less often, widows also more often married serfs. Among middle-class widows, the proportion of marriages with representatives of their own group was higher than among middle-class girls. The author connects this with the presence in Moscow of a mass of poor burghers, including those who came from serfs who did not have their own housing. The presence of any property, especially inherited from her husband at home, made middle-class widows a very attractive party for this social group. The study demonstrates serious differences in the demographic behavior of Moscow philistines from the model typical of the Russian peasantry: within their own group (Moscow philistinism), the proportion of remarriages of women was very high, there was a predominance of remarriages of philistines with men who married for the first time.

Keywords: widows, burghers, Moscow, social history, remarriages, metric books, the status of women, historical demography.

Введение. Социокультурные и историко-демографические аспекты темы женского вдовства в России привлекают исследователей с 1990-х гг.³ Изучение фигуры вдовы в России периода империи требует учета сословной и региональной специфики. В настоящее время наиболее полно освещено положение вдовы-крестьянки. Исследователи русской крестьянской общины впервые обратили внимание на особый статус вдов⁴, и его этнографическое изучение в традиционной русской культуре началось до формирования

² Soroks — church administrative units in Moscow in XVI – early XX centuries.

³ Гура А. В., Кабакова Г. И. Вдовство // Славянские древности. М., 1995. Т. 1. С. 293–297; Тульцева Л. А. Вдовья доля // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 20–26.

⁴ Рыблова М. А. Вдовы в традиционной семье и общине донских казаков // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 1. С. 279.

в отечественной науке современной социальной истории⁵. В ряду постсоветских работ в этой области необходимо отметить статьи З. З. Мухиной⁶, содержащие детальный историко-этнографический анализ феномена женского вдовства в русской деревне XIX в. В течение последних десяти лет выходили работы о вдовах, представлявших другие социальные группы: казачество (работы А. А. Моцидарской⁷, М. А. Рыбловой⁸), дворянство (статья А. М. Семенова и О. А. Семеновой⁹). Большой задел существует в исследовании жизни купеческих вдов: вопросы их имущественного и правового положения поднимались при освещении истории женского предпринимательства в России, возрастные и другие аспекты повторных браков — при изучении семейно-брачных отношений и культуры повседневности купечества¹⁰. Особенности положения вдовы-мещанки в XIX в. остаются до настоящего времени проблемой новой, практически не исследованной.

Мещанство — одно из податных сословий России XVIII–XIX вв., наиболее массовое городское сословие, жившее за счет мелкой торговли, ремесла, сдачи в наем жилья, извоза, огородничества, сезонных и иных заработков. Подгруппой мещан являлись цеховые ремесленники, формально выделяемые в отдельное сословие, но фактически составлявшие с мещанством одну социальную категорию¹¹. В рамках статьи данные по цеховым ремесленникам будут объединяться с общей статистикой по московским мещанам.

Пополнение рядов московского мещанства шло главным образом из вольноотпущенных крепостных и разорившихся купцов. Мещанство в Москве характеризовалось высокой степенью имущественной и культурной дифференциации,

⁵ Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 31, 59, 60, 174; Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988. С. 39–40 и др.

⁶ Мухина З. З. Вдова в русской крестьянской среде. Традиции и новации (вторая половина XIX – начало XX в.) // Женщина в российском обществе. 2012. № 4. С. 62–71; Её же. Правовое положение вдовы в русской крестьянской среде: традиции и новации (вторая половина XIX – начало XX в.) // Политика и общество. 2013. № 3. С. 322–329.

⁷ Моцидарская А. А. Вдовы сибирских служилых казаков в XVII веке // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2011. Т. 17. С. 308–311.

⁸ Рыблова М. А. Указ. соч.

⁹ Семенов А. М., Семенова О. А. Положение дворянской вдовы в России в XIX в. // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 98–106.

¹⁰ Козлова Н. В. Хозяйственная активность и предпринимательская деятельность купеческих жён и вдов Москвы в XVIII в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI – XVIII вв.: сб. материалов Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 17–20 сентября 2001 г.). СПб., 2001. С. 139–244; Зайцева О. М., Стрекалова Н. В. Женщина купеческого сословия г. Тамбова в конце XIX – начале XX века: штрихи к социальному портрету // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 23. Вып. 1 (171). С. 145–155; Ульянова Г. Н. Женщины-предприниматели Российской империи в 1890-е годы: экономическая деятельность, социобиографические и этнические параметры // Экономическая история: ежегодник. 2016–2017. М., 2017. С. 140–169. и др.

¹¹ Перова М. В. Цеховая организация ремесленного населения России середины XIX в.: функции, общественное значение и направление деятельности // Омский научный вестник. 2009. № 1 (75). С. 14.

что иллюстрирует список групп, входивших в брачный круг московских мещанок. Среди женихов были представители широкого социального диапазона — от крепостных крестьян до потомственных дворян. Например, в 1841 г. на территории одного только Никитского благочиния (сорока), кроме братьев по сословию, мужьями мещанок и цеховых женщин стали дворовые крепостные люди; купцы и их сыновья; вольноотпущенные; рядовые солдаты; унтер-офицеры; крестьяне разных категорий, в том числе «вольный хлебопашец»; табельные чиновники 9–14-го классов (обер-офицерские чины), а также музыкант при московских императорских театрах; некий «уроженец Ионических островов»; некий «Австрийский подданный»; батырщик (рабочий, обслуживавший печатный станок) университетской типографии; фельдшер; писарь в государственном учреждении и другие разночинцы¹².

В Москве приходские церкви составляли шесть сороков (благочиний). При проведении исследования были задействованы метрические книги Никитского и Замоскворецкого сороков за 1810, 1821, 1841 и 1859 гг.¹³ Выбор данных сороков обусловлен тем, что они представляли две характерные для Москвы XIX в. социальные зоны. С некоторой степенью условности московские сороки можно разделить на две группы по специфике социального состава населения. К первой группе относились благочиния, включавшие «дворянские» районы, расположенные в центре, и «разночинные» улицы, находившиеся ближе к окраинам. Ко второй группе относились сороки со значительным купеческим населением в пределах Земляного города — Никитский и Замоскворецкий. В границах двух этих благочиний в первой половине XIX в. проживало не менее трети населения города.

В статье мы постараемся охарактеризовать особенности брачного круга вдов-мещанок в Москве первой половины – середины XIX в.

Ход и результаты исследования. Православие допускает за всю жизнь человека три брака, как для мужчины, так и для женщины. При этом повторные браки были преимущественно уделом мужчины. Третий брак для женщины существовал в теории, на практике в народной среде был практически не известен. Русские крестьяне, составлявшие большинство населения, не приветствовали третий брак даже для мужчин, для которых повторные браки были во всех отношениях доступнее. По наблюдениям этнографов, в русской традиционной культуре существовала четкая установка на браки вдов с вдовцами. Бытовало поверье, что на том свете первые супруги находят друг друга и снова создают пару, а вторые — остаются одиноки¹⁴. Для крестьянского парня жениться на вдове считалось позором¹⁵.

¹² Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ). Ф. 203. Оп. 745. Т. 1. Д. 359, 360.

¹³ Там же. Д. 171, 174, 230, 232, 354, 355, 359, 360, 551, 552, 556, 557.

¹⁴ *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи. (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб., 2000. С. 165.

¹⁵ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. СПб., 2005. Т. 3. С. 432.

Историко-демографические исследования российских городов дореформенного периода показывают, что жизненные обстоятельства могли успешно корректировать традиционные демографические установки. Так, в Севастополе XIX в., где основное население состояло из военных моряков, выходцев из деревни, вдовы массово заключали вторые браки, при этом третьи венчания отмечаются исключительно у женщин. Функция Севастополя как базы военно-морского флота обусловила огромную диспропорцию полов в составе населения (1 женщина — более 9 мужчин). В 1851 г. в Севастополе женившихся вторым браком было около 16 %, а невест, повторно вышедших замуж, вдвое больше — 32,38 % (17,61 % из них венчались с холостяками)¹⁶.

В типичном российском городе XIX в. наблюдалось численное преобладание женщин. Главная причина состояла, вероятно, в том, что в составе мещанского сословия на протяжении XIX в. отмечалась диспропорция полов. В середине XIX в. в России на 1000 мещан мужского пола приходилось 1083 женщины-мещанки¹⁷. В 1830 г., по данным «Статистической записки» В. П. Андросова, в Москве среди мещан было 25 636 женщин и 21 651 мужчин¹⁸. Однако фактический перевес женщин среди приписанного к Москве мещанства был выше, так как в источнике приводятся цифры с учетом прибывших в Москву на заработки иногородних мещан-мужчин.

В 1868 г. на территории европейской части страны среди лиц, заключивших повторный брак, мужчины составляли 58,3 %, а женщины — 41,7 %¹⁹. Мы можем сравнить с данными, которые дает наша выборка. В 1859 г. в Москве среди мещан, вступивших в повторный брак, мужчины составили 47,7 %, а женщины — 52,2 %. Таким образом, мы видим весьма высокую долю повторных браков у женщин внутри московского мещанства, и это существенно отличается от общей картины, сформированной прежде всего в крестьянской среде. Если мы рассмотрим процент повторных венчаний от всех браков с участием московских мещан на исследованной территории, мы увидим, что мужчины в среднем все-таки чаще заключали повторные браки, чем женщины. Например, в 1859 г. у мужчин-мещан из 231 венчания 32, или 13,8 %, были повторными, а у женщин из 352 венчаний — 35, или 9,94 %. Как показывает таблица, средняя доля повторных браков за четыре года у мещан и мещанок почти совпадает (11,7 % — у мужчин, 10,9 % — у женщин).

¹⁶ Хабарова О. В. Динамика показателей брачного поведения жителей Севастополя в XIX в.: анализ базы данных, созданной по материалам метрических книг // Историческая информатика. 2013. № 2 (4). С. 88, 95.

¹⁷ Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): статистические очерки. М., 1956. С. 259.

¹⁸ Андросов В. П. Статистическая записка о Москве. М., 1832. С. 52.

¹⁹ Вишнякова Д. В., Семенов В. А. Брачность населения европейского Северо-Востока России во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2010. № 4 (4). С. 90.

Таблица

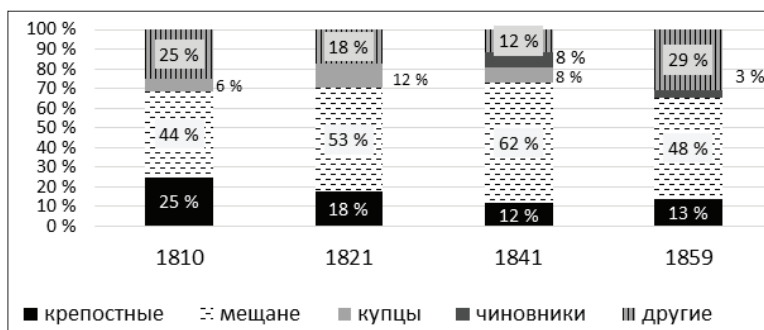
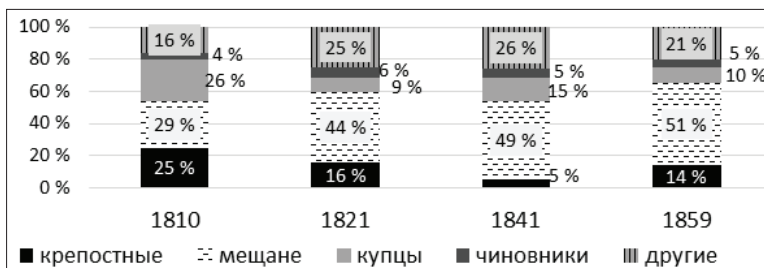
Повторные браки московских мещан и цеховых, %²⁰

Годы	Мужчины	Женщины
1810	9,85	15,15
1821	12,8	8,64
1841	10,66	10,19
1859	13,8	9,94

Примечание: 100 % — первые и повторные браки мужчин/женщин за год.

Напомним, что для Европейской России XIX в. было характерно заключение повторных браков преимущественно мужчинами. Например, во второй половине XIX в. по Коми краю только одна треть повторных браков приходилась на женщин и две трети на мужчин²¹.

Предположим, что в Москве вдовы-мещанки становились женами мужчин из групп населения, у которых не было или не хватало женщин общего с ними статуса: нижние воинские чины, небогатые разночинцы, такие как типографские рабочие, театральные капельдинеры и др. Для проверки этого предположения обратимся к социальному составу женихов (см. рис. 1–2).

Рис. 1. Женихи мещанок-вдов²²Рис. 2. Женихи мещанок-девушек²³

²⁰ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 745. Т. 1. Д. 171, 174, 230, 232, 354, 355, 359, 360, 551, 552, 556, 557.

²¹ Вишнякова Д. В., Семенов В. А. Указ. соч. С. 89.

²² ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 745. Т. 1. Д. 171, 174, 230, 232, 354, 355, 359, 360, 551, 552, 556, 557.

²³ Там же.

По социальному статусу мужчины, женившиеся на мещанках, образуют пять групп. Кроме мещан одноименная группа включает цеховых ремесленников. В группу «чиновники» мы объединили табельных чиновников, канцеляристов, а также не служащих, но имеющих классный чин, например, кандидата коммерции. В группу «купцы» кроме собственно купцов вошли женихи со статусом «сын купца». Группа «другие», весьма пестрая по составу, включает нижние воинские чины, пожарных служителей, вольноотпущенных, типографских рабочих и других разночинцев. Средний процент браков вдов с мужчинами из группы «другие» — 21, а у девушек — 22. Таким образом, высокий уровень повторных замужеств мещанок в Москве, очевидно, не объясняется массовыми браками вдов с солдатами и разночинцами.

Особое внимание обращают на себя браки вдов и девиц с представителями групп, занимавшими максимально удаленные позиции в сословно-правовой иерархии, — чиновниками и крепостными людьми. Крепостные (преимущественно дворовые) люди являлись наименее правоспособной группой в брачном круге мещанок. На браки с крепостными должны были быть ориентированы малообеспеченные мещанские семьи, часто сами в первом или во втором поколении происходившие из вольноотпущенных. С 1810 по 1841 г. мы видим сокращение браков мещанок с крепостными. За два года до отмены крепостного права, в 1859 г., отмечается рост числа браков с этой категорией женихов как у мещанских девушек, так и у вдов. Вероятно, резко возросший поток мигрантов из деревни, оказавший во второй половине XIX в. огромное влияние на все сферы городской жизни и даже приведший, по мнению Б. Н. Миронова, к ментальному «окрестьяниванию» городских низов²⁴, начался за несколько лет до отмены крепостного права и отразился на увеличении мещанско-крестьянских браков. Средняя доля браков с крепостными людьми по всем выборкам у девушек — 15 %, а у вдов — 17 %. Таким образом, в беднейшей страте московского мещанства вдовы чуть чаще выходили замуж за крепостных, чем девушки.

Государственная служба являлась сословной привилегией и в рассматриваемый период была закрыта для податных сословий, так что не только чиновничество, но даже канцеляристы могут рассматриваться в качестве элиты брачного круга московских мещанок. Браки мещанских вдов с государственными служащими встречались, но были в целом явлением более редким, чем у мещанок-девиц. В выборках 1810 и 1821 гг. браки вдов-мещанок с чиновниками и канцеляристами отсутствуют.

Еще заметнее отличие распространенности браков с купечеством. Лица, имевшие статус купца, а также их сыновья значительно реже связывали себя браком с мещанскими вдовами, чем с мещанскими девушками.

Во всех выборках кроме выборки 1859 г. доля внутрисословных или социально-гомогенных браков у вдов выше, чем у девиц, т. е. овдовевшие мещанки чаще выходили замуж за мещан, чем мещанские дочери. Причина состоит

²⁴ Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 341.

в социально-экономических особенностях жизни московского мещанства. Значительная его часть в старой столице принадлежала к бедноте, не владевшей ни землей, ни строениями на территории города. По данным «Журнала Министерства внутренних дел», в Москве в 1840-е гг. «около трех четвертей всего количества мещан» не имели в городе «собственного крова»²⁵. Автором был проведен анализ части «А» обывательской книги 1840-х гг., в которую вносилась информация о владельцах недвижимости в Москве (домовладельцы с фамилиями на «А»)²⁶. В исследованной выборке соотношение мещан мужского и женского пола оказалось довольно близким: 52 % — мужчины, 48 % — женщины. Из мещанок, владевших домами, статус вдовы имели более половины — 53 % (25 женщин). Из вдов 17 женщин (почти 70 %) были в возрасте до 50 лет, 11 женщин до 40 лет. В источнике отмечено всего восемь овдовевших мещанок (т. е. около одной трети вдов) в возрасте старше 50 лет. Это те, кто не смогли (например, в силу возраста) или не захотели повторно выходить замуж. Показательно, что среди мужчин восемь из 12, зафиксированных в источнике мещан-вдовцов, имели возраст 60+, а у вдов всего три из 25. На наш взгляд, это свидетельствует о высокой востребованности располагавших жильем мещанских вдов на брачном рынке. Можно предположить, что вдовы, владевшие домами, имели больше шансов на замужество, чем старые девы, унаследовавшие или купившие жилье: в возрасте 50+ отмечено семь из 17 (41 %) девиц-мещанок и восемь из 25 (32 %) вдов-мещанок.

Интерес представляет соотношение браков женщин, похоронивших первых мужей, с холостяками и вдовцами. Напомним, что, по этнографическим наблюдениям, в России XIX в., вдовы, как правило, создавали супружеские пары с вдовцами. Наше исследование показывает, что вдовы-мещанки в Москве в абсолютном большинстве случаев выходили замуж за холостяков, никогда прежде не женившихся. Доля браков вдов-мещанок с вдовцами не достигает даже 35 % (см. рис. 3).

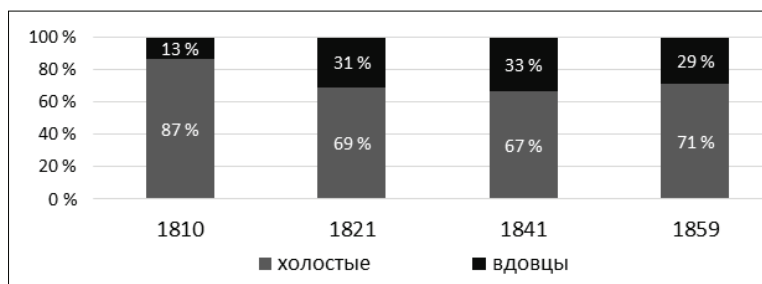

Рис. 3. Семейное положение женихов вдов-мещанок²⁷

²⁵ Мещанское сословие в Москве (за 1845 г.) // Журнал Министерства внутренних дел. 1847. Ч. 17. С. 76.

²⁶ ЦИАМ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1. Часть «А». Л. 1–51.

²⁷ Там же. Ф. 203. Оп. 745. Т. 1. Д. 171, 174, 230, 232, 354, 355, 359, 360, 551, 552, 556, 557.

Выборки из метрических книг за 1841 и 1859 гг. содержат данные о возрасте вступающих в брак²⁸. Примечательно, что средний возраст вдов, выходивших замуж на территории купеческого Замоскворечья, на один-два года меньше, чем вдов-мещанок, венчавшихся на территории разночинного Никитского сорока. В первом случае он составлял 28 лет, во втором — 29–31 год. Средний возраст мужчины, женившегося на овдовевшей мещанке, естественно, был более зрелым на территории Никитского сорока, где вдовы-невесты были чуть старше: в 1841 г. он составлял в Замоскворецком сороке 35,8 лет, в Никитском — 36,4 лет. В 1859 г. женихи вдов-мещанок «помолодели». При сохранении прежнего возраста невест средний возраст мужчины, бравшего за себя вдову-мещанку, в Замоскворечье опустился до 29,4 лет, на территории Никитского сорока — до 34 лет. Причина снижения среднего показателя заключается в появлении среди женихов очень молодых крепостных крестьян, юношей в возрасте 21–22 лет. При этом невесты могли быть значительно старше своих будущих мужей, в одном случае вдова была старше жениха-крестьянина на 12 лет²⁹.

Заключение. В условиях выраженного имущественного неравенства внутри московского мещанства статус вдовы не означал автоматическое превращение мещанки в аутсайдера брачного рынка. В целом брачный круг вдов включал те же социальные категории, что и брачный круг девушек. Однако отмечается сокращение в числе женихов овдовевших мещанок представителей полупривилегированных групп населения и увеличение браков с крепостными людьми. Большую часть вторых браков мещанки заключали с представителями собственного сословия. Вероятно, мужьями вдов становились в основном малообеспеченные мещане. Исследование демонстрирует серьезные отличия демографического поведения московских мещанок от модели, свойственной российскому крестьянству: у мещанок отмечается высокий процент вторых браков, а также преобладание союзов вдов с мужчинами, женившимися первым браком. Повторные браки московских мещанок в XIX в. являются еще одним примером того, как жизненные обстоятельства успешно корректировали традиционные демографические установки. В условиях, когда московское мещанство активно пополнялось за счет вольноотпущенных крепостных, а две трети московских мещан не имели в городе собственного жилья, наличие любого имущества, тем более дома, унаследованного от мужа, делали вдов-мещанок весьма востребованными на брачном рынке.

²⁸ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 745. Т. 1. Д. 354, 355, 359, 360, 551, 552, 556, 557.

²⁹ Там же. Д. 551. Л. 44 об.

Л и т е р а т у р а

1. Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры. Л.: Наука, 1988. 276 с.
2. Вишнякова Д. В., Семенов В. А. Брачность населения европейского Северо-Востока России во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2010. № 4 (4). С. 87–93.
3. Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М.: Наука, 1986. 274 с.
4. Гура А. В., Кабакова Г. И. Вдовство // Славянские древности. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 293–297.
5. Зайцева О. М., Стрекалова Н. В. Женщина купеческого сословия г. Тамбова в конце XIX – начале XX века: штрихи к социальному портрету // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 23. Вып. 1 (171). С. 145–155.
6. Козлова Н. В. Хозяйственная активность и предпринимательская деятельность купеческих жён и вдов Москвы в XVIII в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XVIII вв.: сб. материалов Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 17–20 сентября 2001 г.). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2001. С. 139–244.
7. Мионов Б. Н. Социальная история России периода империи. (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 548 с.
8. Моцидарская А. А. Вдовы сибирских служилых казаков в XVII веке // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. Т. 17. С. 308–311.
9. Мухина З. З. Вдова в русской крестьянской среде. Традиции и новации (вторая половина XIX – начало XX в.) // Женщина в российском обществе. 2012. № 4. С. 62–71.
10. Мухина З. З. Правовое положение вдовы в русской крестьянской среде: традиции и новации (вторая половина XIX – начало XX в.) // Политика и общество. 2013. № 3. С. 322–329.
11. Перова М. В. Цеховая организация ремесленного населения России середины XIX в.: функции, общественное значение и направление деятельности // Омский научный вестник. 2009. № 1 (75). С. 13–18.
12. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): статистические очерки. М.: Госстатиздат, 1956. 351 с.
13. Рыблова М. А. Вдовы в традиционной семье и общине донских казаков // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 1. С. 279–292.
14. Семенов А. М., Семенова О. А. Положение дворянской вдовы в России в XIX в. // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 98–106.
15. Тульцева Л. А. Вдовья доля // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 20–26.
16. Ульянова Г. Н. Женщины-предприниматели Российской империи в 1890-е годы: экономическая деятельность, социобиографические и этнические параметры // Экономическая история: ежегодник. 2016–2017. М.: ИРИ РАН, 2017. С. 140–169.
17. Хабарова О. В. Динамика показателей брачного поведения жителей Севастополя в XIX в.: анализ базы данных, созданной по материалам метрических книг // Историческая информатика. 2013. № 2 (4). С. 86–100.

References

1. Bernshtam T. A. Molodezh' v obriadovoi zhizni russkoi obshchiny XIX – nachala XX v.: Polovozrastnoi aspekt traditsionnoi kul'tury [Youth in the Ritual life of the Russian Community of the XIX – early XX century: The gender and age aspect of traditional culture]. Leningrad: Nauka, 1988. 276 p. (In Russ.).
2. Vishniakova D. V., Semenov V. A. Brachnost' naseleniia evropeiskogo Severo-Vostoka Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Marital status of the population of the European North-East of Russia in the second half of the XIX – early XX century] // Izvestiia Komi NTs UrO RAN. 2010. № 4 (4). P. 87–93. (In Russ.).
3. Gromyko M. M. Traditsionnye normy povedeniia i formy obshcheniia russkikh krest'ian XIX v. [Traditional norms of behavior and forms of communication of Russian peasants of the XIX century]. Moscow: Nauka, 1986. 274 p. (In Russ.).
4. Gura A. V., Kabakova G. I. Vdovstvo [Widowhood] // Slavianskie drevnosti. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1995. T. 1. P. 293–297. (In Russ.).
5. Zaitseva O. M., Strekalova N. V. Zhenshchina kupecheskogo sosloviia g. Tambova v kontse XIX – nachale XX veka: shtrikhi k sotsial'nomu portretu [A woman of the merchant class of Tambov in the late XIX – early XX century: touches to a social portrait] // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriia: Gumanitarnye nauki. 2018. T. 23. Vyp. 1 (171). P. 145–155. (In Russ.).
6. Kozlova N. V. Khoziaistvennaia aktivnost' i predprinimatel'skaia deiatel'nost' kupecheskikh zhen i vdov Moskvyy v XVIII v. [Economic activity and entrepreneurial activity of merchant wives and widows of Moscow in the XVIII century] // Torgovlia, kupechestvo i tamozhennoe delo v Rossii v XVI–XVIII vv.: sb. materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 17–20 sentiabria 2001 g.). St. Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2001. P. 139–244. (In Russ.).
7. Mironov B. N. Sotsial'naia istoriia Rossii perioda imperii. (XVIII – nachalo XX v.). Genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva [Social history of Russia during the Empire period (XVIII – early XX century). Genesis of personality, democratic family, civil society and the rule of law]. T. 1. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2000. 548 p. (In Russ.).
8. Motsidarskaia A. A. Vdovy sibirskikh sluzhilykh kazakov v XVII veke [Widows of Siberian service Cossacks in the XVII century] // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2011. T. 17. P. 308–311. (In Russ.).
9. Mukhina Z. Z. Vdova v russkoi krest'ianskoi srede. Traditsii i novatsii (vtoraia polovina XIX – nachalo XX v.) [A widow in the Russian peasant environment. Traditions and innovations (the second half of the XIX – the beginning of the XX century)] // Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2012. № 4. P. 62–71. (In Russ.).
10. Mukhina Z. Z. Pravovoe polozhenie vdovy v russkoi krest'ianskoi srede: traditsii i novatsii (vtoraia polovina XIX – nachalo XX v.) [The legal status of a widow in the Russian peasant environment: traditions and innovations (the second half of the XIX – beginning of the XX century)] // Politika i obshchestvo. 2013. № 3. P. 322–329. (In Russ.).
11. Perova M. V. Tsekhovaia organizatsiia remeslennogo naseleniia Rossii serediny XIX v.: funktsii, obshchestvennoe znachenie i napravlenie deiatel'nosti [Workshop organization of the handicraft population of Russia in the middle of the XIX century: functions,

social significance and direction of activity] // Omskii nauchnyi vestnik. 2009. № 1 (75). P. 13–18. (In Russ.).

12. Rashin A. G. Naselenie Rossii za 100 let (1811–1913 gg.): statisticheskie ocherki [The population of Russia for 100 years (1811–1913) Statistical essays]. Moscow: Gosstatizdat, 1956. 351 p. (In Russ.).

13. Ryblova M. A. Vdovy v traditsionnoi sem'e i obshchine donskikh kazakov [Widows in the traditional family and community of the Don Cossacks] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriiia. 2021. T. 66. Vyp. 1. P. 279–292. (In Russ.).

14. Semenov A. M., Semenova O. A. Polozhenie dvorianskoï vdovy v Rossii v XIX v. [The position of a noble widow in Russia in the XIX century] // Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2019. № 2. P. 98–106. (In Russ.).

15. Tul'tseva L. A. Vdov'ia dolia [Widow's share] // Etnograficheskoe obozrenie. 1995. № 3. P. 20–26. (In Russ.).

16. Ul'ianova G. N. Zhenshchiny-predprinimateli Rossiiskoi imperii v 1890-e gody: ekonomicheskaiia deiatel'nost', sotsiobiograficheskie i etnicheskie parametry [Women entrepreneurs of the Russian Empire in the 1890s: economic activity, sociobiographic and ethnic parameters] // Ekonomicheskaiia istoriia: ezhegodnik. 2016–2017. M.: IRI RAN, 2017. P. 140–169. (In Russ.).

17. Khabarova O. V. Dinamika pokazatelei brachnogo povedeniia zhitelei Sevastopolia v XIX v.: analiz bazy dannykh, sozdannoi po materialam metricheskikh knig [Dynamics of indicators of marital behavior of residents of Sevastopol in the XIX century: analysis of a database created based on the materials of metric books] // Istoricheskaiia informatika. 2013. № 2 (4). P. 86–100. (In Russ.).

УДК 93/94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.48.4.03

Дёмин Вадим Александрович

доктор исторических наук, доцент

Государственная публичная историческая библиотека

Россия, Москва

vadime_demine@mail.ru

ПАРЛАМЕНТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. И. ГУЧКОВА

Аннотация. Статья посвящена деятельности А. И. Гучкова в законодательных палатах Российской империи — Государственной думе и Государственном совете. Показано, что в Государственном совете лидер октябристов не смог занять видного положения. В III Государственной думе, напротив, Гучков стал председателем крупнейшей фракции октябристов и комиссии по государственной обороне, а с 1910 по 1911 г. занимал пост председателя Думы. Ему удалось превратить думскую комиссию по государственной обороне в один из центров принятия решений по военным делам, прежде всего в вопросах социальной защиты военнослужащих. При этом Гучков руководствовался исключительно собственными взглядами и интересами и не был склонен отстаивать интересы своих избирателей, считаться с коллегами по фракции, а также идти на уступки Николаю II и правительству. В результате к концу работы III Думы Гучков утратил значительную часть влияния во фракции, потерял контакт с правительством и стал личным врагом императора.

Ключевые слова: А. И. Гучков, III Государственная дума, Государственный совет, «Союз 17 октября», комиссия по государственной обороне, П. А. Столыпин, военные реформы.

UDC 93/94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.48.4.03

Demin Vadim A.

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

State Historical Public Library of Russia

Russia, Moscow

vadime_demine@mail.ru

PARLIAMENTARY ACTIVITIES OF A. I. GUCHKOV

Abstract. The article talks about the activities of A. I. Guchkov in the legislative chambers of the Russian Empire: the State Duma and the State Council. It is shown that the leader of the Octobrists could not occupy a prominent position in the State Council. In the Third State Duma, on the contrary, Guchkov became chairman of the largest faction of the Octobrists and the commission for state defense, and from 1910 to 1911 he served as chairman of the Duma. He managed to turn the Duma State Defense Commission into one of the decision-making centers on military affairs, primarily in matters of social protection

of servicemen. At the same time, Guchkov was guided solely by his own views and interests and was not inclined to defend the interests of his voters, to reckon with his colleagues in the faction, and also to make concessions to Nicholas II and the government. As a result, by the end of the work of the Third Duma, Guchkov lost a significant part of his influence in the faction, lost contact with the government and became the personal enemy of the emperor.

Keywords: Alexander Guchkov, III State Duma, State Council, Union of October 17, State Defense Commission, Petr Stolypin, military reforms.

Введение. Политическая деятельность Александра Ивановича Гучкова рассматривалась в значительном числе исследований¹. Однако его работа в законодательных палатах (Государственной думе и реформированном Государственном совете) не была предметом отдельного изучения. Предлагаемая статья преследует цель восполнить этот пробел.

Ход и результаты исследования. Участие А. И. Гучкова в работе законодательных палат началось с конца мая 1907 г., когда лидер октябристов был избран в Государственный совет от промышленности и торговли и вошел в умеренную группу центра². Спустя несколько дней последовал роспуск II Государственной думы и прекращение сессии Совета, в котором в этот период политическим влиянием пользовались представители высшей бюрократии, а не связанные с ней общественные деятели оказывались на положении рядовых членов.

Таким образом, осенью 1907 г. Гучков с еще одним будущим председателем Думы (М. В. Родзянко) предпочел перейти в III Государственную думу и 17 октября был избран в нее от первого разряда избирателей г. Москвы. В Думе Гучков, бывший с 1906 г. бесспорным лидером «Союза 17 октября», стал председателем его думской фракции.

В I сессию Думы (01.11.1907–28.06.1908) Александр Иванович выступил с 20 речами и репликами³. Их можно свести к трем основным направлениям:

¹ Pinchuk B.-C. The Octobrists in the Third Duma. Seattle; London, 1974; Gleason W. Alexander Guchkov and the end of the Russian Empire. Philadelphia, 1983; Шелохаев В. В. Партия октябристов в период первой российской революции. М., 1987; Его же. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914 гг. М., 1991; Боханов А. М. А. И. Гучков // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993; Вишневски Э. Либеральная оппозиция в России накануне первой мировой войны. М., 1993; Сенин А. С. Александр Иванович Гучков. М., 1996; Соловьев К. А. Законодательная и исполнительная власть в России. М., 2011; Соловьев К. А., Шелохаев В. В. История деятельности первых Государственных дум дореволюционной России: сравнительный анализ традиций законотворчества. М., 2013; Их же. История деятельности первых Государственных дум дореволюционной России: сравнительный анализ традиций законотворчества. М., 2013; Козодой В. И. Александр Иванович Гучков и Великая русская революция. Новосибирск, 2015; Архипов В. Л. Созвездие обреченных. Двенадцать в революции. СПб., 2016 и др.

² О ней см.: Демин В. А. Группа центра Государственного совета (1906–1911): состав и деятельность // Таврические чтения 2020. СПб., 2021. Ч. 1. С. 119–126.

³ Государственная дума. Созыв 3. Сессия 1. Указатель к стенографическим отчетам. СПб., 1908. С. 116–117.

государственно-правовые вопросы, отношение к Конституционно-демократической партии и военное строительство.

В своей первой думской речи 13 декабря 1907 г. лидер октябристов объявил государственный строй России конституционным. Гучков заявил: «Я принадлежу к той политической партии, для которой ясно, что манифест 17 октября заключал в себе добровольный акт отречения Монарха от прав неограниченности. <...> Для нас несомненно, что тот государственный переворот, который совершен был нашим Монархом, является установлением конституционного строя в нашем отечестве...». При этом лидер октябристов утверждал, что конституция не ослабляет монархическую власть. По его мнению, «Государь, опирающийся на народное представительство, тем самым становится свободным... и от придворной камарильи и от чиновничьего средостения, мы видим в этом акт освобождения Царя...»⁴

Лидер октябристов подчеркивал также необходимость сильной монархической власти для решения стоящих перед Россией внешних и внутренних задач. Гучков очень резко выступил против парламентаризма, т. е. ответственности правительства перед парламентом. Как было показано автором, отношение к нему октябристов было сложным: они во времена I и II Дум возражали против думского министерства главным образом из-за нежелания перехода власти к кадетам, в последующем соглашались на ответственность правительства перед императором лишь при условии его тесного сотрудничества с Думой⁵. Именно поэтому в годы Первой мировой войны октябристы в составе Прогрессивного блока выступили за контроль Думы над исполнительной властью.

Однако в конце 1907 г. Гучков приписал октябристам решительную борьбу против парламентаризма и заявил: «Ведь не для того освобождал себя Царь от чиновников и царедворцев, чтобы отдать свою Власть, свой священный ореол, ту громадную духовную мощь, которая связана с Царским именем, в распоряжение политических партий и их центральных комитетов»⁶.

Тем не менее через 2,5 месяца Гучков стал добиваться расширения влияния Думы явочным порядком (как известно, именно так и складывался парламентаризм в Западной Европе). 27 февраля 1908 г. при обсуждении законопроекта о преобразовании миссии в Японии в посольство лидер октябристов потребовал от министра иностранных дел разъяснений по вопросам внешней политики⁷. А. П. Извольский такие объяснения дал, что стало прецедентом и положило начало думским прениям по заявлениям министра иностранных дел, хотя по Основным законам 1906 г. внешнеполитические дела не подлежали ведению Думы.

⁴ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия 1. Ч. 1. СПб., 1908. Стб. 137–138.

⁵ Демин В. А. Фракция Союза 17 октября III Государственной думы: успехи и провалы // Таврические чтения, 2015. СПб., 2016. Ч. 1. С. 137–138.

⁶ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия 1. Ч. 1. Стб. 139.

⁷ Там же. Ч. 2. Стб. 104–105.

Кроме того, Гучков добился передачи законопроекта о старообрядческих общинах в особую комиссию, а не в комиссию по делам православной церкви, склонную защищать ее привилегии.

Отношение Гучкова к кадетам было противоречивым. Лидер октябристов, обосновывая предоставление возглавляемой им комиссии по государственной обороне право не допускать на заседания не входивших в нее депутатов, заявлял: «Я далек от мысли аргументировать такого рода соображениями, что в самой среде Государственной Думы могут быть или такие лица, которым, по их личным качествам и их прошлому, не могут быть вверяемы тайны государственной обороны, или даже целые политические партии, анти-государственные или анти-национальные, стремления коих не позволяют допускать их к тайнам, с которыми связаны интересы государственной безопасности»⁸. Необходимость закрытия дверей обосновывалось желанием ограничить число знакомых с секретными сведениями лиц. В 1911 г. Гучков утверждал, что был против этого решения и признавал, что оно было вынесено из-за Выборгского воззвания, т. е. недоверия к партии⁹.

При обсуждении проекта о помощи пострадавшим против революционного терроризма 8 февраля 1908 г. Александр Иванович предлагал левым либералам поддержать программу, направленную на «оздоровление нашего нравственного сознания». По мнению Гучкова, «истинными героями» являются не террористы, а правительственные чиновники и городовые¹⁰.

Однако после явного нежелания радикальных либералов однозначно отмежеваться от революционеров¹¹ Гучков изменил свою позицию и резко осудил конституционно-демократическую партию: «Я считаю, что эта партия сыграла роковую роль в истории нашей молодой политической свободы... Вы помните, как эта партия ловко подседала на запятки русской революции, приняв ее за ту триумфальную колесницу, которая доведет их до вершины власти (Шум слева) и не заметив, что это просто дрянная, скрипучая, домашней работы телега, которая в конце концов завязла (*Рукоплескания справа и центра*) в грязи, увы, в кровавой грязи»¹².

Главным направлением думской деятельности Гучкова стали военные дела. Лидер октябристов был уверен, что «в этот исторический момент, который мы переживаем, вопросы государственной обороны и государственной безопасности должны стоять выше остальных — и по важности своей, и, главное, по неотложности разрешения», так как «новое поражение России... явится тем ядовитым укусом, который сведет в могилу нашу Родину... (*Рукоплескания, возгласы: верно*)»¹³.

⁸ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия 1. Ч. 1. Стб. 1416–1417.

⁹ Там же. Сессия 5. Ч. 1. СПб., 1912. Стб. 3089.

¹⁰ Там же. Сессия 1. Ч. 1. Стб. 1843–1844.

¹¹ Как известно, внесенная кадетами «формула перехода» хотя и признавала «вред» терроризма, но ответственность за него возлагала на правительство.

¹² Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия 1. Ч. 1. Стб. 1535.

¹³ Там же. Ч. 3. Стб. 1598–1600.

По Основным законам 23 апреля 1906 г. Государственной думе была подведомственна лишь финансовая сторона военных дел, в остальном они разрешались императором без участия законодательных палат. Таким образом, в верхней палате — Государственном совете — до 1915 г. комиссии по этим вопросам не было. Тем не менее Гучков добился учреждения думской комиссии государственной обороны в самом начале работы III Думы (15 ноября 1907 г.) и был избран ее председателем. Благодаря использованию финансовых полномочий и права законодательной инициативы, а также связей в офицерском корпусе Гучкову удалось превратить комиссию в один из центров принятия решений по военным делам, главным образом применительно к социальной защите военнослужащих.

С мая 1908 г. Гучков начал эмоциональные и не всегда содержательные нападки на военное руководство, рассуждая о «канцелярском строе» военного министерства и неудовлетворительном подборе высшего командного состава. Также лидер октябристов критиковал разделение управления военным ведомством и привилегии гвардии. В частности, Гучков прямо объявил Совет государственной обороны «серьезным тормозом в деле реформы и всякого улучшения нашей государственной обороны», а назначение на руководящие военно-административные посты великих князей объявил «делом совершенно ненормальным», ведущим к «дезорганизации... граничащей с анархией... во главе управления военным ведомством»¹⁴.

Вообще участие членов императорской фамилии в государственном управлении вызывало негодование лидера октябристов. При обсуждении проекта об ассигновании средств на содержание собора Воскресения Христова на Крови Гучков заявил: «...постройка этого храма была поручена особой комиссии под председательством великого князя Владимира Александровича. При этих условиях создалась та атмосфера безответственности, результаты которой мы знаем во многих отраслях нашей жизни», что привело к «медленности постройки» и «некоторому неблагополучию в хозяйственном ведении дела»¹⁵.

Рассуждая о Русско-японской войне, Гучков объявил, что армия «вела войну на два фронта, один с Японией, а другой с Петербургом, с правительством, с военным министерством». О вине общества в поражении лидер октябристов также говорил, но лишь после вины правительства.

После думской критики единое управление военным ведомством в том же 1908 г. было в основном восстановлено, однако связано это было, по всей видимости, главным образом с отставкой великого князя Николая Николаевича с поста председателя Совета обороны, вызванной его борьбой против военного кораблестроения.

Гучков стал инициатором думского отказа в кредитах на военное судостроение, посвятив этому вопросу две речи в мае 1908 г. В них лидер октябристов рассуждал о «глубоком расстройстве» морских сил и вредности следования

¹⁴ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия I. Ч. 3. Стб. 1598–1600.

¹⁵ Там же. Ч. I. Стб. 1064.

старому пути. Председатель комиссии по обороне заявил: «Старые, знакомые черты отличают нашу морскую политику: увлечение судостроением, пренебрежение личным составом, те дефекты организационные, дефекты в области хозяйственной и технической — все это осталось по-прежнему, и только в самое последнее время, с тех пор, когда грозный призрак отказа в кредитах встал перед ведомством, тогда только проявилось некоторое движение воды. Будем надеяться, что это движение будет продолжаться и что оно выльется в реальные реформы. Вот здесь-то мы и расходимся с нашими, казалось бы, противниками — они предполагают, что ассигнование кредита не остановит, а будет способствовать этому движению, мы же глубоко убеждены, что готовится полная приостановка в деле реформ, что эти реформы не будут столь смелы и радикальны, как должны бы быть, если ведомство получит от нас кредиты...»¹⁶

Также Гучков обозначил свое желание влиять на руководящие назначения в военных ведомствах, рассказав о слухах о назначении морским министром адмирала Е. И. Алексеева и заявив о неприемлемости этого.

На II сессии III Думы (15 октября 1908 г. – 2 июня 1909 г.) Александр Иванович произнес 21 речь и реплику. 12 декабря 1908 г. при обсуждении бюджета Министерства иностранных дел лидер октябристов в первый и последний раз развернуто высказался о внешней политике, сделав это в панславистском духе. По мнению Гучкова, «поддержка и защита справедливых жизненных интересов славянских народностей» является «священной обязанностью для нашей дипломатии, для нашего правительства». Кроме того, он выступил за союз с Францией и Соединенным Королевством, а также за дружественные отношения с Германией¹⁷.

15 мая 1909 г. лидер октябристов решительно поддержал законопроект об улучшении положения старообрядцев, в том числе предоставление им права проповеди, введение явочного порядка открытия их общин и признание старообрядческой иерархии. Этот и другие законопроекты, направленные на расширение веротерпимости, были одобрены левоцентристским большинством благодаря решительной поддержке основной части октябристов. Вероисповедный вопрос вызвал раскол в их рядах, которому Гучков, насколько известно, не пытался воспрепятствовать: около двух десятков консервативных депутатов, считавших необходимым сохранение привилегий русской православной церкви, покинули «Союз 17 октября»¹⁸.

Гучков продолжал выступать с резкой и эмоциональной, но бездоказательной критикой военного ведомства. 23 февраля 1909 г. он, поддерживая законопроект об ассигнованиях на пополнение армейских запасов, заявил: «Но как раз в тех областях военного дела, которые находятся вне пределов нашей власти и даже почти вне пределов нашей критики, мы не можем считать,

¹⁶ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия 1. Ч. 1. Стб. 1535. Ч. 3. Стб. 1392, 1394.

¹⁷ Там же. Сессия 2. Ч. 1. СПб., 1909. Стб. 2674–2675.

¹⁸ Подробнее см.: *Вязигин А. С.* «Гололобовский инцидент». Харьков, 1909.

чтобы дело обстояло благополучно. Мы не видим там ни понимания великой ответственности, ни того духовного подъема, который должен явиться источником возрождения нашей армии». Закончилась речь бездоказательным заявлением о командующих пятью военными округами. «Никто не попытается вам доказать, что эти люди стоят на высоте своего положения. И вот, когда мы это видим... мы начинаем терять веру в возможность нашего военного возрождения. (*Голоса из центра: правильно; браво*)»¹⁹.

Эта речь имела не совсем желательный для оратора эффект. Военный министр А. Ф. Редигер в ответном выступлении фактически согласился с Гучковым, заявив, что меры для улучшения командного состава принимаются. Император считал такое поведение своего министра неприемлемым и уволил его в отставку (спустя, впрочем, недели после речи Гучкова)²⁰. В результате вместо готового сотрудничать с Думой Редигера военное ведомство возглавил ориентированный на придворные круги В. А. Сухомлинов. После этой речи лидер фракции правых Н. Е. Марков Второй назвал лидера октябристов «младотурком»²¹. Это определение закрепилось в кругах крайних консерваторов.

На вторую сессию Думы приходятся некоторые успехи Гучкова в руководящем воздействии на военные дела. Председатель комиссии по государственной обороне резко раскритиковал злоупотребления в интендантстве и добился одобрения Думой «пожелания» (резолуции) о необходимости его сенаторской ревизии, не имевшей прецедента. Такая ревизия в 1909 г. была назначена, она устранила практику фактической легализации значительных злоупотреблений и послужила толчком к реформе интендантского ведомства²². Кроме того, на II сессии Дума угрозой использования права законодательной инициативы добилась повышения жалования офицерам, сверхсрочникам и военным чиновникам²³.

На III сессии (10 октября 1909 г. – 17 июня 1910 г.) до марта 1910 г. Гучков произнес с думской трибуны 11 речей и реплик. Их основной темой стала общая политика. Лидер октябристов резко полемизировал как с правительством, так и с левыми. В частности, в декабре 1909 г., возражая против запросов о деятельности Е. Ф. Азефа, Гучков допустил антисемитский выпад, заявив, «что все революционное движение захвачено еврейством и что в торжестве революции еврейство видит свое собственное торжество»²⁴.

С другой стороны, в речи по бюджету МВД 2 февраля 1910 г. лидер октябристов рассуждал о массовых беззакониях администрации и объявил о достижении «успокоения» как правительственными репрессиями, так и «внутренним

¹⁹ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия 2. Ч. 2. СПб., 1909. Стб. 2325–2326.

²⁰ Редигер А. Ф. История моей жизни. Т. 2. М., 1999. С. 277–280.

²¹ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия 2. Ч. 3. Стб. 1272.

²² Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. Ч. 3. СПб., 1912. Приложения. С. 674–678.

²³ Александр Иванович Гучков рассказывает. М., 1993. С. 55–56.

²⁴ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия 3. Ч. 1. Стб. 3653.

разложением» революционных партий, а «еще более провозглашением и укреплением у нас конституционного строя» и «перспективой либеральных реформ». Гучков заявил: «...Я и мои друзья уже не видят прежних препятствий, которые оправдывали бы замедление в осуществлении гражданских свобод... к более быстрому водворению у нас прочного правопорядка во всех ступенях нашей государственной и общественной жизни». Лидер октябристов потребовал немедленного прекращения административной ссылки²⁵.

Более существенным, чем выступления, оказалось их отсутствие по вопросу, напрямую затрагивающему интересы избирателей октябристов в целом и Гучкова в частности. В конце 1909 г. Дума одобрила закон о повышении обложения объектов городской недвижимости, который повысил соответствующий налог в среднем в два раза, а в некоторых городах в пять – шесть раз²⁶. Основной ущерб от этого закона понесли имущие классы горожан, составлявшие первую городскую курию — электоральную опору октябристов, от которой был избран сам Гучков.

Как известно, в марте 1910 г. по требованию председателя Совета министров П. А. Столыпина Гучков выдвинул свою кандидатуру в председатели Думы, отказавшись от должностей лидера фракции и главы комиссии обороны²⁷. При выдвижении он получил 224 голоса и был избран 221 голосом (октябристов, русских националистов и прогрессистов) против 68 (правых, трудовиков и эсдеков) при уклонении кадетов от голосования²⁸. Александр Иванович рассчитывал увеличить влияние Думы с помощью личных докладов императору²⁹. После избрания Гучков произнес речь с изложением политической программы. В ней говорилось о необходимости проведения различных находящихся на рассмотрении Думы законопроектов. Подчеркивалось наличие у Думы «внешних препятствий», с которыми «приходится считаться, а, может, придется и сосчитаться».

Несомненно, имелся в виду Государственный совет, который с 1908 г. блокировал попытку Думы сорвать строительство линейного флота, а с 1909 — расширить пределы веротерпимости. Как предполагается, Гучков получил от Столыпина обещание провести при очередных назначениях к присутствию в верхней палате ее политическую чистку.

Лидер октябристов вновь объявил себя «убежденным приверженцем конституционно-монархического строя и при том (*движение справа*) не со вчерашнего дня. Вне формы конституционной монархии, а отнюдь не парламентаризма, я не могу мыслить мирное развитие современной России со всеми теми

²⁵ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия 3. Ч. 2. Стб. 1971–1973.

²⁶ Демин В. А. Государственная дума Российской империи и налоговое законодательство // История парламентаризма в России. М.: МГПУ, 2018. С. 17–28.

²⁷ П. А. Столыпин. Переписка. М., 2007. С. 359.

²⁸ Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978. С. 193–194.

²⁹ Строго говоря, это были не доклады (представления проектов решений), а лишь сообщения о работе Думы.

особенностями, которые завещаны русской историей и коренятся в русской действительности, с народным представительством, облеченным широкими правами в законодательстве и надзоре за управлением, но и с Правительством сильным и ответственным только пред Монархом, а не пред политическими партиями. (*Рукописания центра*)»³⁰.

Расчеты Гучкова на увеличение личного и думского политического влияния путем использования положения председателя Думы провалились. Первоначально ему удалось установить хорошие взаимоотношения с Николаем II. Как отмечал один из лидеров думской фракции октябристов Н. В. Савич, «первые доклады Гучкова у царя имели успех... Гучков был интересным, очень осведомленным собеседником, он умел и любил рассказывать, говорить, но не слушать. Царь, как раз наоборот, любил слушать, не высказывать своего мнения, предпочитал задавать вопросы или отделяться короткими репликами, чтобы одобрить собеседника, направить разговор на темы, его интересующие. Интересных для государя тем у Гучкова было много, недаром он был больше двух лет председателем комиссии по обороне, недаром к нему за все это время стекались всякого рода сведения от официальных и тайных осведомителей. Притом же он прекрасно знал всю подноготную нашей внутренней политики, закулисной борьбы разных сил. Неудивительно, что первые же доклады нового председателя Государственной думы приняли характер длинных и занимательных для государя бесед на интересующие царя темы, иногда даже не имевшие прямого отношения к текущим делам Думы. Царь охотно назначал эти доклады по первой же просьбе Гучкова, встречал его чрезвычайно любезно, милостиво. Мало-помалу Гучкову стало казаться, что он завоевывает симпатии недоверчивого царя, что его доклады имеют успех, что лед начал таять.

Об этих докладах, вернее беседах, становившихся все более интимными, доверительными, Гучков обычно делился в тесном кругу своих ближайших политических друзей. Конечно, мы умели молчать: все, что нам рассказывал Гучков, оставалось в строгой тайне.

Гучков, видимо, был уже почти уверен, что его стратегический план удастся, что лед между царем и им, как представителем Государственной Думы, стал таять.

Но тут вдруг произошел обвал.

Однажды царь встретил Гучкова необычно милостиво, доверчиво, долго и весело разговаривал на разные темы, свободно высказывал свое мнение. Гучков вернулся чрезвычайно довольным, он явно был в сильно повышенном настроении, ему казалось, что отныне он кампанию выиграл.

Ему, видимо, очень хотелось поделиться своим успехом, своими надеждами не только с нами, с тесным кружком его всегдашних сотрудников, но хотя бы

³⁰ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия 3. Ч. 3. СПб., 1910. Стб. 449–452.

отчасти и с более широкими общественными кругами. Словом, он не выдержал обычной осторожной линии, рассказал о своей беседе с царем многим лицам, членам сеньорен-конвента, как у нас называли представителей фракций при президиуме Государственной думы... Все это... на другой же день было подробно напечатано в газете, притом с такими подробностями, что было ясно, откуда могли получиться эти сведения. Хуже всего было то, что преданы гласности были не только факты, о которых шла речь, но и некоторые мнения, высказанные государем.

<...> Соответствующий номер попал на глаза государю. Реакция была необычайно сильная. Всегда недоверчивый государь, едва начавший привыкать к новому и подозрительному по своему положению думца собеседнику, сразу от него отшатнулся. Факт оглашения в печати его интимной беседы он воспринял как оскорбление, как предательство. Он круто и резко изменил свое отношение к Гучкову, стал относиться явно враждебно.

Когда Гучков опять добился, не без труда и проволочек, очередной аудиенции, государь встретил его стоя, холодно, сухо, чисто формально. Едва выслушав очередное дело, доклад о текущих вопросах, он поспешил отпустить председателя Государственной думы. Было ясно, что он не желает больше разговаривать с Гучковым, что едва наладившиеся отношения оборвались, притом безвозвратно»³¹.

Использовать положение председателя Думы для улучшения отношений с правительством Гучков также не сумел. При назначениях к присутствию в Государственный совет на 1911 г. правая группа сохранила свои позиции. В январе 1911 г. фактически отклонила правительственный законопроект о строительстве канализации в Санкт-Петербурге. Это решение было принято большинством в один голос, при этом Гучков голосовал в большинстве³².

При рассмотрении законопроекта об отдыхе торговых служащих 13 декабря 1910 г. Гучков проголосовал за право местного самоуправления разрешать торговлю товарами не первой необходимости продолжительностью не свыше четырех часов. Статья, однако, была отклонена 179 голосами против 110 при трех воздержавшихся. Большинство составили правые, часть националистов и левые от прогрессистов до эсдеков, меньшинство — октябристы и часть националистов³³. 4 февраля 1911 г. лидер октябристов проголосовал за разрешение при известных условиях преподавания в начальных школах на местных языках после второго класса. Это предложение было одобрено левооктябристским большинством (190 голосами против 157 при четырех воздержавшихся). 9 февраля Гучков проголосовал за передачу в комиссию предположения об отмене черты оседлости для иудеев. Такое решение также

³¹ Савич Н. В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 80–81.

³² Юрский Г. [Замысловский Г. Г.] Правые в Третьей Государственной думе. Харьков, 1912. С. 57.

³³ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия 4. Ч. 1. СПб., 1911. Стб. 2971–2994, 3063–3066.

было одобрено левооктябристским большинством (208 голосов против 138 при восьми воздержавшихся)³⁴.

Как известно, 14 марта 1911 г. Гучков сложил полномочия председателя Думы в знак протеста против проведения в чрезвычайно-указном порядке отклоненного Государственным советом законопроекта о западном земстве, после чего уехал на Дальний Восток. В качестве оратора на IV сессии (15 октября 1910 г. – 13 мая 1911 г.) лидер октябристов не выступил ни разу, хотя после отказа от председательства в Думе был вновь избран председателем фракции «Союза 17 октября».

На пятой сессии III Думы (15 октября 1911 г. – 9 июня 1912 г.) Гучков возобновил свои активные выступления. В ответ на денонсацию Сенатом США 9 декабря 1911 г. торгового договора с Россией (из-за запрета на въезд американских евреев) 121 депутат во главе с Гучковым внесли законодательное предложение о повышении вдвое пошлин на американские товары. Такое решение нанесло бы большой урон по использовавшей в качестве сырья американский хлопок московской текстильной промышленности, т. е. избирателям октябристов и их лидеру. Предположение было передано в финансовую комиссию. Оно, конечно, не было принято, однако имело обширный общественный резонанс, в том числе в московских деловых кругах.

С думской трибуны на V сессии Гучков произнес 35 речей и реплик, в основном по военным делам и общей политике. В первом случае лидер октябристов был склонен проявлять умеренность, а во втором — придерживался резко оппозиционных взглядов. В частности, 15 октября 1911 г. при обсуждении запроса об убийстве П. А. Столыпина Гучков крайне резко осудил действия чинов охраны, объявив их крупными бандитами с подкладкой мелких мошенников, а также потребовал «беспощадной расправы, судебной расправы с виновными (*Маклаков, с места: настоящего суда*), коренной чистки личного состава, полной реорганизации всей постановки политической полиции (*голоса в центре: правильно*) с подчинением ее деятельности на местах... генерал-губернаторам, губернаторам, градоначальникам и надзору прокурорской власти»³⁵.

В начале 1912 г. именно Гучков первым поднял с думской трибуны вопрос о Распутине. 25 января лидер октябристов в резких выражениях поддерживал спешность запроса о запрете упоминать в печати Распутина и, в частности, заявил: «Опасность грозит нашим народным святыням»³⁶. 9 марта Гучков при обсуждении сметы Святейшего синода объявил, что Распутин («Быть может, изувер-сектант, творящий свое темное дело, быть может, проходимец-плут, творящий свои темные делишки») стал вертеть «ту ось, которая тащит за собой (*Марков 2, с места: это бабьи сплетни*)» и смену направлений, и смену

³⁴ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия 4. Ч. 2. Стб. 1609.

³⁵ Там же. Сессия 5. Ч. 1. СПб., 1912. Стб. 32–33, 53–55, 2064–2068.

³⁶ Там же. Ч. 2. Стб. 1015–1016.

лиц... церковь в опасности и в опасности государство». По мнению Гучкова, «православная церковь дошла до неслыханного унижения»³⁷.

9 апреля 1912 г. лидер октябристов как первый подписавший поддержал спешность запроса о Ленском расстреле, признал действия рабочих мирными и заявил: «Это была картина не сильной и твердой власти, мудро, тактично применявшей те громадные полномочия, которыми она обладала, это была картина растерянности и паники власти, обезумевшей от чувства личного страха»³⁸.

В мае 1912 г. Гучков одобрил реформу местного суда в урезанном Государственным советом варианте, заявив: «...Мы спокойно говорим стране: то, что мы даем вам, это не лучшее из того, что мы хотим, но это лучшее из того, что при современных реальных условиях достижимо». В частности, он заявлял о вынужденном согласии на назначение председателей вновь создаваемых мировых съездов³⁹.

Венцом думской деятельности Гучкова стало обсуждение 6 мая 1912 г. программы военного кораблестроения. Для ее осуществления согласие Государственной думы было обязательно. Председатель фракции октябристов требовал отклонения кредитов. Он указывал, что программа в будущем повлечет огромные расходы, в несколько раз превышающие таковые других великих держав (кроме Соединенного Королевства), в том числе стран Тройственного союза, вместе взятых. Гучков доказывал также необходимость увеличения расходов на сухопутную армию⁴⁰. Финансовые подсчеты лидера октябристов опровергали даже его ближайшие сотрудники. Кредиты были одобрены значительным большинством: 197 голосов против 89⁴¹.

На следующий день, выступая в качестве докладчика по смете Главного артиллерийского управления, Гучков ограничился указанием на отдельные недостатки в снабжении армии вооружением и в целом одобрил деятельность военного министерства. Он рассуждал об исчезновении «интеллигентского антимилитаризма» и об успешном взаимодействии Думы с военным ведомством⁴². 10 мая Гучков говорил об улучшениях в интендантской части, ограничиваясь деловой критикой.

В конце работы III Думы был одобрен составленный в думской комиссии по государственной обороне под руководством Гучкова законопроект о введении для нижних чинов, ставших на службе инвалидами, и для их семей государственных пенсий, которые должны были заменить существующие символические пособия, получаемые из различных источников. В последний день работы III Думы, 9 июня 1912 г., Гучков от имени думской части согласительной комиссии поддерживал этот проект. Государственный совет предложил

³⁷ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия 5. Ч. 3. Стб. 582–584.

³⁸ Там же. Стб. 1674–1675.

³⁹ Там же. Ч. 4. Стб. 1514–1518, 2034–2036.

⁴⁰ Там же. Ч. 4. Стб. 3902–3912.

⁴¹ Там же. Стб. 3945.

⁴² Там же. Ч. 5. Стб. 722–736, 759–762.

ограничить действие закона лишь будущим временем, без обратной силы, однако Дума по докладу Гучкова добилась распространения его на ветеранов Русско-японской войны и Персидской экспедиции⁴³.

Таким образом, в III Думе Гучков показал себя как яркий политик, способный иметь свою точку зрения и решительно ее отстаивать. В то же время он явно не понимал, что политический лидер должен отстаивать интересы и чаяния своих сторонников. Вместо этого Александр Иванович руководствовался исключительно собственными взглядами, игнорируя интересы не только своих избирателей, но и своего окружения. В частности, Гучков занялся интересовавшими его лично военными делами, которые не могли объединить фракцию октябристов. При этом проблемы земского и городского самоуправления, бывшие намного ближе основной части октябристов и их избирателей, Гучков проигнорировал. Кроме этого, военные дела подлежали рассмотрению в Думе лишь в небольшой степени, поэтому активное вмешательство в них лидера октябристов не могло не привести к ухудшению его отношений с правительством и императором.

Заключение. В результате председатель ЦК «Союза 17 октября» со временем потерял контроль над фракцией, стал личным врагом императора и утратил все связи с правительством.

На выборах в IV Думу Гучков, очевидно, понимая невозможность занять в ней соответствующее его амбициям положение, отказался баллотироваться от Московской губернии, в которой его избрание было обеспечено. Лидер октябристов вновь выставил свою кандидатуру от первой курии г. Москвы и был забаллотирован. Такой результат был вполне предсказуем: октябристы с 1909 г. проигрывали кадетам и прогрессистам дополнительные выборы в первых куриях столичных городов.

Оставшаяся без харизматичного лидера фракция «Союза 17 октября» не смогла найти ему замену и осенью 1913 г. развалилась. Важной и непосредственной причиной раскола стали действия самого Гучкова, попытавшегося воздействовать на фракцию через существующие, скорее, на бумаге местные отделения «Союза». Созванная им осенью 1913 г. партийная конференция по докладу председателя ЦК приняла резолюцию о переходе фракции к активным оппозиционным выступлениям. Большинство октябристских депутатов было настроено не столь решительно. Разногласия по поводу резолюции и стали причиной раскола фракции. После этого оказавшаяся в центре палаты фракция земцев-октябристов из-за малочисленности и небольшого числа ярких лидеров не могла удерживать контроль над Думой. В 1913–1914 гг. целый ряд решений был принят вопреки ее голосованию случайным большинством заседания, а с 1915 г. политическое руководство Думой постепенно переходит в руки кадетов.

⁴³ Там же. Ч. 2. Стб. 290, 1505–1567, 1573–1656, 2080–2081; Ч. 3. Стб. 1905–1919; Ч. 4. Стб. 1249–1250, 4126–4127, 4214, 4217–4225, 4270–4271, 4319; Там же. Сессия 7. СПб., 1912. Стб. 4810–4857, 5344–5346.

Сам Гучков летом 1915 г. был вновь избран в Государственный совет от торгово-промышленной курии и оставался его членом до 1917 г. В нем лидер октябристов не смог занять видного положения и за полтора года ни разу не выступил в его общем собрании. Попытка прогрессивного блока провести Гучкова в председатели созданной в 1915 г. комиссии по военным делам не удалась, лидер октябристов стал лишь заместителем председателя.

Литература

1. Архипов В. Л. Созвездие обреченных. Двенадцать в революции. СПб.: Амфора, 2016. 508 с.
2. Боханов А. М. А. И. Гучков // Политическая история России в партиях и лицах. М.: Терра, 1993. С. 281–303.
3. Вишневски Э. Либеральная оппозиция в России накануне первой мировой войны. М.: Россия молодая, 1994. 189 с.
4. Дёмин В. А. Группа центра Государственного совета (1906–1911): состав и деятельность // Таврические чтения – 2020. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: сб. научных статей XIV Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 11–12 декабря 2020 г.): в 2 ч. СПб.: Астерион, 2021. Ч. 1. С. 119–126.
5. Дёмин В. А. Государственная дума Российской империи и налоговое законодательство // История парламентаризма в России: к 110-летию начала деятельности Государственной думы: сб. научных статей по материалам Международной научно-практической конференции (Москва, 26–27 апреля 2016 г.) / под общ. ред. Л. Г. Орчаковой, О. Г. Малышевой. М.: МГПУ, 2018. С. 17–28.
6. Дёмин В. А. Фракция Союза 17 октября III Государственной думы: успехи и провалы // Таврические чтения – 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: сб. научных статей международной научной конференции (Санкт-Петербург, 10–11 декабря 2015 г.): в 2 ч. Ч. 1. СПб.: ЭлекСис, 2016. С. 137–146.
7. Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л.: Наука, 1978. 244 с.
8. Козодой В. И. Александр Иванович Гучков и Великая русская революция. Новосибирск: Сибирская академия управления и массовых коммуникаций, 2015. 255 с.
9. Сенин А. С. Александр Иванович Гучков. М.: Скрипторий, 1996. 263 с.
10. Соловьев К. А. Законодательная и исполнительная власть в России. М.: Институт общественной мысли, 2011. 510 с.
11. Соловьев К. А., Шелохаев В. В. История деятельности первых Государственных дум дореволюционной России: сравнительный анализ традиций законотворчества. М.: Государственная дума, 2013. 239 с.
12. Шелохаев В. В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914 гг. М.: Наука, 1991. 231 с.
13. Шелохаев В. В. Партия октябристов в период первой российской революции. М.: Наука, 1987. 157 с.
14. Gleason W. Alexander Guchkov and the end of the Russian Empire. Philadelphia: American Philosophical Society, 1983. 90 p.

15. Pinchuk B.-C. The Octobrists in the Third Duma. Seattle; London: Washington University Press, 1974. 232 p.

References

1. Arkhipov V. L. Sozvezdie obrechennykh. Dvenadsat' v revoliutsii [Constellation of the doomed. Twelve in the revolution]. St. Petersburg: Amfora, 2016. 508 p. (In Russ.).

2. Bokhanov A. M. A.I. Guchkov // Politicheskaia istoriia Rossii v partiiakh i litsakh. Moscow: Terra, 1993. P. 281–303. (In Russ.).

3. Vishnevski E. Liberal'naia oppozitsiia v Rossii nakanune pervoi mirovoi voyny [Liberal opposition in Russia on the eve of the First World War]. Moscow: Rossiia molodaja, 1994. 189 p. (In Russ.).

4. Demin V. A. Gruppa tsentra Gosudarstvennogo soveta (1906–1911): sostav i deiatel'nost' [Group of the center of the State Council (1906–1911): composition and activities] // Tavrisheskie chteniia – 2020. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriia i sovremennost': sb. nauchnykh statei XIV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 11–12 dekabria 2020 g.): v 2 ch. St. Petersburg: Asterion, 2021. Ch. 1. P. 119–126. (In Russ.).

5. Demin V. A. Gosudarstvennaia дума Rossiiskoi imperii i nalogovoe zakonodatel'stvo [State Duma of the Russian Empire and tax legislation] // Istoriia parlamentarizma v Rossii: k 110-letiiu nachala deiatel'nosti Gosudarstvennoi dumy: sb. nauchnykh statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Moskva, 26–27 apreliia 2016 g.) / pod obshch. red. L. G. Orchakovoi, O. G. Malyshevoi. Moscow: MGPU, 2018. P. 17–28. (In Russ.).

6. Demin V. A. Fraktsiia Soiuza 17 oktiabria III Gosudarstvennoi dumy: uspekhi i provaly [Faction of the Union on October 17 of the III State Duma: successes and failures] // Tavrisheskie chteniia – 2015. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriia i sovremennost': sb. nauchnykh statei mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 10–11 dekabria 2015 g.): v 2 ch. St. Petersburg: ElekSis, 2016. Ch. 1. P. 137–146. (In Russ.).

7. Diakin V. S. Samoderzhavie, burzhuaziia i dvorianstvo v 1907–1911 gg. [Autocracy, the bourgeoisie and the nobility in 1907–1911]. Leningrad: Nauka, 1978. 244 p. (In Russ.).

8. Kozodoi V. I. Aleksandr Ivanovich Guchkov i Velikaia russkaia revoliutsiia [Alexander Ivanovich Guchkov and the Great Russian Revolution]. Novosibirsk: Sibirskaja akademija upravleniia i massovykh kommunikacij, 2015. 255 p. (In Russ.).

9. Senin A. S. Aleksandr Ivanovich Guchkov. Moscow: Skriptorij, 1996. 263 p. (In Russ.).

10. Solov'ev K. A. Zakonodatel'naia i ispolnitel'naia vlast' v Rossii [Legislative and executive power in Russia]. Moscow: Institut obshchestvennoi mysli, 2011. 510 p. (In Russ.).

11. Solov'ev K. A., Shelokhaev V. V. Istoriia deiatel'nosti pervykh Gosudarstvennykh dum dorevoliutsionnoi Rossii: sravnitel'nyi analiz traditsii zakonotvorchestva [The history of the activities of the first State Dumas of pre-revolutionary Russia: a comparative analysis of the traditions of lawmaking]. Moscow: Gosudarstvennaia дума, 2013. 239 p. (In Russ.).

12. Shelokhaev V. V. Ideologiya i politicheskaya organizatsiya rossiiskoi liberal'noi burzhuzii. 1907–1914 gg. [Ideology and political organization of the Russian liberal bourgeoisie. 1907–1914]. Moscow: Nauka, 1991. 231 p. (In Russ.).
13. Shelokhaev V. V. Partiya oktyabristov v period pervoi rossiiskoi revoliutsii [The Octobrist Party during the First Russian Revolution]. Moscow: Nauka, 1987. 157 p. (In Russ.).
14. Gleason W. Alexander Guchkov and the end of the Russian Empire. Philadelphia: American Philosophical Society, 1983. 90 p.
15. Pinchuk B.-C. The Octobrists in the Third Duma. Seattle; London: Washington University Press, 1974. 232 p.

УДК 93: [328.1+329.11+281.93]

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.48.4.04

Ивакин Григорий Анатольевич

доктор исторических наук, доцент

Психологический институт РАО

Москва, Россия

grivakin@yandex.ru

**УЧАСТИЕ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА
В ПРАВОМОНАРХИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ РОССИИ
НАЧАЛА XX В.**

Аннотация. В статье освещается период начала XX в., характеризующийся противостоянием политической элиты и народа в России, приведшим к политической турбулентности. Рассматривается общественно-политическая деятельность православного духовенства и его роль в монархическом движении, отношение клира к зарождающемуся институту парламентаризма и участие его в работе Государственной думы. Анализируется «глубинный мужицкий демократизм» — идеологический компонент, составивший основу правомонархического проекта власти. Особый акцент делается на внутренних противоречиях в черносотенном движении и роли духовенства в расколе правого движения. Рассмотрена роль «Союза русского народа» в исследуемый период, показаны причины, приведшие к уменьшению численности черносотенцев и снижению авторитета этой партии.

Ключевые слова: православное духовенство, черносотенство, правомонархизм, избирательная кампания, Государственная дума, Государственный совет.

UDC 93: [328.1+329.11+281.93]

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.48.4.04

Ivakin Grigoriy A.

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Psychological Institute of the Russian Academy of Education

Moscow, Russia

grivakin@yandex.ru

**PARTICIPATION OF THE ORTHODOX CLERGY
IN THE RIGHT-WING MONARCHIST MOVEMENT
IN RUSSIA OF THE EARLY XXth CENTURY**

Abstract. The article highlights the period of the beginning of the XX century. characterized by the confrontation between the political elite and the people in Russia, which led to political turbulence. The socio-political activity of the Orthodox clergy and its role in the monarchical movement, the attitude of the clergy to the emerging institution

of parliamentarism and its participation in the work of the State Duma are considered. It analyzes “deep peasant democracy” — the ideological component that formed the basis of the right-wing monarchist project of power. Particular emphasis is placed on internal contradictions in the Black Hundreds movement, and the role of the clergy in the split of the right movement. The role of the Union of the Russian People in the period under study is considered, the reasons that led to a decrease in the number of Black Hundreds and a decrease in the authority of the Union of the Russian People are shown.

Keywords: Orthodox clergy, Black Hundreds, right-wing monarchism, election campaign, State Duma, State Council.

Введение. Первую четверть XXI в. сегодня можно охарактеризовать как время критическое, время формирования нового технологического уклада, анархическое время, переходное: прошлое рушится, наследственные основы мыслей устаревают, происходят невидимые перемены в психологии масс. По сути, идет становление новой системы воображаемого порядка в сознании людей, поэтому так важно изучать исторические, социальные, психологические явления народов стран мира в целом сквозь призму существующих политических и экономических основ. Вызовы в глобальном мире будут всегда, и в этот период наиболее ярко раскрывается человеческий потенциал, что способствует повышению эффективности государственного управления, совершенствованию социально-экономических процессов.

Следует отметить, что «Большая Россия» как государство сложилось только к середине XVIII в. «Исторически Россия — это не этическое государство, и не американский “плавильный котел”. Россия возникла и веками развивалась, как многонациональное государство. Государство, в котором постоянно шел процесс взаимного привыкания, взаимного проникновения, смешивания народов...»¹.

Очевидным представляется и тот факт, что у государственной власти в то время было слабое понимание потребностей общества, стремлений народа, участия общественного сектора в развитии экономики страны; слабое развитие демократии обуславливалось установлением устаревшей уже формы того времени — самодержавной монархии.

Внешнеполитическая провокационная стратегия европейских держав и российская политика маневренной дипломатии привели к зарождению проекта реформ. Без Церкви осуществить подобный амбициозный план в конкурентной политике было практически невозможно. Отсюда и довлеющий протестантский принцип, унаследованный от периода Реформации: *Cuius est regio, illius est religio* («Чья власть, того и религия»). С самого начала монарх-крестоносец взял сильный «западный вектор» в проработке форсированной политической модернизации страны. И, по-видимому, окружение и сам монарх мало уделяли внимания вопросу сравнительной аналитики поступательного развития Запада и Востока.

¹ Слова, меняющие мир. Ключевые цитаты Владимира Путина. М., 2015. С. 120–121.

Отсутствие проектной альтернативы, баланса общественных интересов, действенного механизма консенсуса как общественной культуры, исторически сложившаяся практика балансировки мнения политической элиты и мнения народа в России привели к политической турбулентности, очередной изолированности и оторванности. Самоуверенность политической элиты, наглость — исторически сложившийся внутренний грех страны — всегда опрокидывает державу в ее устремлениях к лучшему.

При этом следует отметить, что не XIX и не XX столетия породили практику власти, сохранившуюся до наших дней, «прикручивать» Церковь к значимым общественно-политическим проектам. Церковь, по существу, была своего рода единственной распределенной по всей стране информационной медиаплощадкой ретрансляции новостей в государстве от государства. При этом следует отметить, что она не была в представлении людей каким-то идеальным или безгреховным пространством.

Безусловно, надо учитывать уровень сознания людей того времени при интерпретации тех или иных исторических событий и особенностей эпохи. И все же можно констатировать, что абсолютного авторитета у духовенства в народе не было. Психология масс имела множественную ориентацию, отсутствовало понимание власть предержащими глубинного «мужицкого демократизма» как основного фактора общественно-политической стабильности, на фоне которой прогнозировался успех и выстраивался конструкт реформаторского духа.

Объективное понятие веры в Бога индивидуума и интерпретация понимания веры в Бога людьми, исходя из конкретной исторической эпохи, несут разную идейную нагрузку. Именно от этого идеологического фона, теоретической подложки преобразований и зависит общественно-политическая стабильность в стране и, как следствие, успешность выдвигаемых временем социально-экономических инициатив и их реализация.

Понимание наносной обрядности, не имеющей ничего общего с глубинной, истинной верой в Бога, явилось фактором дестабилизации общественно-политической и социальной жизни. Духовный опыт, напротив, учит личному отношению с Божественной природой, и такой опыт у русского человека к тому времени имелся, он внутренне высвобождал человека. Обрядность, ритуалы закрепощают в тиски богословских правил и традиционных установлений. Заорганизованность, регламентация внутренней свободы человека рождает протест и недопонимание. Отсутствие внутренней свободы из-за установленных государством правил и ограничений в совокупности порождает общественное напряжение и выходит в конфликт. Скованность церковной организацией внутренней свободы человека нивелирует собственное Я человека, автоматически инкорпорирует Церковь в глазах общества в ту же действительность, которая вне стен храма. Духовное в сознании общественных масс материализуется и выходит из-под контекста сакрального.

Именно эту тонкую грань, которую было сложно увидеть и осознать при реализации масштабных политических и социально-экономических устремлений, и не учитывала власть.

В стране, несмотря на существование зачатков институтов народного представительства в условиях самодержавной власти, отсутствовал полноценный законодательный орган народного представительства; властью не учитывалась европейская тенденция представительной монархии, парламентские традиции, всюду развивавшиеся в европейских странах. И, как следствие, медленное общественно-политическое и социально-экономическое развитие страны.

Основываясь на концепции коллективного разума, можно сказать, что протест, неважно, в какой форме активности, заявляли разные социальные слои населения, но в целом реакция в большей степени опустилась на толпу, которая в силу своей одинаковости мышления справиться с системой государственного управления не смогла.

Общественная реакция не породила «перезагрузки» управленческой вертикали и нового политического мышления в текущий момент. Самодержавная власть пошла по пути «этапа», предшествующего этапу модернизации европейских стран, но на тот момент европейские страны уже активно продвигались по пути новых этапов научной революции и модернизации экономики в условиях стремительно развивающихся научных знаний и прогресса. Мы оказались догоняющими по факту и отстающими стратегически по существу.

Сводки окружения и царских агентов не заменяют отсутствие обычной открытой информационной сводки, которая дает знания о собственной стране. Самодержцы стали жертвами отгороженности от мира: изолированность не сродни исключительности.

Не было у государства и централизованной системы статистики. Много и сейчас в изучении прошлого мы черпаем из зарубежных источников и публицистических работ того времени. Они знали о нас больше, чем мы сами о себе. Начиная с XVIII в. даже работы по экономической и социальной модернизации страны поручались известным немецким и французским интеллектуалам и ученым.

Обратная связь элиты самодержавной системы со страной осуществлялась через призму сознания «чужаков»: что происходит и почему и как и что надо делать?! По дальнейшему развитию — в рамках уже сложившегося существующего порядка вещей. Абсурдность происходящего, гниющее сознание элит, отсутствие инициативы самодержавной системы порождали непонимание и, как следствие, социальное напряжение — бунт. Произошло противопоставление политической элиты, интеллектуалов, с одной стороны, и народа — с другой.

Ход и результаты исследования. В Российской империи еще до возникновения черносотенного (монархического) движения существовал целый ряд политических салонов, в которых оживленно обсуждались меры по сохранению монархического режима и самодержавной власти императора. В начале XX столетия черносотенцы действовали под девизом защиты Российской империи и ее традиционных ценностей, сформулированных в уваровской триаде «православие, самодержавие, народность»².

² См.: Ивакин Г. А. Идеология правомонархического движения в России: история и современность // Ученые записки: научно-практический журнал. Владимир, 2012. № 4. С. 41–46;

Так, уже в 1905 г. на правом фланге существовало значительное количество черносотенных групп, считавших органичным авторитарный характер власти в России и видевших в западничестве и либеральной модернизации главную угрозу существованию самодержавию, да и России в целом. «Правые еще жили как бы в средневековом измерении, либералы — в современном им западноевропейском, левые — в фантастической и утопической устремленности в будущее, и все они — в нереальном, “нероссийском” мире», — справедливо замечает историк А. Н. Сахаров³. «Черносотенный деспотизм высших классов и черносотенный анархизм низших классов есть одна и та же сила зла, последовательно выявившаяся в двух разных, но глубоко родственных формах, и обессилившая в России истинный духовный консерватизм. И неразрывно с ним связанный истинный либерализм»⁴, — обозначит в 1918 г. С. Франк.

Россия середины XIX – начала XX в. относилась к системе государства смешанного права, где перекликаются нормы церковного права и светской унифицированной законодательной системы государства. Об этом свидетельствуют все манифесты, указы и распоряжения императорской власти. Манифесты начинаются со слов: «Мы Божьей милостью...», и далее уже излагается суть самого документа, исходящая из чаяний бюрократии, но в какой-то мере учитывающая и природу человека.

В начале XX в. были опубликованы важнейшие документы, вводящие в России парламентаризм: Манифест 17 октября 1905 г., дарующий политические права и утверждающий народное представительство, а также последовавшие за ним в апреле 1906 г. Основные законы Российской империи, являющиеся некой компенсацией за нереализованные конституционные инициативы предыдущих столетий.

Автор настоящей статьи не раз отмечал в публикациях, что эти документы создавались в кабинетной тиши, не без разногласий внутри камарильи царского двора, без привлечения политических сил, сформировавшихся уже к началу Первой русской революции. Не без участия власти было «спроектировано» и общественно-политическое поле страны.

Манифест 17 октября 1905 г., безусловно, важный конституционный акт, но именно он был призван ослабить силу народной воли. Это был не компромисс, а лавирование. Не было подлинной свободы, скорее идея заключалась в ее ограничении или же запрете. Общественно-политический дискурс находился именно в этом ограниченном контуре⁵.

Омельяничук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев, 2006; Степанов С. А. Черная сотня. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2005 и др.

³ Цит. по.: Никонов В. А. Крушение России 1917. М., 2011. С. 202.

⁴ Там же. С. 211–212.

⁵ См.: Ивакин Г. А. «Главный совет нашел нужным... исключить г. Пуришкевича из числа членов Союза». Письма, проекты протоколов и телеграммы членов Союза русского народа председателю СРН А. И. Дубровину и в Главный совет СРН. 1907–1908 гг. // Исторический архив. 2022. № 1. С. 115–137.

Хотя уваровский девиз «православие, самодержавие, народность» в начале XX в. уже не мог звучать с прежней силой, это не воспрепятствовало монархическим партиям использовать его в политических документах и пропаганде⁶. А его первая составляющая — православие — способствовала привлечению в ряды правых представителей духовенства. При этом следует четко понимать, что духовенство как социальная группа всячески стремилось освободиться от опеки государства. Дух свободы на уровне инстинкта был свойственен в целом корпоративной культуре клира. Духовенство (во всяком случае, приходское) было частью народа, и в этом было и есть его единство с простым мужиком. При этом православие рассматривалось как основополагающее мировоззрение, диктующее специфическое восприятие самых разных областей общественного бытия — от культурного до политического⁷.

Практическое воплощение консервативных идей легло в основу программных документов Союза русского народа (СРН), самой многочисленной правой партии. Союз должен был сплотить многообразное в национальном и социальном плане общество для поддержки монархии, сохранения незыблемости уваровских принципов. К 1907 г. правомонархисты насчитывали в своих рядах 474,4 тыс. человек, а СРН имел свыше 2000 отделов более чем в 60 губерниях Российской империи⁸.

В своей деятельности монархисты очень рассчитывали на православное духовенство, намереваясь побудить его к участию в светской политической жизни страны⁹. Численность духовенства в рядах черносотенцев была значительной: около 20 % активистов и лидеров движения составляли лица духовного звания¹⁰. Однако Церковь на тот момент имела признаки дихотомического состояния. Одну ее ветвь олицетворяла церковная бюрократия, возглавляемая Синодом, другую — приходское духовенство и миряне, которые были верны идеалу соборности. Все это способствовало созданию напряженности как внутри, так и вне Церкви.

При этом необходимо учитывать, что в начале XX в. Православная церковь не представляла собой какой-либо влиятельной общественно-политической силы. Для большинства населения империи священство не обладало авторитетом вне духовной сферы¹¹. Осознавая угрожающую для самодержавия обстановку в стране, Николай II решил использовать силы духовенства

⁶ См.: Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия / отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 2010. С. 11.

⁷ См.: *Ивакин Г. А.* Черносотенство: от традиционализма к политической практике правомонархизма. М., 2020. С. 69.

⁸ См.: Россия накануне великих потрясений: социально-экономический атлас. 1906–1914 / отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 2017. С. 252–253.

⁹ См.: *Ивакин Г. А.* Православное духовенство Российской империи: испытание светской политикой (о работе православного духовенства в Государственных думах Российской империи): монография. М., 2012.

¹⁰ Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917. М., 2008.

¹¹ См.: *Зернов Н.* Русское религиозное Возрождение XX века. Париж, 1991. С. 51–52.

в политической борьбе, отвлекая его тем самым от левых взглядов и союзнических отношений с революционными массами и организациями крестьянства. Церковное руководство получило политический заказ из рук самого императора¹².

Многие представители духовенства вступив в ряды правых партий, стали играть в них заметную роль, например известные проповедники — митрофорный протоиерей Иоанн Кронштадтский (Сергиев) и протоиерей Иоанн Восторгов. Правда, последний привнес в СРН интриги, что в немалой степени привело к расколу правомонархического движения на «дубровинцев» (сторонников председателя СРН А. И. Дубровина) и «обновленцев», во главе которых встал лидер правой фракции в Думе Н. Е. Марков 2-й¹³.

На выборах в Государственную думу монархисты особенно рассчитывали на помощь представителей Православной церкви, обладавших, в отличие от большинства рядовых монархистов, хорошим образованием и опытом публичных выступлений. Однако помощь духовенства в первых избирательных кампаниях не принесла правым ожидаемых результатов. Клирикам приходилось сталкиваться как с естественными трудностями, так и с созданными преднамеренно. Духовенство не имело точных политических установок от своего начальства, а собственного политического опыта явно не хватало. Оппозиционная пресса, используя эти факты, старалась выставить напоказ худшие черты православного священника. В силу весьма малого срока работы, отведенного народному представительству первых двух созывов, плодотворно поработать депутатам от клира не удалось.

3 июня 1907 г. государь распустил II Государственную думу и изменил избирательный закон. Поскольку Основные законы Российской империи предусматривали подобное изменение исключительно с согласия Думы, акт 3 июня принято считать государственным переворотом. Впрочем, Синод не считал предосудительным одобрить этот шаг царского правительства. Такую же позицию заняли и многие рядовые представители духовенства.

В избирательных кампаниях в III и IV Думы представители Православной церкви с подачи Св. Синода включились в борьбу с оппозиционными и революционными партиями, поддерживая правых. «Чиновники в рясах» стали непосредственным орудием влияния правительства на ход выборов, поддерживая только правых кандидатов. В связи с этим важен факт участия в политической борьбе архиереев, которые должны были во время избирательной кампании следить за клириками, которым, в свою очередь, была поставлена цель не пропускать левых. Но даже «мобилизация» духовенства не принесла монархистам и октябристам радикального перевеса над либералами.

Учитывая кратковременный опыт работы первых Государственных дум после третьеиюньского переворота 1907 г. к началу работы III Думы духовенством

¹² См.: *Ивакин Г. А.* Православное духовенство Российской империи...

¹³ Подробнее о расколе СРН см.: *Омельячук И. В.* «Дом, разделившийся в себе»: раскол Союза русского народа // *Российская история.* 2021. № 1. С. 124–139.

был накоплен определенный политический опыт, и вместо прежнего размежевания в его рядах наметилась консолидация, начали появляться общие цели и задачи. Это способствовало более четкому и быстрому политическому выбору клира, проявившемуся в его переходе на сторону правых и националистов. Все это поддерживало взаимодействие правительства и нижней палаты при рассмотрении законопроектов различного содержания¹⁴.

Одной из основных фракций в Государственном совете была правая группа, оформившаяся в 1906 г. и первоначально имевшая своей целью помощь правительству и противодействие радикализму Государственной думы. Всего в обновленном Госсовете правой числилось 139 правых, в том числе 101 член по назначению, 16 представителей земств, 15 ставленников от дворянства, восемь от духовенства и трое от землевладельцев¹⁵. Избранные в Государственный совет священнослужители были людьми образованными и авторитетными, в отличие от духовенства, избранного в Государственные думы. За все сессии Государственного совета в его работе участвовали один митрополит, пять архиепископов, один епископ и пять протоиереев. Это, конечно, не много. Но все же только православное духовенство, в отличие от священнослужителей других конфессий, имело в Российской империи возможность заявить о своей позиции по какому-либо обсуждаемому вопросу в верхней палате¹⁶.

Оценивая работу православного духовенства в первых Государственных думах, следует отметить его неконструктивную и достаточно маргинальную позицию, но сам факт его участия в политической жизни, выступления священников с думской трибуны является важным прецедентом политической практики становления парламентской монархии¹⁷.

Исполнительная власть, поняв с самого начала бесплодность поиска путей совместной работы с Думой, выбрала тактику игнорирования народного представительства. И. Л. Горемыкин, по воспоминаниям А. П. Извольского, «рассматривал Думу как собрание беспокоящих лиц, действия которой не имеют никакой значимости»¹⁸.

В целом деятельность православных клириков-правомонархистов в Думе можно охарактеризовать как формально консервативную. Но, учитывая их малочисленность, говорить о какой-то самостоятельной роли не приходится. Однако сам факт участия, первого опыта открытой политической оратории с думской трибуны первого парламентского учреждения России значим.

¹⁴ См.: *Ивакин Г. А.* Государственная дума и Государственный совет России: история и современность (конфессиональный фактор) // Вопросы религии и религиоведения. Вып. 2: Исследования. Книга 1 (II): Религиоведение в России в конце XX – начале XXI в. М., 2010. С. 471.

¹⁵ Там же.

¹⁶ См.: *Ивакин Г. А.* Государственный совет России: история и современность // Журнал о выборах. 2009. № 6. С. 55–64.

¹⁷ См.: *Ивакин Г. А.* Законодательная деятельность правомонархистов в Государственной думе и Государственном совете в 1907 году // Власть истории и история власти. 2022. Т. 8. Ч. 1. № 35. С. 52–67.

¹⁸ Цит. по: *Малышева О. Г.* Думская монархия: рождение, становление, крах. М., 2003. С. 80.

Депутаты-клирики активно участвовали в обсуждении наиболее значимых вопросов, открыто выражали свои политические убеждения, пытались вести диалог, преломлять свои взгляды через призму уваровской триады и программных установок монархических партий.

Избирательный закон от 3 июня 1907 г. способствовал созданию в Думе влиятельных правой и умеренно-правой (национальной) фракций. Православный клир при этом усилил думские объединения правых и националистов. Следует отметить, что тандем правомонархистов и православного духовенства оказался более эффективным и работоспособным.

За время работы в Государственных думах и Государственном совете духовенством был накоплен определенный опыт. Депутаты-клирики особое место уделяли конфессиональной политике государства, занимались разработкой мер социальной поддержки беднейших слоев населения, добивались выделения средств на устройство школ, больниц, активно боролось с пьянством. Эти социальные преобразования могли бы стать альтернативой приближающейся революции. При этом духовенство абсолютно не интересовало внешнеполитические проблемы. В вопросах перевооружения армии и модернизации флота духовенство оказалось лишь признательным слушателем. Активное участие черносотенного духовенства в политической борьбе и законодательной работе было обусловлено не общецерковными задачами, а непосредственно собственными интересами и наказами избирателей. Не приходится говорить и о направляющей деятельности Синода по отношению к депутатам-клирикам¹⁹.

Но все же потенциал черносотенного духовенства и в правом движении, и в законодательной работе так и остался нереализованным. В конце думской монархии часть депутатов-священников даже пошла на сотрудничество с Прогрессивным блоком, задачей которого было создание министерства доверия.

Монархисты, являясь многочисленным общественно-политическим движением, заняли долго пустовавшее место на правом фланге российской партийной системы. При этом следует отметить, что движение не учитывало важнейшего элемента триады Уварова — народ, — рассматривая его как оружие верховной самодержавной власти и собственных политических целей²⁰. При этом главная партия монархистов — Союз русского народа — действовал, как, впрочем, и многие другие политические партии, в контуре навязанной сверху свободы, именно это предопределяло их политическую позицию.

Раскол правого движения на «дубровинцев» и «обновленцев», снижение активности его рядовых членов по окончании Революции 1905–1907 гг., сложные отношения с правительством, не заинтересованным в существовании влиятельной оппозиции режиму Думской монархии, привели к заметному

¹⁹ См.: *Ивакин Г. А.* Православное духовенство Российской империи...

²⁰ См.: *Ивакин Г. А.* Черносотенство: от традиционализма к политической практике правомонархизма. С. 98.

ослаблению монархического движения²¹. Так, в 1914 г. численный состав движения сократился до 5,7 тыс. человек²². Наблюдалось стремительное падение популярности СРН. Движение оказалось дискредитировано даже в глазах многих приверженцев, вынужденных искать другие знамена для участия в политической жизни. Самодержавие перед лицом революционных бурь 1917 г. лишилось последней внешней опоры, что в итоге привело к демонтажу прежней политической системы. Справедливым следует признать слова депутата Государственной думы Н. Е. Маркова, что идея конституции фактически победила идею самодержавия в лице СРН²³.

Заключение. Исторический опыт крушения самодержавия доказывает, что основные проблемы для российской безопасности исходят изнутри страны. Вместо того чтобы совершенствовать механизмы государственного управления, учитывать цивилизационные нормы развития общества, реализовывать принцип нелиберальной демократии²⁴, сохранить традиционные институты, сложившиеся на протяжении столетий управления обществом с учетом совершенствования их внутренних механизмов, власть пренебрегла гражданскими свободами и, как следствие, порядком, призвавшими к жизни неформальные антиправительственные организации, конфронтацию, потерю прямого диалога и утрату консенсуса с обществом. Каналы связи власти и общества утрачены были безвозвратно, исторические возможности трансформации государственной модели с утратой властью инициативы были потеряны.

Сегодня на территории Российской Федерации действует несколько организаций черносотенного типа, но все они носят маргинальный характер. Гораздо важнее другое: власть находится в активном поиске того, что сегодня принято называть национальной идеей. Но очевидно, что национальная идея — это и есть то мифологическое ядро власти, мифологема государственности, обеспечивающая центростремительные тенденции в политической системе.

Мы видим, что власть не оставила попыток обращения к идее православно-основы своей легитимности. Разумеется, сегодня речь уже не идет о сакрализации политической власти, но на повестке дня остро стоит вопрос о поиске актуальных мифологем, могущих сплотить общество и государство. Станет ли вновь этой мифологемой православная религиозно-политическая доктрина, покажет время.

²¹ Омельяничук И. В. Монархисты в 1905–1917 гг.: от триумфа к катастрофе // Вопросы истории. 2017. № 7. С. 21.

²² См.: Россия накануне великих потрясений: социально-экономический атлас. 1906–1914. С. 252–253.

²³ Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 11.

²⁴ По примеру нелиберальной демократии в Эквадоре, Республике Сердца Иисуса периода правления Гарсиа Морено середины XIX в., — симбиоза демократии и вековых традиций народа.

Литература

1. Зернов Н. М. Русское религиозное Возрождение XX века: пер. с англ. 2-е изд. Paris: Ymca-Press, 1991. 368 с.
2. Ивакин Г. А. «Главный совет нашел нужным... исключить г. Пуришкевича из числа членов Союза». Письма, проекты протоколов и телеграммы членов Союза русского народа председателю СРН А. И. Дубровину и в Главный совет СРН. 1907–1908 гг. // Исторический архив. 2022. № 1. С. 115–137.
3. Ивакин Г. А. Государственная дума и Государственный совет России: история и современность (конфессиональный фактор) // Вопросы религии и религиоведения. Вып. 2: Исследования. Книга 1 (II): Религиоведение в России в конце XX – начале XXI века. М.: МедиаПром, 2010. С. 456–479.
4. Ивакин Г. А. Государственный совет России: история и современность // Журнал о выборах. 2009. № 6. С. 55–64.
5. Ивакин Г. А. Законодательная деятельность правомонархистов в Государственной думе и Государственном совете в 1907 году // Власть истории и история власти. 2022. Т. 8. Ч. 1. № 35. С. 52–67.
6. Ивакин Г. А. Идеология правомонархического движения в России: история и современность // Ученые записки: научно-практический журнал. Владимир, 2012. № 4. С. 41–46.
7. Ивакин Г. А. Православное духовенство Российской империи: испытание светской политикой: монография. М.: Дело, 2012. 290 с.
8. Ивакин Г. А. Черносотенство (от традиционализма к политической практике правомонархизма): монография. М.: Город XXI века. М., 2020. 486 с.
9. Малышева О. Г. Думская монархия: рождение, становление, крах: монография. М.: РАГС, 2003. 173 с.
10. Никонов В. А. Крушение России 1917. М.: АСТ; Астрель, 2011. 928 с.
11. Омелянчук И. В. «Дом, разделившийся в себе»: раскол Союза русского народа // Российская история. 2021. № 1. С. 124–139.
12. Омелянчук И. В. Монархисты в 1905–1917 гг.: от триумфа к катастрофе // Вопросы истории. 2017. № 7. С. 3–21.
13. Омелянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев: МАУП, 2006. 744 с.
14. Слова, меняющие мир. Ключевые цитаты Владимира Путина. М.: ПРОЕКТ-СЕТЬ.РФ, 2015. 386 с.
15. Степанов С. А. Черная сотня. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Эксмо; Яуза, 2005. 544 с.
16. Россия накануне великих потрясений: социально-экономический атлас. 1906–1914 / отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: Кучково поле, 2017. 672 с.

References

1. Zernov N. M. Russkoe religioznoe Vozrozhdenie XX veka: per. s angl. 2- e izd. [Russian religious Renaissance of the XX century]. Paris: Ymca-Press, 1991. 368 p. (In Russ.).
2. Ivakin G. A. «Glavnyi sovet nashel nuzhnym... iskliuchit' g. Purishkevicha iz chisla chlenov Soiuza». Pis'ma, proekty protokolov i telegrammy chlenov Soiuza russkogo naroda predsedateliu SRN A. I. Dubrovinu i v Glavnyi sovet SRN. 1907–1908 gg. [“The main council found it necessary ... to exclude Mr. Purishkevich from the membership of the Union”].

Letters, draft protocols and telegrams from members of the Union of the Russian People to RNC chairman AI Dubrovin and to the RNC Main council. 1907–1908] // *Istoricheskii arkhiv*. 2022. № 1. P. 115–137. (In Russ.).

3. Ivakin G. A. Gosudarstvennaia дума i Gosudarstvennyi sovets Rossii: istoriia i sovremennost' (konfessional'nyi faktor) [The State Duma and the State Council of Russia: history and modernity (confessional factor)] // *Voprosy religii i religiovedeniia*. Vyp. 2: Issledovaniia. Kniga 1 (II): Religiovedenie v Rossii v kontse XX – nachale XXI veka. Moscow: MediaProm, 2010. P. 456–479. (In Russ.).

4. Ivakin G. A. Gosudarstvennyi sovets Rossii: istoriia i sovremennost' [State Council of Russia: history and modernity] // *Zhurnal o vyborakh*. 2009. № 6. P. 55–64. (In Russ.).

5. Ivakin G. A. Zakonodatel'naia deiatel'nost' pravomonarkhistov v Gosudarstvennoi dume i Gosudarstvennom sovete v 1907 godu [Legislative activity of right-wing monarchists in the State Duma and the State Council in 1907] // *Vlast' istorii i istoriia vlasti*. 2022. T. 8. Ch. 1. № 35. P. 52–67. (In Russ.).

6. Ivakin G. A. Ideologiya pravomonarkhicheskogo dvizheniia v Rossii: istoriia i sovremennost' [Ideology of the right-wing monarchist movement in Russia: history and modernity] // *Uchenye zapiski: nauchno-prakticheskii zhurnal*. Vladimir, 2012. № 4. P. 41–46. (In Russ.).

7. Ivakin G. A. Pravoslavnoe dukhovenstvo Rossiiskoi imperii: ispytanie svetskoi politikoi: monografiia [Orthodox clergy of the Russian Empire: the test of secular politics]. Moscow: Delo, 2012. 290 p. (In Russ.).

8. Ivakin G. A. Chernosotenstvo (ot traditsionalizma k politicheskoi praktike pravomonarkhizma): monografiia [Black Hundreds (from traditionalism to the political practice of right-wing monarchism)]. Moscow: Gorod XXI veka. 486 p. (In Russ.).

9. Malysheva O. G. Dumskaia monarkhiia: rozhdenie, stanovlenie, krakh: monografiia [Duma monarchy: birth, formation, collapse]. Moscow: RAGS, 2003. 173 p. (In Russ.).

10. Nikonov V. A. Krushenie Rossii 1917 [The collapse of Russia 1917]. Moscow: AST; Astrel', 2011. 928 p. (In Russ.).

11. Omel'ianchuk I. V. «Dom, razdelivshiisia v sebe»: raskol Soiuza russkogo naroda [“A house divided in itself”: the split of the Union of the Russian People] // *Rossiiskaia istoriia*. 2021. № 1. P. 124–139. (In Russ.).

12. Omel'ianchuk I. V. Monarkhisty v 1905–1917 gg.: ot triumfa k katastrofe [Monarchists 1905–1917: from triumph to disaster] // *Voprosy istorii*. 2017. № 7. P. 3–21. (In Russ.).

13. Omel'ianchuk I. V. Chernosotennoe dvizhenie v Rossiiskoi imperii (1901–1914) [Black Hundred Movement in the Russian Empire (1901–1914)]. Kiev: MAUP, 2006. 744 p. (In Russ.).

14. Slova, meniaiushchie mir. Kliuchevye tsitaty Vladimira Putina [Words that change the world. Key quotes from Vladimir Putin]. Moscow: PROEKTSET'.RF, 2015. 386 p. (In Russ.).

15. Stepanov S. A. Chernaia sotnia [Black Hundred]. 2-e izd., dop. i pererab. Moscow: Eksmo; Iauza, 2005. 544 p. (In Russ.).

16. Rossiia nakanune velikikh potriasenii: sotsial'no-ekonomicheskii atlas. 1906–1914 [Russia on the eve of great upheavals: a socio-economic atlas. 1906–1914] / otv. red. V. V. Shelokhaev. Moscow: Kuchkovo pole, 2017. 672 p. (In Russ.).

УДК 329.12(=161.1)(476)«1905/1918»
DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.48.4.05

Лавринович Дмитрий Сергеевич

доктор исторических наук, профессор
Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова
Могилев, Беларусь
lavrin-dmitrij@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-3393-9236

БЕЛОРУССКИЙ ВОПРОС В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗАПАДНЫХ ОТДЕЛОВ КОНСТИТУЦИОННО- ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В 1905–1918 гг.

Аннотация. Конституционные демократы рассматривали белорусов как часть большого русского народа, но готовы были признать особенности в областном устройстве белорусско-литовских губерний. Они отвергли притязания отдельных польских политиков на белорусские земли, восстановление границ Речи Посполитой 1772 г. В 1917 г. местные конституционные демократы по ряду программных вопросов были радикальнее своего ЦК, допуская областную автономию Белоруссии, при условии одобрения общероссийского Учредительного собрания. В марте 1918 г. минские кадеты признали Белорусскую Народную Республику, но затем выступили против разрыва связей с Россией.

Ключевые слова: Конституционно-демократическая партия, белорусское национальное движение, политическое масонство, Первая мировая война, революция, областная автономия.

UDC 329.12(=161.1)(476)«1905/1918»
DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.48.4.05

Lavrinovich Dmitry S.

Doctor of Historical Sciences, Professor
Mogilev State A. Kuleshov University
Mogilev, Belarus
lavrin-dmitrij@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-3393-9236

THE BELARUSSIAN ISSUE IN THE ACTIVITIES OF THE WESTERN DEPARTMENTS OF THE CONSTITUTIONAL-DEMOCRATIC PARTY IN 1905–1918

Abstract. The constitutional democrats did not regard the Belarusians as a special nation, distinct from the Russians, but were prepared to recognize the particularities in the regional structure of the North-Western region. They rejected the claims of certain Polish politicians to the Belarusian lands and the restoration of the Commonwealth of Poland borders in 1772. In 1917, the local constitutional democrats were more radical than

the Central Committee on a number of policy issues, allowing regional autonomy for Belarus with the approval of the all-Russian Constituent Assembly. In March 1918, the Minsk cadets recognized the Belarussian People's Republic, but then opposed breaking ties with Russia.

Keywords: Constitutional Democratic Party, Belarussian national movement, political masonry, World War I, revolution, regional autonomy.

Введение. В 1905–1906 гг. в белорусско-литовских губерниях образовались отделы Конституционно-демократической партии (КДП). В их составе были представители городской интеллигенции, чиновники, мещане и помещики. Местные кадеты занимали более левые позиции по программным вопросам, чем ЦК, агитируя за установление в России конституционной и парламентарной монархии, равенство всех национальных и сословных групп, введение гражданских свобод, всеобщего избирательного права и всеобщего земства. Предусматривались мероприятия по улучшению положения рабочих. Кадеты хотели заручиться поддержкой демократической части польского, литовского, еврейского и белорусского обществ. В частности, они осуждали правительственные запреты обучаться на родном языке, полагая, что «нельзя заставить поляка, литовца, еврея, белоруса не знать родного языка»¹.

Ход и результаты исследования. Консолидация левых либералов происходила на съездах земских и городских деятелей весной – осенью 1905 г. Одним из активнейших их делегатов был виленский адвокат Т. Врублевский, выступавший от имени польской общественности Северо-Западного края². Осенью 1905 г. в Вильно сформировался Польский конституционно-демократический союз, одним из лидеров которого стал Врублевский.

Тадеуш Врублевский (1858–1925) родился в семье врача, был родственником одного из лидеров восстания 1863 г. в Польше, Литве и Белоруссии, а также Парижской коммуны — В. Врублевского. После окончания гимназии в Вильно Т. Врублевский учился в медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге, а затем, в Варшавском университете. За участие в деятельности польской партии «Пролетариат» он был арестован и сослан в Сибирь. После возвращения из ссылки окончил Санкт-Петербургский университет, работал адвокатом в Санкт-Петербурге и Вильно. Выступал как защитник на многих судебных процессах над деятелями революционного движения, в том числе над участниками восстаний на броненосце «Потемкин» и крейсере «Очаков». Позднее защищал представителей белорусской интеллигенции: Я. Коласа, А. Пашкевич, А. Власова. От родителей Т. Врублевский унаследовал обширную библиотеку, которую пополнял всю жизнь. Фонды библиотеки Врублевских лежат в том числе в основе библиотеки Академии наук Литвы, носящей их имя.

Выставив свою кандидатуру на выборах депутатов в I Государственную думу от города Вильно, Т. Врублевский написал открытое письмо избирателям

¹ Свободное слово (Вильно). 1906. 5 сентября.

² Либеральное движение в России, 1902–1905 гг. М., 2001. С. 394.

в конце марта 1906 г., в котором объявил себя сторонником программы партии кадетов «во всей ее полноте». Одновременно он позиционировал себя как защитника интересов края, желая получить голоса от представителей всех национальностей. Врублевский заявлял: «Как гражданин Литвы (подразумевались все земли, входившие раньше в состав Великого княжества Литовского. — *Д. Л.*), я при разрешении всех политических и общественных вопросов ставлю исходной точкой удовлетворение интересов всех коренных жителей нашего края, поляков и литовцев, евреев и белорусов, без различия вероисповедания и национальности, преимущественно и особо при том выделяя интересы широких народных масс...»³. Врублевский настаивал, что Государственная дума первоначально должна была сосредоточиться на решении задач: 1) предоставления всему населению империи равных гражданских и политических прав; 2) обеспечения свободы совести, установления свободы обществ и союзов, свободы в организации школьного дела; 3) введения национальных языков в судебное и административное делопроизводство; 4) предоставления всеобщего избирательного права в Думу; 5) создания в Северо-Западном крае особого областного самоуправления для «исторической Литвы» с всеобщим избирательным правом; 6) введения выборных городских и земских органов самоуправления, включения в их компетенцию хозяйственно-административных и культурно-образовательных вопросов; 7) урегулирования земельных отношений, включая отмену ограничений наложенных на польских землевладельцев после 1863 г.; 8) восстановления автономии Царства Польского⁴. В «исторической Литве» (т. е. на территории бывшего Великого княжества Литовского) белорусы, по замыслу Врублевского, должны были получить равные права с другими народами, возможность участвовать в управлении краем.

ЦК КДП не поддержал Т. Врублевского, сделав ставку на еврейскую конституционно-демократическую группу в Вильно и ее кандидата на выборах в Думу, сиониста Ш. Левина. Данное решение в конечном итоге привело к дистанцированию польских демократов с их «краевой» идеологией от КДП.

Тем не менее белорусская повестка продолжила появляться в деятельности кадетов благодаря связям с местной национальной интеллигенцией. Так, в 1908 г. под редакцией В. И. Чаусова, ориентировавшегося на КДП, начала издаваться газета «Минский курьер». В газете печатались статьи с критикой социально-экономической политики правительства П. А. Столыпина, деятельности октябристов и правых в III Государственной думе. В «Минском курьере» поднимались вопросы, связанные с национальными правами белорусов. Так, В. И. Самойло, известный публицист и критик, выступал за преподавание на родном языке в начальной школе. Дальнейшее же образование, по его мнению, дети могли получить и на русском языке. Региональный патриотизм Самойло объяснялся симпатиями к белорусскому национальному возрождению.

³ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 1072. Т. 1. Л. 182 об.

⁴ Там же.

Владимир Иванович Самойло (1878–1941) родился в фольварке Казимировка под Минском. Его отец И. И. Самойло был директором реального училища, а также одним из руководителей Пушкинской библиотеки и Общества любителей изящных искусств, бывших давними центрами либерального движения в Минске. После окончания гимназии В. И. Самойло учился в Московском университете, но позже окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Еще в молодости он познакомился с будущим народным поэтом Белоруссии Я. Купалой и помог ему в 1905 г. опубликовать стихотворение «Мужик» в газете «Северо-Западный край». В 1906 г. Самойло стал одним из основателей издательства «Минчук», в котором был подготовлен сборник «Жалейка» Я. Купалы. В. И. Самойло печатался во многих газетах, выходивших в белорусских губерниях, в том числе и в издававшейся на белорусском языке газете «Наша Ніва». Он привлек к сотрудничеству с «Минским курьером» Я. Купалу⁵. Местные власти, обеспокоенные слишком «вольной» деятельностью редакции газеты, в феврале 1909 г. возбудили уголовное преследование против В. И. Чаусова. В результате «Минский курьер» был закрыт⁶.

Одно время примыкало к КДП и «Белорусское общество», образованное в Вильно в 1908 г. Сначала оно с 1909 по 1911 г. входило в состав «Союза 17 октября» (на правах автономии), а затем, после перехода его первого руководителя Л. М. Солоневича во Всероссийский национальный союз, стало ориентироваться на кадетскую партию. В 1912 г. этнограф и писатель М. С. Вруцевич, один из лидеров «Белорусского общества», решает выставить свою кандидатуру на выборах депутатов в IV Государственную думу. Однако денег на избирательную кампанию он не имел. «Белорусское общество» само нуждалось в средствах и поэтому помочь не могло. Тогда М. С. Вруцевич решил попросить помощи у П. Н. Милюкова⁷. В письме лидеру кадетов он описал предвыборную ситуацию в городе, указав на угрозу победы крайне правых из-за слабости местных либеральных сил. Но нужных средств Вруцевич по неизвестным причинам не получил и в итоге не смог участвовать в выборах. Как он и предсказывал, победу в избирательной гонке одержал кандидат крайне правых Г. Г. Замысловский.

Готовность руководства КДП и виленских кадетов во главе с братьями Г. Д. и И. Д. Роммами к сотрудничеству с деятелями белорусского национального движения привела к вступлению последних в местные ложи «Великого Востока народов России». Братья Роммы обратились к Т. Врублевскому, но тот отказался от предложения⁸. Затем о масонской организации рассказали И. И. Луцкевичу — одному из деятелей белорусского национального движения. «Для белорусов, — говорили Роммы, — было бы весьма важно

⁵ Конон В. М. Проблемы искусства и эстетики в общественной мысли Белоруссии начала XX в. Минск, 1985. С. 189–191.

⁶ Там же. С. 110–111.

⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 579. Оп. 1. Д. 4004.

⁸ Вольныя муляры ў беларускай гісторыі канец XVIII – пачатак XX ст. Вільня, 2005. С. 161.

войти в связь с этой организацией, т. к. она может в будущем сыграть в России крупнейшую роль»⁹. После того как И. И. Луцкевич и его брат А. И. Луцкевич согласились стать масонами, в 1910 г. в Вильно была образована масонская ложа «Единство». Ее возглавил Г. Д. Ромм, а И. Д. Ромм выполнял функции казначея и секретаря¹⁰. В ложу вошли представители всех национальных групп региона, в том числе и белорусы. Мотивы последних раскрыл в своих собственноручных показаниях, данных НКВД в 1939–1940 гг., А. И. Луцкевич: «...с русским либеральным обществом следовало завязать контакт, тем более что там имелись лица, интересовавшиеся белорусским вопросом и сочувствовавшие белорусам»¹¹. В 1911 г. в Вильно были сформированы еще две масонские ложи — «Белый Рутений» и «Литва»¹².

Братья Роммы помогли белорусским деятелям установить связи с руководством КДП, и в частности с П. Н. Милюковым. А. И. Луцкевич становится его корреспондентом. В 1911 г. он направил письмо Милюкову, в котором с критических позиций рассказывал о попытках царского правительства перевести католическое богослужение в Северо-Западном крае на русский язык¹³. Милюков помог Луцкевичу опубликовать статью в газете «Речь», в которой он доказывал необходимость введения белорусского языка (вместо русского) в католическое богослужение. «9-миллионный белорусский народ, несмотря на все превратности судьбы, остался жив, сохранил свою национальную душу и возрождается на наших глазах», — обосновывал необходимость такого шага Луцкевич¹⁴. В следующем письме к Милюкову в апреле 1912 г. он просил редакцию «Речи» выступить в защиту газеты «Наша Ніва», которой в то время угрожало закрытие. «Дело в том, что на основании акции националистов в Петербурге соответствующие сферы забеспокоились, и результатом явилось предложение Виленскому губернатору принять меры к прекращению нашего издания... Вот почему важно появление корреспонденции в петербургской большой прессе», — писал Луцкевич¹⁵.

В письме в ЦК КДП, посланном из Вильно накануне партийной конференции в марте 1914 г., местные конституционные демократы писали: «Политическая жизнь вся раздробилась по национальным группам. Сочувствующих кадетам очень много среди евреев. Польских демократов в крае очень мало и те теперь сильно подались в сторону узкого национализма. Ближе всех к нам белорусы, среди которых идет очень интенсивная работа, проникающая вглубь народных масс». Скорее всего, здесь имелось в виду издание и распространение

⁹ Антон Луцкевич: материалы следственного дела НКВД БССР. Минск, 1997. С. 31.

¹⁰ *Латышонак А.* Нацыянальнасць — Беларус. Беласток, 2009. С. 465.

¹¹ Антон Луцкевич: материалы следственного дела НКВД БССР. С. 30.

¹² Вольные муляры ў беларускай гісторыі канец XVIII – пачатак XX ст. С. 166.; *Серков А. И.* Русское масонство. 1731–2000: энциклопедический словарь. М., 2001. С. 1139.

¹³ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 4939. Л. 1–1 об.

¹⁴ Речь. 1911. 1 июня.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 4939. Л. 3 об.

газеты «Наша Ніва». А. И. Луцкевич, со своей стороны, вспоминал: «Резюмируя все вышесказанное о моей деятельности за этот период... могу охарактеризовать его как период сотрудничества с либеральной буржуазией во имя тех же белорусских национальных соображений, во имя которых до 1906 г. я выступал на революционной ниве»¹⁶. Массонская ложа «Беларусь» в Вильно была создана в октябре 1914 г.¹⁷

Обсуждая польский вопрос, актуализировавшийся накануне и в начале Первой мировой войны, конституционные демократы не могли обойти стороной и белорусскую проблематику. В 1914 г. один из ведущих идеологов Конституционно-демократической партии Ф. Ф. Кокошкин подготовил доклад «О государственном устройстве Польши». Основные положения доклада сводились к выделению Царства Польского в особую автономную единицу с сеймом, который мог принимать законы, утверждавшиеся царем. Рассмотрели кадеты и границы будущей автономии. Они отвергли притязания отдельных польских политиков на белорусские и украинские земли, восстановление границ Речи Посполитой 1772 г. Восточная граница Польши, по мнению кадетов, должна была быть проведена в соответствии с этнографическим принципом. Спорными признавались Сокольский, Белостокский и Бельский уезды Гродненской губернии, которые конституционные демократы хотели сохранить в составе Российской империи. Взамен они предполагали расширить территорию Царства Польского за счет Восточной Пруссии после занятия ее российской армией¹⁸.

После того как в феврале – марте 1917 г. в России произошла революция, местные либералы снова активно включились в политический процесс. В апреле 1917 г. уполномоченный ЦК КДП В. И. Самойло выступил с инициативой воссоздания отдела партии в Минске, ранее прекратившего свою деятельность. По его мнению, местная организация конституционных демократов в своей деятельности, прежде всего, должна была учитывать интересы местного населения, т. е. быть тесно связанной с жизнью города, уезда, губернии и вообще Беларуси¹⁹. Региональные интересы Самойло продолжал отстаивать и на все-российских съездах. Наиболее интересны его выступления на восьмом кадетском съезде 9–12 мая 1917 г. по поводу доклада члена ЦК Ф. Ф. Кокошкина «Автономия и национальный вопрос»²⁰. Тезисы Кокошкина, предлагавшего ввести обязательное начальное обучение на родном языке, Самойло хотел дополнить пунктом о возможности получения на родном языке и среднего образования. Он агитировал также за открытие в будущем белорусского

¹⁶ Антон Луцкевич: материалы следственного дела НКВД БССР. С. 34.

¹⁷ Вольныя муляры ў беларускай гісторыі канец XVIII – пачатак XX ст. С. 170.

¹⁸ Протоколы Центрального комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии, 1905 – середина 1930-х гг.: в 6 т. Т. 2: Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии, 1912–1914 гг. М., 1997. С. 419, 420.

¹⁹ Вестник Партии народной свободы. 1917. 11 мая.

²⁰ Съезды и конференции конституционно-демократической партии: в 3 т. Т. 3. Кн. 1: 1915–1917 гг. М., 2000. С. 596, 601.

университета. По его мнению, следовало уделить большое внимание развитию литературы на национальных языках²¹. В перспективе Самойло видел Россию, разделенной на области-края, образованные на национальной основе. «Может быть, действительно в национальном духе найдутся те новые родники эмоциональной энергии, которые создадут великую Россию», — полагал он²². Однако поправки минского делегата не были учтены съездом.

Благодаря В. И. Самойло деятельность белорусских национальных организаций регулярно освещалась на страницах издававшейся кадетами газеты «Минская жизнь».

В Могилевской губернии среди конституционных демократов в 1917 г. преобладало скорее негативное отношение к белорусскому национальному движению. Резко критиковали белорусские организации за поддержку ими идеи национальной автономии могилевские кадеты во время выборов в городскую думу летом 1917 г. Белорусское движение как явление искусственное рассматривал председатель Горецкого отдела КДП С. Г. Цитович. О белорусских деятелях он, в частности, писал: «Белорусы же они только потому, что теперь это модно»²³. Цитович доказывал, что у большинства населения Белоруссии не было желания обособиться от России²⁴. Более того, он сомневался в существовании самого белорусского языка и литературы. Конфликт с демократическими белорусскими организациями не прибавил авторитета местным кадетам на выборах как в органы местного самоуправления, так, позднее, и в Учредительное собрание.

После установления советской власти из кадетских организаций на территории Беларуси наибольшую активность сохранял Витебский отдел. 8 декабря 1917 г. в Витебске состоялась губернская конференция КДП. Местные кадеты приняли решение поддержать все антибольшевистские силы в регионе и сотрудничать с белорусскими партиями и организациями, которые организовывали первый Всебелорусский съезд в Минске в декабре. Для расширения борьбы с большевиками за счет привлечения национальных сил витебские кадеты поддержали идею областной автономии Белоруссии в составе Российской республики, при условии одобрения и определения границы компетенции местного правительства со стороны Общероссийского учредительного собрания. От общественного блока Витебской городской думы, в который помимо кадетов входили торгово-промышленная, еврейская, польская и латышская национальные группы, на Всебелорусский съезд было решено направить одного делегата²⁵.

Первый Всебелорусский съезд, проходивший в Минске с 5 по 18 декабря 1917 г., принял решение о создании органа краевой власти в лице Всебелорусского

²¹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. С. 596, 601.

²² Там же. С. 597.

²³ Горецкий вестник. 1917. 29 сентября.

²⁴ Там же. 1917. 24 октября.

²⁵ Вестник Партии народной свободы. 1917. 28 декабря.

совета крестьянских, солдатских и рабочих депутатов. Это означало, что съезд заявил о претензии на власть, которой в тот момент обладал Областной исполнительный комитет советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной области и фронта (Облиспкомзап). По приказу последнего Всебелорусский съезд был распущен.

В результате наступления германских войск Облиспкомзап в ночь с 18 на 19 февраля 1918 г. эвакуируется в Смоленск. Исполнительный комитет Совета (Рады) Всебелорусского съезда в Минске объявляет себя временной властью на территории Белоруссии. 9 марта того же года он объявляет о создании Белорусской Народной Республики (БНР). При этом окончательное решение вопроса о форме государственной власти должен был решить Всебелорусский учредительный съезд, который предстояло избрать путем свободных выборов с представительством всех без исключения слоев населения на пропорциональной основе.

Минские конституционные демократы, которые активизировали свою деятельность после ухода большевиков, признали БНР. Так, выступая на заседании Минской городской думы 18 марта 1918 г., представитель кадетов А. И. Фомин заявил, что «по условиям политического момента признает Белорусскую Республику». При этом он был противником полной самостоятельности БНР, считая, что в будущем она должна стать частью федеративной Российской республики²⁶. А. И. Фомин вместе с В. О. Янчевским, кадетом, представлявшим поляков, был делегирован Минской городской думой в состав Совета (Рады) БНР²⁷.

25 марта 1918 г. была провозглашена независимость БНР, спустя месяц Рада БНР отправила императору Германии Вильгельму II телеграмму с выражением благодарности за «освобождение» Белоруссии и с просьбой о покровительстве. Данные шаги привели к расколу как в руководстве самой БНР, так и к отходу от ее поддержки политических сил, ранее лояльно к ней относившихся. Среди них были и конституционные демократы. 29 апреля 1918 г. Минская городская дума решила отозвать своих представителей из Рады БНР. При голосовании В. И. Самойло внес поправку: окончательное решение вопроса о государственном устройстве Белоруссии принадлежит белорусскому Учредительному собранию в пределах общегосударственной Конституции, выработанной общероссийским Учредительным собранием²⁸. Таким образом, кадеты выступили против независимости БНР и ее внешнеполитического курса на союз с Германией. Для них сохранение единства Белоруссии с Россией являлось красной чертой, которую не смогли переступить даже деятели, искренне сочувствовавшие белорусскому национальному движению.

²⁶ Кукса А. Н. На пути к самоопределению народов Беларуси и Украины в 1917–1918 гг. Минск, 2012. С. 134.

²⁷ Там же. С. 136.

²⁸ Там же. С. 207, 208.

Заключение. Отделы КДП, расположенные на территории белорусско-литовских губерний, не могли игнорировать белорусское национальное движение. Выступая за сохранение единства Российского государства, в котором все народы должны были обладать равными правами, конституционные демократы считали белорусов частью великого русского народа. При этом местные кадеты подчеркивали культурные и хозяйственные особенности белорусского населения. Они допускали специфику в областном устройстве края. Допуская создание польской автономии, кадеты в то же время отвергли идею восстановления Речи Посполитой в границах 1772 г., полагая, что ее территория должна быть ограничена регионами, населенными этническими поляками. В 1917 г. витебские конституционные демократы поддерживали идею областной автономии Белоруссии в составе Российской республики. Минские конституционные демократы шли дальше, предлагая создать в России территориально-административные единицы по национальному принципу. В 1918 г. местные конституционные демократы, вначале признав БНР, затем выступили против разрыва связей с Россией.

Литература

1. Вольныя муляры ў беларускай гісторыі канец XVIII – пачатак XX ст. Вільня: Gudas, 2005. 278 с.
2. Конон В. М. Проблемы искусства и эстетики в общественной мысли Белоруссии начала XX в. Минск: Наука и техника, 1985. 200 с.
3. Кукса А. Н. На пути к самоопределению народов Беларуси и Украины в 1917–1918 гг. Минск: Белорусский национальный технический университет, 2012. 340 с.
4. Латышонак А. Нацыянальнасць — Беларус. Беласток: Беларускае гістарычнае таварыства, 2009. 559 с.

References

1. Vol'nyia muliary ў belaruskai gistoryi kanets XVIII – pachatak XX st. [Freemasons in the Belarusian history of the late XVIII – early XX century]. Vil'nia: Gudas, 2005. 278 p. (In Belarussian).
2. Konon V. M. Problemy iskusstva i estetiki v obshchestvennoi mysli Belorussii nachala XX v. [Problems of art and aesthetics in the public thought of Belarus at the beginning of the twentieth century]. Minsk: Nauka i tekhnika, 1985. 200 p. (In Russ.).
3. Kuksa A. N. Na puti k samoopredeleniiu narodov Belarusi i Ukrainy v 1917–1918 gg. [On the way to self-determination of the peoples of Belarus and Ukraine in 1917–1918]. Minsk: Belorusskii natsional'nyi tekhnicheskii universitet, 2012. 340 p. (In Russ., Belarussian).
4. Latyshonak A. Natsyianal'nasts' — Belarus [Nationality — Belarus]. Belastok: Belaruskae gistorychnae tavarystva, 2009. 559 p. (In Belarussian).

УДК 930/94(47)“17/1917”

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.48.4.06

Селезнев Федор Александрович

доктор исторических наук, профессор

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

Нижний Новгород, Россия

fseleznev@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0934-3312

**СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ НИКОЛАЯ II И СТОЛЫПИНА**

Аннотация. Николай II возвысил Столыпина как решительного борца с до-революционным движением. Поначалу император был очень доволен им. Но затем между царем и председателем Совета министров стали возникать конфликты. Цель автора выяснить, в чем современная историография видит их причины. В статье приводятся разные точки зрения на природу и серьезность этих конфликтов. Отмечается, что большинство из них было вызвано попытками П. А. Столыпина расширить полномочия председателя Совета министров. Столыпин фактически взял в свои руки назначение на министерские посты, являвшееся исключительным правом монарха. Кроме того, Столыпин поддерживал попытки Государственной думы усилить контроль над оборонной сферой, что вызывало недовольство Николая II. Несмотря на эти конфликты, Столыпин, по мнению многих авторов, до самой гибели сохранял доверие царя. Однако в историографии существует и противоположная точка зрения. Приводятся аргументы авторов, занимающих обе позиции.

Ключевые слова: Николай II, П. А. Столыпин, Государственная дума, Государственный совет, Г. Е. Распутин, думская монархия, историография отечественной истории.

UDC 930/94(47)“17/1917”

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.48.4.06

Seleznev Fedor A.

Doctor of Historical Sciences, Professor

Lobachevsky University

Nizni Novgorod, Russia

fseleznev@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0934-3312

**MODERN HISTORIOGRAPHY
ON THE RELATIONSHIPS OF NICHOLAS II AND STOLYPIN**

Abstract. Nicholas II elevated Stolypin as a resolute fighter against the revolutionary movement. At first, the emperor was very pleased with him. But then conflicts began to arise between the tsar and the chairman of the Council of Ministers. The author's goal is to find out what modern historiography sees as their causes. The article presents different points

of view on the nature and severity of these conflicts. It is noted that most of them were caused by P. A. Stolypin's attempts to expand the powers of the Chairman of the Council of Ministers. Stolypin actually took into his own hands the appointment to ministerial posts, which was the exclusive right of the monarch. In addition, Stolypin supported the attempts of the State Duma to strengthen control over the defense sector, which displeased Nicholas II. Despite these conflicts, Stolypin, according to many authors, retained the tsar's trust until his death. However, there is also an opposite point of view in historiography. The arguments of the authors who occupy both positions are given.

Keywords: Nicholas II, P.A. Stolypin, State Duma, State Council, G.E. Rasputin, Duma monarchy, historiography of national history.

Введение. Биография П. А. Столыпина активно изучается историками. Особое внимание исследователей привлекает комплекс Столыпинских реформ. Однако многие авторы игнорируют тот факт, что преобразования, связанные с именем Столыпина, не могли бы состояться без его назначения председателем Совета министров, произведенного Николаем II. Царь беспрецедентно долго сохранял за П. А. Столыпиным должность главы правительства. Почему? Наша цель выяснить, как современная историография отвечает на этот вопрос и в чем видит причины периодически возникавших конфликтов между Николаем II и П. А. Столыпиным.

Ход и результаты исследования. Отношениям между Николаем II и П. А. Столыпиным посвящено несколько специальных работ¹. В той или иной степени обозначенная проблематика затрагивается и в рамках общих биографий Столыпина. Историки, прежде всего, обращают внимание на момент вхождения Столыпина в правительство, отвечая на вопрос, почему царь сделал саратовского губернатора министром внутренних дел?

С. А. Степанов главную роль в возвышении Петра Аркадьевича отводил председателю Совета министров И. Л. Горемыкину, который «предложил Столыпину место Дурново» (министра внутренних дел в предыдущем составе кабинета)². Ошибочность этого мнения, опираясь на мемуары В. И. Гурко, показал А. П. Бородин³.

У Гурко эта ситуация описана очень подробно. Он прямо и недвусмысленно сообщает, что мысль назначить министром внутренних дел саратовского

¹ *Флоринский М. Ф.* Николай II и кабинет П. А. Столыпина // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX вв. СПб., 2006. С. 352–359; *Куликов С. В.* Столыпин и Николай II: соперничество или сотрудничество // П. А. Столыпин и исторический опыт реформ в России: к 100-летию со дня гибели П. А. Столыпина: Международная научно-практическая конференция (Москва. 28–30 сентября 2011 г.) / Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына; [ред.-сост. Н. Ф. Гриценко]. М., 2012. С. 93–135.; *Мультатули П. В.* Николай II и П. А. Столыпин: правда и мифы о взаимоотношениях // Власть. 2012. № 1. С. 167–173; *Сидоровнин Г. П.* Конфликт П. А. Столыпина с Николаем II: пролегомены к гибели монархии // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 2 (65). С. 27–31.

² *Степанов С. А.* Загадки убийства Столыпина. М., 1995. С. 21.

³ *Бородин А. П.* Столыпин. Реформы во имя России. М., 2004. С. 34.

губернатора сначала пришла в голову царю. «Сам Горемыкин его вовсе не знал», — подчеркивал Гурко. Затем через два дня Горемыкин сказал Гурко, что рассматривается еще кандидатура Н. А. Звегинцова (лифляндского губернатора, который в 1905 г. тоже энергично боролся с революционным движением). Гурко дал тому нелестную характеристику⁴. Она была ретранслирована Горемыкиным. В итоге царь остановился на Столыпине.

Правда, когда решался вопрос о назначении Столыпина председателем Совета министров, рекомендация Горемыкина действительно имела большое значение для царя. Николай II сам отметил это, написав в октябре 1906 г. матери: «Старый Горемыкин дал мне добрый совет, указавши только на него! И за то спасибо ему»⁵. Но совет Горемыкина лишь укрепил уже сложившееся мнение императора о Столыпине.

Таким образом, можно согласиться с А. Н. Бохановым, утверждавшим, что Столыпин «был призван в высший эшелон власти не в силу каких-то родственных уз и мифических протекций, а потому, что проявил себя как сильный и смелый администратор, что было замечено и оценено монархом»⁶.

Об этом же писал П. С. Кабытов, полагающий, что в выборе монарха главную роль «сыграли не дворцовые интриги и протекции, а то, что царь хорошо знал П. А. Столыпина как деятельного, инициативного губернатора, верил в его способность вывести Россию из революционных ухабов»⁷. «Похоже, что это был личный выбор царя, запомнившего энергичного саратовского губернатора, прежде всего за его решительные и нестандартные меры по подавлению революционного движения», — констатирует И. В. Лукоянов⁸.

Итак, Николай II возвысил Столыпина как умелого и решительного борца с революционным движением. Поначалу император был очень доволен своим выдвиженцем. Николай II доверял Столыпину, восхищался его мужеством и самопожертвованием в борьбе с революционерами. Но на следующем этапе, согласно мнению П. С. Кабытова, у императора «явственно просматривается тенденция смены безграничного доверия П. А. Столыпину на подозрительность, перераставшую в нелюбовь и равнодушие, а затем забвение». Таким образом, этот историк выделяет во взаимоотношениях Столыпина и монарха два периода. Первый из них Кабытов ограничивает 1906–1907 гг., когда столыпинская политика «умиротворения» дала свои позитивные результаты. Но после созыва III Думы началось охлаждение царя к премьер-министру⁹.

⁴ Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 540.

⁵ Переписка Николая II и Марии Федоровны (1905–1906 гг.) // Красный архив. 1927. Т. 22. С. 204.

⁶ Боханов А. Н. Император Николай II. М., 1997. С. 255.

⁷ Кабытов П. С. Последний реформатор Российской империи. Самара, 2006. С. 176.

⁸ Лукоянов И. В. П. А. Столыпин и камарилья // П. А. Столыпин и исторический опыт реформ в России: к 100-летию со дня гибели П. А. Столыпина. С. 137.

⁹ Кабытов П. С. Указ. соч. С. 176–177, 179–180.

Действительно, в 1908 г. можно уловить признаки некоторого отчуждения императора и Столыпина. Их проявлением стало уменьшение личных контактов между ними. В 1907 г. царь принял главу правительства 40 раз, в 1908 г. — 29¹⁰. Если в 1907 г. Николай II послал П. А. Столыпину 15 записок (доброжелательных и доверительных), то в 1908 г. — 8. Причем во второй половине 1908 г. лишь две, к тому же сухих по тону¹¹.

По мнению М. Ф. Флоринского, опиравшегося на эмигрантское интервью А. И. Гучкова, данное Н. А. Базили, на отношение монарха к П. А. Столыпину ощутимо повлияли результаты встречи Николая II с Эдуардом VII в Ревеле в июне 1908 г. Английский король тогда всячески проявлял интерес к российскому премьеру, не упускал ни одной возможности с ним поговорить. Столыпин оказался в центре внимания британских журналистов. Все это, как можно понять из изложения М. Ф. Флоринского, вызывало раздражение Николая II¹².

Впрочем, даже из воспоминаний Гучкова следует, что этот эпизод сам по себе не был воспринят российским монархом слишком остро. Им лишь воспользовались недруги Столыпина. В этой связи Гучков сказал Базили: «Я знаю от Нилова, что коллекционировали эти фотографии и незаметно подсовывали государю: так встреча с Эдуардом отражается в прессе английской — Столыпин, Столыпин, Столыпин...». На вопрос Н. А. Базили «Кто вел эту борьбу, кто пытался дискредитировать Столыпина?» Гучков ответил: «Воейков»¹³. Однако ему, похоже, изменила память. В 1908 г. Воейков еще не являлся дворцовым комендантом и не был близок к царской семье. На самом деле Гучков, скорее всего, имел в виду еще одного недруга Столыпина — жандармского генерала А. И. Спиридовича, который в 1906 г. был откомандирован в распоряжение дворцового коменданта и, судя по дневникам Николая II, в июне 1908 г. общался с царем¹⁴.

Тем не менее, кого бы ни подразумевал Гучков, ясно, что этому случаю не стоит придавать особого значения. Сомнительно, чтобы несколько «подсунутых» фотографий столь резко изменили отношение монарха к председателю Совета министров. На наш взгляд, ближе к истине П. С. Кабытов, считающий, что ухудшение отношений царя и Столыпина назревало постепенно, будучи вызвано периодически возникавшими в Думе дискуссиями, затрагивавшими прерогативы монарха¹⁵.

Определенные нотки охлаждения можно уловить уже в записке императора, адресованной Столыпину 9 ноября 1907 года. В ней шла речь о приеме

¹⁰ П. А. Столыпин. Биохроника. М., 2006. С. 172–267.

¹¹ Переписка Н. А. Романова и П. А. Столыпина // Красный Архив. 1923. Т. 5. С. 107–119.

¹² Флоринский М. Ф. Указ. соч. С. 353.

¹³ Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания Председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 116.

¹⁴ Дневники императора Николая II (1894–1918): в 2 т. / отв. ред. С. В. Мироненко. М., 2013. Т. 2. Ч. 1. 1905–1913. С. 303.

¹⁵ Кабытов П. С. Указ. соч. С. 176–177, 179–180.

императором личного состава только что открывшейся III Государственной думы. Вопреки просьбе Столыпина царь посчитал, что «теперь принимать ее рано, она себя еще недостаточно проявила в смысле возлагаемых мною на нее надежд для совместной работы с правительством»¹⁶.

Действительно, III Дума, хотя и не была настроена так воинственно по отношению к монарху, как две ее предшественницы, но и она с самого начала своей работы стала покушаться на полноту его власти, очерченной Основными законами Российской империи. Так, 10 ноября 1907 г. парламентарии образовали комиссию по государственной обороне, в то время как, согласно Основным законам, эта сфера находилась в ведении императора. Неслучайно Николай II в 1907–1908 гг. неоднократно выражал недовольство наименованием указанной комиссии. По мнению В. А. Демина, причина состояла в том, что царь «счел название третьедумской комиссии слишком громким»¹⁷. Но такое объяснение представляется нам не совсем точным. Более адекватно, на наш взгляд, суждение А. А. Чиркова, отметившего, что комиссия эта, уже своим названием, вторгалась в сферу прерогатив царской власти¹⁸. Между тем Столыпин в конце 1907 – начале 1908 г. с ней активно сотрудничал, посещал ее заседания сам и принуждал к этому других министров¹⁹. Цель председателя Совета министров состояла в том, чтобы убедить депутатов проголосовать за выделение средств на постройку новых сверхмощных океанских кораблей — дредноутов. Однако ему это не удалось. С подачи комиссии государственной обороны 24 мая 1908 г. Государственная дума отклонила кредиты на строительство четырех линкоров на Балтике. Император очень остро воспринял это решение парламентариев. 25 мая он в записке Столыпину выразил резкое недовольство Думой «за ее слепое и ничем не оправдываемое отклонение кредита на воссоздание флота», причем «как раз накануне прибытия короля английского»²⁰.

Нужно пояснить, что царь, по выражению К. Ф. Шацилло, «был неравнодушен к военно-морскому флоту, и моряки находились у него в фаворе». В этой связи историк приводит любопытную характеристику монарха, данную начальником штаба Петербургского военного округа Бринкеном: «Государь, всегда такой добрый и мягкий, при всякой попытке кого бы то ни было сказать что-либо против флота, буквально свирепеет, хлопает кулаком по столу и не желает ничего слушать...». Подобную позицию императора Шацилло объяснял особенностями его характера: «Николай II, как все слабовольные люди, в вопросах

¹⁶ Переписка Н. А. Романова и П. А. Столыпина. С. 115.

¹⁷ Демин В. И. Комиссия Государственной думы по государственной обороне и военная политика Российской империи // Российская история. 2016. № 3. С. 136.

¹⁸ Чирков А. А. Думские комиссии по обороне: состав, задачи, результаты деятельности (1907–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. С. 48.

¹⁹ Шацилло К. Ф. Русский империализм и развитие флота накануне Первой мировой войны (1906–1914 гг.). М., 1968. С. 170–171.

²⁰ Переписка Н. А. Романова и П. А. Столыпина. С. 118.

личного престижа был предельно упрям, а в воссоздании линейного флота, кроме великодержавных интересов, он видел и личный престиж»²¹.

Таким образом, голосованием 24 мая 1908 г. Дума нанесла чувствительный удар по самолюбию императора, удар тем более болезненный, что он был нанесен в трехлетнюю годовщину Цусимской катастрофы и накануне визита в Россию британского монарха.

24 мая 1908 г. произошло еще одно событие, в перспективе заметно ухудшившее отношение Николая II к Столыпину. В этот день Государственная дума утвердила не только ассигнования на содержание Морского генерального штаба, но и штаты названного учреждения, приложенные к смете в информационных целях.

Казалось бы, мелкий, этот вопрос имел принципиальное значение с точки зрения разграничения полномочий монарха и парламента. С одной стороны, статьи 14 и 96 Основных законов относили устройство вооруженных сил к исключительной компетенции монарха. В то же время статья 31 Учреждения Государственной думы предоставляла в ее ведение издание штатов²². Налицо было противоречие, устраненное верховной властью в свою пользу. Совет министров, опираясь на статью 96 Основных законов, 6 февраля 1907 г. записал в Особом журнале, что изменения штатов военного или военно-морского ведомств, не вызывающие новых расходов, производятся в порядке верховного управления. Иначе говоря, они, минуя Думу, должны были сразу представляться Советом министров на подпись царю. 2 марта 1907 г. Николай II утвердил этот журнал. Таким образом, депутаты 24 мая 1908 г. игнорировали царский акт 2 марта 1907 г. и явочным порядком попытались расширить свои prerogatives в оборонной сфере.

Государственный совет увидел в этом ограничение верховной власти и 3 июля 1908 г. провалил законопроект. 15 октября 1908 г. морской министр повторно внес в Думу законопроект об отпуске средств на создание штаба. Депутаты 19 декабря 1908 г., идя на открытый конфликт с верховной властью, приняли этот акт в прежнем виде (с утверждением штатов).

Столыпин в этой ситуации оказался на стороне парламентариев. Сначала он буквально протаскил думский вариант законопроекта через Государственный совет, а потом попытался угрозой своей отставки вырвать согласие на его принятие и у монарха. Однако Николай II отказался пойти навстречу премьер-министру, как он часто делал ранее. 25 апреля 1909 г. царь вернул одобренный обеими законодательными палатами законопроект с резолюцией «Не утверждаю»²³.

²¹ Шацлло К. Ф. Указ. соч. С. 60, 61.

²² Белов Ю. С. Права верховной власти в области военного управления и «министерский кризис» 1909 г. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. СПб., 1999. С. 376–377.

²³ Дякин В. С. Сфера компетенции указа и закона в третьиоюньской монархии // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Т. 8. С. 249–253; Белов Ю. С. Указ. соч. С. 376–377.

По мнению В. С. Дякина, конфликт из-за Морского генерального штаба принял столь острые формы, во-первых, поскольку стал «вопросом престижа и влияния» премьер-министра (поддержавшего в данной ситуации Государственную думу), а во-вторых, «потому что касался особенно ревниво охраняемых царизмом прерогатив верховной власти в военных вопросах, обнажив постоянную боязнь реакции утратить контроль над армией»²⁴.

Понятно, почему упорствовали депутаты. Председатель комиссии государственной обороны А. И. Гучков, который находился в хороших отношениях со Столыпиным, надеялся, что с помощью премьер-министра удастся убедить царя пойти на уступку. В результате будет создан прецедент утверждения парламентом штатов военных учреждений.

Но зачем это было нужно Столыпину?

Интересную характеристику описанной ситуации дал А. Я. Аврех. Он полагал, что «существовал сговор Столыпина с октябристами по вопросам военной политики»²⁵. Цели этого «сговора» Аврех сформулировал, обратив внимание читателей на кампанию в печати, которую вели публицист «Нового времени» Меньшиков и корреспондент Daily Telegraph Диллон, обвинявшие премьер-министра и лидера октябристов в стремлении «захватить прерогативы монарха в области внешней и военной политики и поделить их между Думой и кабинетом»²⁶.

М. Ф. Флоринский также отмечает, что критики премьера из консервативного лагеря «активно обвиняли главу правительства в узурпации прерогатив короны»²⁷.

В чем же конкретно заключалась эта «узурпация»? Прежде всего, следует обратить внимание на тот факт, что Столыпин фактически взял в свои руки назначение на высшие государственные посты, являвшееся исключительным правом монарха. К. А. Соловьев приводит примеры того, как председатель Совета министров принимал «самое деятельное участие в формировании правительства, добивался удаления из него нежелательных лиц». Так, в июле 1906 г. Столыпин настоял на увольнении А. С. Стишинского и А. А. Ширинского-Шихматова. П. М. Кауфман был заменен А. Н. Шварцем²⁸. В. А. Демин предполагает, что морской министр И. М. Диков в январе 1909 г. был уволен «по предложению или с согласия Столыпина («из-за неспособности наладить отношения с Думой»)»²⁹. По такой же причине лишился поста министр путей сообщения³⁰.

²⁴ Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978. С. 136.

²⁵ Аврех А. Я. Столыпинский бонапартизм и вопросы военной политики в III Думе // Вопросы истории. 1956. № 11. С. 22.

²⁶ Там же. С. 28.

²⁷ Флоринский М. Ф. Указ. соч. С. 353.

²⁸ Соловьев К. А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М., 2011. С. 135.

²⁹ Демин В. А. Взаимодействие П. А. Столыпина и III Государственной думы // П. А. Столыпин и исторический опыт реформ в России: к 100-летию со дня гибели П. А. Столыпина. С. 32.

³⁰ Кирьянов И. К. П. А. Столыпин: первый публичный политик от российской бюрократии // П. А. Столыпин и исторический опыт реформ в России: к 100-летию со дня гибели П. А. Столыпина. С. 86.

В итоге «наиболее распространенный вариант» правительственных назначений принял, по оценке Ф.А. Гайды, такой вид: «инициирование того или иного кандидата со стороны премьера». Причем, по крайней мере дважды (при назначении министром просвещения Л. А. Кассо и министром иностранных дел С. Д. Сазонова), Столыпин просто ставил царя перед фактом. И лишь только в «иных», отдельных случаях «решение принималось по инициативе самого Николая II»³¹.

При этом кандидаты царя (или кого-то другого, поддержанные императором) наталкивались на открытую неприязнь председателя Совета министров. Так произошло с В. А. Сухомлиновым. Идея сделать его в 1909 г. военным министром принадлежала Николаю II. Со Столыпиным царь ее не обсуждал. По нашему мнению, именно поэтому председатель Совета министров сразу невзлюбил Сухомлинова. Напряжение между ними быстро нарастало. Столыпин хотел, чтобы главы всех ведомств любые спорные вопросы согласовывали с ним, не ища поддержки у императора. Но Сухомлинов иногда действовал в обход премьера, пользуясь правом всеподданнейшего доклада. Это раздражало Столыпина, который, случалось, возбужденно говорил военному министру, что тому нельзя вести особую от Совета министров политику³².

Действовать автономно от правительства Столыпин не позволял даже министру иностранных дел А. П. Извольскому, а также морским министрам. В результате напористых действий Петру Аркадьевичу удалось «усилить свой личный контроль и контроль кабинета за деятельностью Военного и Морского министерств, а также Министерства иностранных дел». И это «едва ли импонировало Николаю II»³³.

Добавим еще, что Столыпин влиял на заполнение не только министерских вакансий, но и тех, что не входили в номенклатуру правительства. Так, по мнению П. А. Казанцева, кандидатура В. А. Дедюлина, сменившего на посту дворцового коменданта Д. Ф. Трепова, в 1906 г. «явилась компромиссом для двора и правительства», т. е. между Столыпиным и Николаем II. Столыпин «хотел видеть на посту дворцового коменданта человека политически нейтрального», и поначалу Дедюлин представлялся ему таковым. Таким образом, Казанцев аттестует Дедюлина как желательного для Столыпина кандидата, но делает оговорку, что Столыпин в нем ошибся³⁴. Для нас же в данном случае важно то, что глава кабинета считал возможным вмешиваться в вопрос о назначении дворцового коменданта, т. е. должностного лица ему не подведомственного.

³¹ Гайда Ф. А. Николай II и Третьеиюньская система (1907–1917) // Вестник университета Дмитрия Пожарского. 2017. № 1 (5). С. 115–116.

³² Селезнев Ф. А., Евдокимов А. В. Роковая женщина военного министра: генерал Сухомлинов и Екатерина Бутович. СПб., 2020. С. 59.

³³ Флоринский М. Ф. Указ. соч. С. 353.

³⁴ Казанцев П. А. Из истории охраны российского императора в конце XIX – начале XX вв. // Новый исторический вестник. 2005. № 1 (14). С. 109–110.

Еще одним примером вторжения Столыпина в неподлежащую его вмешательству сферу в историографии называют стремление премьер-министра убрать из царского окружения Распутина. Причем, по мнению И. В. Лукоянова, «борьба Столыпина с влиянием Распутина оказалась для него едва ли не роковой»³⁵.

Согласно И. В. Лукоянову отсчет противостоянию Столыпина и Распутина следует вести с 1908 г. Начало же их отношений «совершенно не предвещало такого конца»: в 1906 г. Распутин (по рекомендации Николая II) даже приглашался домой к Столыпину, чтобы благословить его дочь Наталью, раненную при взрыве на Аптекарском острове. Но в 1908 г. Распутин вступился за иеромонаха Илиодора, конфликтовавшего с саратовским губернатором С. С. Татищевым, ставленником Столыпина. С этого времени за Распутиным было установлено полицейское наблюдение. Сведения о нем постоянно докладывались П. А. Столыпину как министру внутренних дел, а он несколько раз доносил до монарха неблагоприятные данные о Распутине. Однако его усилия оказались напрасны. Кончилось тем, что Столыпину в октябре 1910 г. запретили следить за Распутиным, а его влияние в Царском Селе упало. При этом, как считает Лукоянов, П. А. Столыпин как глава правительства не вызывал нареканий у Николая II и политических претензий к нему у Николая II не было³⁶.

А. П. Бородин, наоборот, полагает, что царь и премьер политическими единомышленниками не были: их разделяло восприятие «нового строя»³⁷. Кроме того, Бородин не выделяет периода доброжелательных отношений между Распутиным и Столыпиным. Он рисует Петра Аркадьевича непримиримым противником Распутина на всем протяжении своего премьерства. Сведения о лечении Распутиным дочери Столыпина и самого премьер-министра Бородин относит к слухам, т. е. не считает достоверными. Историк убеждает читателя в том, что Распутин «не без основания должен был считать П. А. Столыпина своим врагом, считал и боролся»³⁸.

Однако И. В. Лукоянов указывает на отсутствие убедительных сведений о том, что Распутин пытался сместить премьера³⁹. А. Я. Аврех вообще находил неверным «отводить влиянию Распутина не только решающее, но и сколько-нибудь значительное место в крушении Столыпина»⁴⁰.

К числу наиболее дискуссионных в затронутой нами теме принадлежит вопрос о политических перспективах Столыпина после так называемых министерского и парламентского (конституционного) кризисов марта 1911 г. А. Я. Аврех вслед за многим мемуаристами характеризовал Столыпина после марта 1911 г. в качестве «конченого человека»⁴¹. Для В. С. Дякина было

³⁵ Лукоянов И. В. Указ. соч. С. 141.

³⁶ Там же. С. 141–145.

³⁷ Бородин А. П. Указ. соч. С. 161.

³⁸ Там же. С. 170, 172.

³⁹ Лукоянов И. В. Указ. соч. С. 141.

⁴⁰ Аврех А. Я. Столыпин и Третья дума. М., 1968. С. 346.

⁴¹ Там же.

очевидно, что события министерского кризиса 1911 г. означали «крах столыпинской политики»⁴². П. С. Кабытов считает, что в это время престиж Столыпина рухнул, «произошел разрыв его отношений с самодержцем» и политическая карьера фактически закончилась⁴³.

Но Д. Б. Струкову все гипотезы о разрыве царя и премьера представляются неубедительными. Он считает, что уже в марте 1911 г. Николай II и Столыпин помирились, сохранив взаимное доверие и симпатию, а «выборы в западные земства, впервые приведшие в местное управление представителей русского населения, убедили царя в правильности действий Столыпина по преодолению законодательной блокады Государственного совета»⁴⁴.

А. П. Бородин посвятил положению П. А. Столыпина после министерского кризиса 1911 г. целую главу своей монографии. В ней он доказывает, что отставка Столыпина отнюдь не была предreshена, поскольку Николай II был на стороне П. А. Столыпина, а сам Петр Аркадьевич был деятелен и полон планов⁴⁵.

В то же время в другой главе А. П. Бородин пишет о «политическом падении» Столыпина, которое связывает с кознями Распутина. Цитируя скандальную книжку Илиодора, автор рассказывает, как в конце июня 1911 г. Распутин хвастался, что «сгонит» Столыпина и заменит Коковцовым, а в декабре 1911 г. утверждал, что за семь дней предсказал смерть Столыпина и за семь дней назначил Коковцова. «Не с этими ли предсказаниями связаны поиски заместителя П. А. Столыпина на посту министра внутренних дел?» — задается вопросом автор. Далее в книге Бородина следует изложение истории о поездке Распутина в Нижний Новгород в августе 1911 г. с предложением (от имени царя) занять названную должность местному губернатору А. Н. Хвостову. А. П. Бородин объясняет подоплеку этой поездки так: «По-видимому, Николай II, все более тяготясь П. А. Столыпиным и в связи с этим присматриваясь к губернаторам, обратил внимание на нижегородского А. Н. Хвостова», которому благоволил⁴⁶.

Обстоятельства нижегородской поездки Распутина и сопровождавшего его литератора Г. П. Сазонова подробно разобраны С. В. Куликовым и автором этих строк⁴⁷. Инициатором указанного визита был не Николай II, у которого решение сделать А. Н. Хвостова министром к началу августа 1911 г. уже созрело, а Г. П. Сазонов, узнавший от Распутина (который у него жил) об этом намерении царя. Сазонов дружил с отцом А. Н. Хвостова и захотел сблизиться с будущим министром внутренних дел, оповестив его о благоволении царя и грядущем повышении. По планам императора Столыпин должен был сохранить пост председателя Совета министров. Однако нельзя

⁴² Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. С. 233.

⁴³ Кабытов П. С. Указ. соч. С. 182, 188.

⁴⁴ Струков Д. Б. Столыпин. М., 2012. С. 230–234.

⁴⁵ Бородин А. П. Указ. соч. С. 207–211.

⁴⁶ Там же. С. 172–173.

⁴⁷ Куликов С. В., Селезнев Ф. А. Нижегородский этап карьеры А. Н. Хвостова (1910–1912 гг.) // Вопросы истории. 2015. № 3. С. 129–147.

было исключить возможность того, что он откажется работать совместно с Хвостовым. На этот случай царь приготовил для Столыпина должность наместника на Кавказе⁴⁸.

Перевод на новое место службы должен был произойти после торжеств в Киеве, которые много значили для Столыпина. Перемещение Столыпина на Кавказ не являлось опалой. Оно было обговорено с ним и согласовано. Причем Столыпин питал надежду на возвращение на высшие правительственные посты⁴⁹. Ведь царь и в 1911 г. продолжал доверять Столыпину так же, как в 1906 г. Об этом он написал премьер-министру 9 марта 1911 г.

Заключение. Николай II ценил Столыпина, тот был его любимцем и единомышленником по основополагающим вопросам⁵⁰. Следовательно, несмотря на все конфликты, периодически возникавшие между ними, Столыпин дольше, чем кто-либо другой, сохранял должность председателя Совета министров.

Литература

1. Аврех А. Я. Столыпинский бонапартизм и вопросы военной политики в III Думе // Вопросы истории. 1956. № 11. С. 17–33.
2. Аврех А. Я. Столыпин и Третья дума. М.: Наука, 1968. 520 с.
3. Белов Ю. С. Права верховной власти в области военного управления и «министерский кризис» 1909 г. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. СПб.: Алетейя, 1999. С. 375–393.
4. Бородин А. П. Столыпин. Реформы во имя России. М.: Вече, 2004. 384 с.
5. Боханов А. Н. Император Николай II. М.: Молодая гвардия, 1997. 446 с.
6. Гайда Ф. А. Николай II и Третьеиюньская система (1907–1917) // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2017. № 1 (5). С. 110–134.
7. Демин В. И. Взаимодействие П. А. Столыпина и III Государственной думы // П. А. Столыпин и исторический опыт реформ в России: к 100-летию со дня гибели П. А. Столыпина: Международная научно-практическая конференция (Москва, 28–30 сентября 2011 г.) / Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына; [ред.-сост. Н. Ф. Гриценко]. М.: Русский путь. 2012. С. 31–37.
8. Демин В. А. Комиссия Государственной думы по государственной обороне и военная политика Российской империи // Российская история. 2016. № 3. С. 127–138.
9. Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л.: Наука, 1978. 248 с.
10. Дякин В. С. Сфера компетенции указа и закона в третьеиюньской монархии // Вспомогательные исторические дисциплины. Л.: Наука, 1976. Т. 8. С. 236–262.
11. Зырянов П. Н. Петр Аркадьевич Столыпин // Вопросы истории. 1990. № 6. С. 54–75.
12. Кабытов П. С. Последний реформатор Российской империи. Самара: Самарский государственный университет, 2006. 218 с.

⁴⁸ Куликов С. В., Селезнев Ф. А. Указ. соч. С. 135–136.

⁴⁹ Зырянов П. Н. Петр Аркадьевич Столыпин // Вопросы истории. 1990. № 6. С. 73.

⁵⁰ Мультатули П. В. Указ. соч. С. 171.

13. Казанцев П. А. Из истории охраны российского императора в конце XIX – начале XX вв. // Новый исторический вестник. 2005. № 1 (14). С. 107–114.
14. Кирьянов И. К. П. А. Столыпин: первый публичный политик от российской бюрократии // П. А. Столыпин и исторический опыт реформ в России: к 100-летию со дня гибели П. А. Столыпина: Международная научно-практическая конференция (Москва, 28–30 сентября 2011 г.) / Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына; [ред.-сост. Н. Ф. Гриценко]. М.: Русский путь, 2012. С. 84–92.
15. Куликов С. В. Столыпин и Николай II: соперничество или сотрудничество // П. А. Столыпин и исторический опыт реформ в России: к 100-летию со дня гибели П. А. Столыпина: Международная научно-практическая конференция (Москва, 28–30 сентября 2011 г.) / Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына; [ред. сост. Н. Ф. Гриценко]. М.: Русский путь, 2012. С. 93–135.
16. Куликов С. В., Селезнев Ф. А. Нижегородский этап карьеры А. Н. Хвостова (1910–1912 гг.) // Вопросы истории. 2015. № 3. С. 129–147.
17. Лукоянов И. В. П. А. Столыпин и камарилья // П. А. Столыпин и исторический опыт реформ в России: к 100-летию со дня гибели П. А. Столыпина: Международная научно-практическая конференция (Москва, 28–30 сентября 2011 г.) / Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына; [ред.-сост. Н. Ф. Гриценко]. М.: Русский путь, 2012. С. 136–147.
18. Мультигули П. В. Николай II и П. А. Столыпин: правда и мифы о взаимоотношениях // Власть. 2012. № 1. С. 167–173.
19. Селезнев Ф. А., Евдокимов А. В. Роковая женщина военного министра: генерал Сухомлинов и Екатерина Бутович. СПб.: Алетейя, 2020. 254 с.
20. Сидоровнин Г. П. Конфликт П. А. Столыпина с Николаем II: пролегомены к гибели монархии // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 2 (65). С. 27–31.
21. Соловьев К. А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М.: РОССПЭН, 2011. 511 с.
22. Степанов С. А. Загадки убийства Столыпина. М.: Прогресс-Академия, 1995. 304 с.
23. Струков Д. Б. Столыпин. М.: Вече, 2012. 544 с.
24. Флоринский М. Ф. Николай II и кабинет П. А. Столыпина // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX вв. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 352–359.
25. Чирков А. А. Думские комиссии по обороне: состав, задачи, результаты деятельности (1907–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. 270 с.
26. Шацилло К. Ф. Русский империализм и развитие флота накануне Первой мировой войны (1906–1914 гг.). М.: Наука, 1968. 368 с.

References

1. Avrekh A. Ia. Stolypinskii bonapartizm i voprosy voennoi politiki v III Dume [Stolypin's bonapartism and questions of military policy in the Third Duma] // Voprosy istorii. 1956. № 11. P. 17–33. (In Russ.).
2. Avrekh A. Ia. Stolypin i Tret'ia дума [Stolypin and the Third Duma]. Moscow: Nauka, 1968. 520 p. (In Russ.).
3. Belov Iu. S. Prava verkhovnoi vlasti v oblasti voennogo upravleniia i «ministerskii krizis» 1909 g. [The rights of supreme power in the field of military administration

and the “ministerial crisis” of 1909] // Problemy sotsial’no-ekonomicheskoi i politicheskoi istorii Rossii XIX–XX vekov. St. Peterburg: Aleteia, 1999. P. 375–393. (In Russ.).

4. Borodin A. P. Stolypin. Reformy vo imia Rossii [Stolypin. Reforms in the name of Russia]. Moscow: Veche, 2004. 384 p. (In Russ.).

5. Bokhanov A. N. Imperator Nikolai II [Emperor Nicholas II]. Moscow: Molodaia gvardiia, 1997. 446 p. (In Russ.).

6. Gaida F. A. Nikolai II i Tret’eiun’skaia sistema (1907–1917) [Nicholas II and the Third of June system (1907–1917)] // Vestnik Universiteta Dmitriia Pozharskogo. 2017. № 1 (5). P. 110–134. (In Russ.).

7. Demin V. A. Vzaimodeistvie P. A. Stolypina i III Gosudarstvennoi dумы [Interaction between P. A. Stolypin and the Third State Duma] // P. A. Stolypin i istoricheskii opyt reform v Rossii: k 100-letiiu so dnia gibeli P. A. Stolypina: Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaiia konferentsiia (Moskva. 28–30 sentiabria 2011 g.) / Dom russkogo zarubezh’ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna; [red.-sost. N. F. Gritsenko]. M.: Russkii put’. 2012. P. 31–37. (In Russ.).

8. Demin V. I. Komissii Gosudarstvennoi dумы po gosudarstvennoi oborone i voennaia politika Rossiiskoi imperii [State Duma Commission on State Defense and military policy of the Russian Empire] // Rossiiskaia istoriia. 2016. № 3. P. 127–138. (In Russ.).

9. Diakin V. S. Samoderzhavie, burzhuaziia i dvorianstvo v 1907–1911 gg. [Autocracy, bourgeoisie and nobility in 1907–1911]. Leningrad: Nauka, 1978. 248 p. (In Russ.).

10. Diakin V. S. Sfera kompetentsii ukaza i zakona v tret’eiun’skoi monarkhii [Scope of decree and law in the Third of June Monarchy] // Vspomogatel’nye istoricheskie distsipliny. Leningrad: Nauka, 1976. Vol. 8. P. 236–262. (In Russ.).

11. Zyrianov P. N. Petr Arkad’evich Stolypin [Pyotr Arkadyevich Stolypin] // Voprosy istorii. 1990. № 6. P. 54–75. (In Russ.).

12. Kabytov P. S. Poslednii reformator Rossiiskoi imperii [The last reformer of the Russian Empire]. Samara: Samarskii gosudarstvennyi universitet, 2006. 218 p. (In Russ.).

13. Kazantsev P. A. Iz istorii okhrany rossiiskogo imperatora v kontse XIX – nachale XX vv. [From the history of the protection of the Russian emperor in the late XIXth – early XXth centuries] // Novyi istoricheskii vestnik. 2005. № 1 (14). P. 107–114. (In Russ.).

14. Kir’ianov I. K. P. A. Stolypin: pervyi publichnyi politik ot rossiiskoi biurokratii [P. A. Stolypin: the first public politician from the Russian bureaucracy] // P. A. Stolypin i istoricheskii opyt reform v Rossii: k 100-letiiu so dnia gibeli P. A. Stolypina: Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaiia konferentsiia (Moskva, 28–30 sentiabria 2011 g.) / Dom russkogo zarubezh’ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna; [red.-sost. N. F. Gritsenko]. Moscow: Russkii put’, 2012. P. 84–92. (In Russ.).

15. Kulikov S. V. Stolypin i Nikolai II: sopernichestvo ili sotrudnichestvo [Stolypin and Nicholas II: rivalry or cooperation] // P. A. Stolypin i istoricheskii opyt reform v Rossii: k 100-letiiu so dnia gibeli P. A. Stolypina: Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaiia konferentsiia (Moskva, 28–30 sentiabria 2011 g.) / Dom russkogo zarubezh’ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna; [red. sost. N. F. Gritsenko]. Moscow: Russkii put’, 2012. P. 93–135. (In Russ.).

16. Kulikov S. V., Seleznev F. A. Nizhegorodskii etap kar’ery A. N. Khvostova (1910–1912 gg.) [The Nizhny Novgorod stage of the career of A. N. Khvostov (1910–1912)] // Voprosy istorii. 2015. № 3. P. 129–147. (In Russ.).

17. Lukoianov I. V. P. A. Stolypin i kamaril’ia [P. A. Stolypin and the Camarilla] // P. A. Stolypin i istoricheskii opyt reform v Rossii: k 100-letiiu so dnia gibeli P. A. Stolypina:

Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaiia konferentsiia (Moskva, 28–30 sentiabria 2011 g.) / Dom russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna; [red.-sost. N. F. Gritsenko]. Moscow: Russkii put', 2012. P. 136–147. (In Russ.).

18. Mul'tatuli P. V. Nikolai II i P. A. Stolypin: pravda i mify o vzaimootnosheniakh [Nicholas II and P. A. Stolypin: truth and myths about relationships] // Vlast'. 2012. № 1. P. 167–173. (In Russ.).

19. Seleznev F. A., Evdokimov A. V. Rokovaia zhenshchina voennogo ministra: general Sukhomlinov i Ekaterina Butovich [The fatal woman of the Minister of War: General Sukhomlinov and Ekaterina Butovich]. St. Petersburg: Aleteia, 2020. 254 p. (In Russ.).

20. Sidorovnin G. P. Konflikt P. A. Stolypina s Nikolaem II: prolegomeny k gibeli monarkhii [Conflict between P. A. Stolypin and Nicholas II: prolegomena to the death of the monarchy] // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2015. № 2 (65). P. 27–31. (In Russ.).

21. Solov'ev K. A. Zakonodatel'naia i ispolnitel'naia vlast' v Rossii: mekhanizmy vzaimodeistviia (1906–1914) [Legislative and executive power in Russia: mechanisms of interaction (1906–1914)]. Moscow: ROSSPEN, 2011. 511 p. (In Russ.).

22. Stepanov S. A. Zagadki ubiistva Stolypina [Mysteries of Stolypin's murder]. Moscow: Progress-Akademiia, 1995. 304 p. (In Russ.).

23. Strukov D. B. Stolypin [Stolypin]. Moscow: Veche, 2012. 544 p. (In Russ.).

24. Florinskii M. F. Nikolai II i kabinet P. A. Stolypina [Nicholas II and the cabinet of P. A. Stolypin] // Otechestvennaia istoriia i istoricheskaiia mysl' v Rossii XIX–XX vv. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2006. P. 352–359. (In Russ.).

25. Chirkov A. A. Dumskie komissii po oborone: sostav, zadachi, rezul'taty deiatel'nosti (1907–1917 gg.) [Duma defense commissions: composition, tasks, results of activities (1907–1917)]: dis. ... kand. ist. nauk. M., 2016. 270 p. (In Russ.).

26. Shatsillo K. F. Russkii imperializm i razvitie flota nakanune Pervoi mirovoi voiny (1906–1914 gg.) [Russian imperialism and the development of the fleet on the eve of World War I (1906–1914)]. Moscow: Nauka, 1968. 368 p. (In Russ.).

УДК 93/94 + 324 + 323.2

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.48.4.07

Сорокин Александр Анатольевич

кандидат исторических наук, доцент

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

Нижний Новгород, Россия

skaliger1989@yandex.ru; ORCID 0000-0003-1710-0801

ДИСКУССИИ О ВВЕДЕНИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЦЕНЗА В ЗЕМСКОЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX в.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению ранее не изученных в исторической науке дискуссий о введении образовательного ценза в земское избирательное законодательство Российской империи. На примере документов (журналов и протоколов заседаний, докладов и записок) уездных и губернских комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, работавших в земских губерниях в 1902–1903 гг., показаны основные подходы к этому вопросу. Выделяются следующие мотивы концепций введения образовательного ценза для участия в выборах: повышение квалификационного уровня земских гласных; расширение числа избирателей за счет использования образовательного ценза как альтернативы имущественному (земельному); введение в состав земства сельской интеллигенции при расширении крестьянского представительства; использование как одного из важнейших элементов избирательного права при формировании представительных (распорядительных) органов проектируемых мелких земских единиц (волостного земства). Рассматривается содержание дискуссий по этим вопросам в местных комитетах. Показываются принятые уездными и губернскими комитетами решения о возможности введения образовательного ценза в земское избирательное законодательство.

Ключевые слова: земская реформа, земские выборы, земское самоуправление, крестьяне, мелкая земская единица, образовательный ценз, Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ в рамках научного проекта № МК-2631.2021.2 «Институт земских выборов в общественно-политическом дискурсе Российской империи на рубеже XIX–XX вв.».

UDC 93/94 + 324 + 323.2

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.48.4.07

Sorokin Alexander A.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Lobachevsky University

Nizhny Novgorod, Russia

skaliger1989@yandex.ru; ORCID 0000-0003-1710-0801

**DISCUSSIONS ON THE INTRODUCTION
OF AN EDUCATIONAL QUALIFICATION
IN THE ZEMSTVO ELECTORAL LEGISLATION
OF THE RUSSIAN EMPIRE
AT THE BEGINNING OF THE TWENTIETH CENTURY**

Abstract: The article is devoted to the consideration of previously unexplored discussions in historical science about the introduction of an educational qualification in the zemstvo electoral legislation of the Russian Empire. On the example of documents (journals and minutes of meetings, reports and notes) of the county and provincial committees of a Special Meeting on the needs of the agricultural industry, working in the zemstvo provinces in 1902–1903, the main established approaches to this issue are shown. The following motives of the concepts of introducing an educational qualification for participation in elections are highlighted: improving the qualification level of zemstvo vowels; expanding the number of voters through the use of an educational qualification as an alternative to property (land); introducing rural intelligentsia into the zemstvo with the expansion of peasant representation; using as one of the most important elements of electoral law in the formation of representative (administrative) bodies of projected small zemstvo units (volost zemstvo). The content of discussions on these issues in local committees is considered. The decisions taken by the county and provincial committees on the possibility of introducing an educational qualification into the zemstvo electoral legislation are shown.

Keywords: zemstvo reform, zemstvo elections, zemstvo self-government, peasants, small zemstvo unit, educational qualification, Special Meeting on the needs of the agricultural industry.

Acknowledgments: The research was carried out with the financial support of the Grant Council of the President of the Russian Federation within the framework of the scientific project № МК-2631.2021.2 «The Institute of Zemstvo elections in the socio-political discourse of the Russian Empire at the turn of the XIX–XX centuries».

Введение. После изменений, привнесенных в избирательное законодательство Положением о земских учреждениях 1890 г., начинается новый этап в дискуссиях о дальнейших путях развития и реформ земского самоуправления. Сущность этих дискуссий сводится к таким ключевым вопросам, как учреждение мелкой земской единицы (т. е. распространение земского самоуправления на более низкий административно-территориальный уровень, с возможностью замены им сословного волостного управления),

организация представительства от крестьян, а также пересмотр цензовых начал, составлявших основу избирательного права.

В 1902–1903 гг. вопрос о реформе крестьянского и земского управления и самоуправления активно обсуждался в местных комитетах Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, которые были образованы в уездах и губерниях и формировались из числа представителей местной администрации, земства и землевладельцев. Решения этих комитетов в части, касающейся предложений по реформе земского избирательного законодательства, остаются не введенными в научный оборот. Вместе с тем в рамках их деятельности было сформировано и предложено значительное количество проектов, отражавших основные сложившиеся к началу XX в. концептуальные подходы к проблеме дальнейших реформ земского самоуправления и земского представительства.

Сам вопрос о проектах земских реформ на рубеже XIX–XX вв. неоднократно становился предметом как советских¹ и российских², так и зарубежных исследований³. В то же время идейное наследие Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности в этой части остается малоизученным⁴, а дискуссиям о введении образовательного ценза не было посвящено ни одной специальной работы, что и обуславливает научную актуальность данного исследования.

¹ Герасименко Г. А. Земское самоуправление в России. М., 1990; Захарова Л. Г. Земская контрреформа. М., 1958; Зайончковский П. А. Русское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М., 1970.

² Галкин П. В. Земская «контрреформа» или «коррекция реформ» (по материалам избирательных кампаний в Московской губернии) // Русская политология. 2017. № 1 (2). С. 152–166; Куликов В. В. Становление земского самоуправления: законодательство и практика. Киров, 2009; Свечников Н. И., Синцов Г. В. Формирование основ земского избирательного права в период подготовки и проведения реформ местного самоуправления во второй половине XIX века. Пенза, 2020; Сорокин А. А. Изменения в системе выборов по земскому Положению 1890 г. в оценках частной провинциальной периодической печати // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 2021. № 5. С. 43–47; Медоваров М. В., Сорокин А. А. Земская контрреформа 1890 года в восприятии журнала «Русское обозрение» // Вопросы истории. 2021. № 11–3. С. 55–68; Филиппева С. В. Законодательные изменения в деятельности земских учреждений в результате контрреформы 1890 г. // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. 2014. № 3. С. 47–53.

³ Darrow D. W. The politics of numbers: Zemstvo land assessment and the conceptualization of Russia's rural economy // The Russian Review. January 2000. Vol. 59. № 1. P. 52–75; Fallows T. S. The Russian fronde and the zemstvo movement: Economic agitation and gentry politics in the mid-1890's // The Russian Review. April 1985. Vol. 44. № 2. P. 119–138; Freeze G. L. The soslovie (estate) paradigm and Russian social history // The American Historical Review. January 1986. Vol. 91. № 1. P. 11–36.

⁴ Рахманкин Е. А., Сорокин А. А. Вопрос о реформе земской избирательной системы в Российской империи на рубеже XIX–XX веков // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2021. № 1. С. 69–78; Сорокин А. А. Вопрос о мелкой земской единице в решениях губернских комитетов Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI вв.: материалы XXI Междунауч. конф. (Иваново, 30–31 марта 2022 г.). Иваново, 2022. С. 513–519.

В качестве источниковой базы для данной статьи выступили журналы и протоколы заседаний местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности земских губерний, материалы сформированных в их составе комиссий, а также многочисленные доклады и записки, которые были поданы разными лицами в местные комитеты.

Ход и результаты исследования. В рамках дискуссий о возможных путях реформирования земской избирательной системы к началу XX в. вопрос об образовательном цензе для избирателей и гласных становится одним из обсуждаемых. В частности, еще в 1901 и 1902 гг. в докладах Нижегородскому губернскому земскому собранию губернская управа отметила необходимость изменения цензовых условий земских выборов, что объяснялось, среди прочего, доминированием представителей дворянства в общем числе гласных, что влекло за собой уменьшение интереса к земскому делу со стороны других сословий, а также сложностью двухступенной системы выборов для не имеющих полного земского ценза мелких владельцев, следствием чего стало их уклонение от участия в общественных делах. В этой связи предлагался комплекс мер, в том числе включение в состав избирателей первого избирательного собрания лиц всех сословий, имеющих среднее и высшее образование⁵.

Никольский комитет Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности в своих постановлениях подчеркивал, что существующее обособленное в правовом отношении положение крестьянства лишь побуждает наиболее энергичных, предприимчивых и образованных крестьян «уходить из своей среды», что негативно сказывается на деятельности земства. П. К. Толстиков в записке Вольскому комитету отмечал некультурность и невежественность крестьянского населения, в то время как успех земского дела напрямую зависит от участия в нем «интеллигентных сил»⁶. В связи с этим он предлагал предоставить интеллигенции право участвовать в сельских и волостных сходах наравне с крестьянами, а также усилить ею состав земских собраний⁷.

В докладной записке управляющего Успенской сельскохозяйственной школой А. Н. Навалихина Переяславскому комитету говорилось о необходимости привлечения к земской выборной службе «наиболее образованных лиц без различия сословий»⁸. Губернский гласный А. Д. Нессельроде в качестве образовательного ценза предложил Саратовскому губернскому комитету требование простой грамотности. При этом он должен был стать обязательным при избрании на любые земские должности в рамках организации мелкой земской единицы⁹.

⁵ Сборник постановлений Нижегородского губернского земского собрания. Т. 4: 1900–1910. Нижний Новгород, 1914. С. 42–44.

⁶ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности: I–LVIII. СПб., 1903–1904. Т. VII: Вологодская губерния. С. 193.

⁷ Там же. Т. XXXVII: Саратовская губерния. С. 433.

⁸ Там же. Т. VI: Владимирская губерния. С. 137.

⁹ Там же. Т. XXXVII: Саратовская губерния. С. 121.

Председатель Костромской уездной земской управы В. С. Соколов на заседаниях Костромского губернского комитета сделал принципиальное замечание о том, что необходимо вводить образовательный ценз для гласных: «Нельзя устранять от представительства капитал, но надо, чтобы в земстве был представлен не просто капитал, а капитал облагороженный, поднятый на высоту известных требований в смысле культуры и образования»¹⁰.

Известный консервативный публицист и автор исследований по проблемам местного управления К. Ф. Головин предлагал Тверскому губернскому комитету заменить возрастной ценз для выборной общественной службы образовательным, чтобы предоставить «молодым людям возможность посвятить себя этой службе немедленно по выходе из высших учебных заведений»¹¹.

Такой же позиции придерживался и землевладелец С. А. Дельсаль. В поданной им в Сызранский комитет записке отмечалось, что эта мера позволит обеспечить за счет выпускников университетов из числа поместного дворянства влияние «на весь ход культурного развития народа». Кроме того, в целях поднятия престижа земской службы указывалась необходимость приравнивания ее к государственной. Эта мера также рассматривалась как способствующая лишению оппозиционного характера земских учреждений в отдельных уездах и губерниях, поскольку они войдут в общий строй государственных установлений¹².

В Костромском уездном комитете часть членов критиковала существовавший порядок выборов в земские собрания, отмечая, что он сужает круг избирателей («группа избирателей, владеющих 250 десятинами, является почти без выборов избранной в гласные»). В этой связи предлагалось уменьшить имущественный ценз и допустить к участию в выборах лиц, имеющих определенный образовательный ценз, однако последнее предложение при голосовании было отвергнуто¹³.

В Бежецком комитете Л. И. Мельницкий предложил увеличить состав земских собраний за счет крестьян и частных землевладельцев и восстановить порядок выборов по Положению 1864 г. Также председателем уездной управы Н. А. Трубниковым было высказано пожелание привлечь в состав земства лиц с образовательным цензом и уменьшить размер земельного ценза (с этим согласились десять членов комитета, против высказались восемь)¹⁴.

О необходимости предоставления избирательного права на земских выборах прожившим не менее трех лет в уезде «интеллигентным и образованным лицам» по образовательному цензу говорил на заседании Новгород-Северского комитета агроном А. Н. Пыханов¹⁵. Схожая точка зрения была у члена Тамбовской губернской земской управы Л. Д. Брюхатова (впоследствии он стал

¹⁰ Труды местных комитетов... Т. XVII: Костромская губерния. С. 77–79.

¹¹ Там же. Т. XLII: Тверская губерния. С. 46.

¹² Там же. Т. XXXVIII: Симбирская губерния. С. 531–532.

¹³ Там же. Т. XVII: Костромская губерния. С. 418, 420.

¹⁴ Там же. Т. XLII: Тверская губерния. С. 104–105.

¹⁵ Там же. Т. XLVII: Черниговская губерния. С. 287.

председателем губкома партии эсеров, а затем тамбовской группы кадетской партии). Он доказывал, что сословная организация земских выборов нарушает базовый принцип самоуправления («кто платит, тот имеет право участия в распоряжении общими сборами»). Соответственно, он предлагал сделать выборы бессловными, а в основу избирательного права допустить наряду с имущественным цензом налоговый «при известном уровне общеобразовательной подготовки». Это, по его мнению, должно было привлечь к земской деятельности квалифицированных местных специалистов¹⁶.

Алексинский комитет проголосовал за бессловный принцип формирования земских учреждений и образовательный ценз при выборах гласных¹⁷. О необходимости учета образовательного ценза заявил и Орловский уездный комитет, выступивший за расширение круга избирателей при понижении имущественного и повышении образовательного цензов при условии бессловной организации выборов и увеличении числа гласных¹⁸. Члены Макарьевского комитета выступили при этом за участие в первом избирательном собрании всех землевладельцев с образованием не ниже среднего, даже из числа недворян¹⁹.

Советник губернского правления, гласный губернского земского собрания Н. А. Владимиров предлагал Костромскому губернскому комитету конкретные меры по предоставлению избирательных прав интеллигенции: ввести в состав второго избирательного собрания лиц с высшим образованием даже при отсутствии полного имущественного ценза и предоставить право дворянам избирать таких лиц в гласные от первого собрания («так как такие лица для земства более необходимы, чем дворяне без образования») ²⁰.

В результате Костромским губернским комитетом по итогам голосования было принято решение уменьшить размер ценза, необходимого для участия в выборах, но отклонено предложение о предоставлении избирательных прав лицам с высшим образованием при отсутствии имущественного ценза²¹.

Дискуссия по преференциям на выборах при наличии образовательного ценза разгорелась на заседаниях Лохвицкого комитета. Образованная в его составе административно-земская комиссия пришла к выводу, что необходимо вернуться к бессловной организации земского представительства и понизить земельный ценз в десять раз для лиц с высшим образованием и в два раза для имеющих среднее образование²².

Некоторые члены комитета (в частности, член земской управы В. Н. Самойловский и доктор политической экономии М. И. Туган-Барановский, являвшийся

¹⁶ Труды местных комитетов... Т. XLI: Тамбовская губерния. С. 56.

¹⁷ Там же. Т. XLIII: Тульская губерния. С. 85.

¹⁸ Там же. Т. XXVIII: Орловская губерния. С. 719.

¹⁹ Там же. Т. XXIV: Нижегородская губерния. С. 411.

²⁰ Там же. Т. XVII: Костромская губерния. С. 83.

²¹ Там же. С. 85–86.

²² Там же. Т. XXXII: Полтавская губерния. С. 371.

по своим взглядам социал-демократом, а затем участвовавший на выборах в Государственную думу от кадетской партии) сочли, что такое деление между имеющими высшее и среднее образование искусственно, поскольку зачастую между первыми и вторыми имеется только формальное различие: «Всем известно, что по некоторым причинам, составляющим особенность русской жизни, множество студентов не оканчивает курса; между ними есть даже прослушавшие полный университетский курс и не имеющие диплома только потому, что им не привелось сдать государственный экзамен; есть и продолжавшие образование за границей»²³.

Председатель комитета, уездный предводитель дворянства А. Ф. Русинов в ответ парировал, что комиссия исходила из того, что в случае одинаковых предпочтений будет «большой наплыв избирателей». Однако его доводы не нашли поддержки: земский гласный, секретарь Общества сельского хозяйства И. П. Бедро заявил, что «университетский диплом не может быть вполне надежным критерием» и что разница между высшим и средним образованием не является значительной, а князь А. М. Орбелиани предложил ввести десятикратное понижение земельного ценза для лиц с высшим образованием только при условии владения составляющим ценз имуществом в течение срока не менее шести лет²⁴. Но при голосовании комитет принял вышеуказанные предложения комиссии, а поправка Орбелиани была отклонена²⁵.

Для ряда комитетов вопрос об уровне образования гласных был частью дискуссии о возможности расширения крестьянского представительства. Так, Бахмутский комитет исходил в своем решении из того факта, что гласные уездных земских собраний настолько неаккуратно являются на заседания, что практическое большинство участников последних составляют крестьяне. Вместе с тем, по мнению комитета, земские собрания «так много служили исключительно для крестьянского населения, что это ни в каком случае не может служить мотивом для усиления крестьянского представительства». Полагая необходимым провести децентрализацию земского самоуправления, комитет постановил, что его участниками должны быть в первую очередь сословия, «исторически связанные с землею», т. е. дворяне и крестьяне. Сама избирательная система должна была сохраниться в соответствии с нормами Положения 1890 г. (хотя и с учреждением мелкой земской единицы) с установлением понижения размера имущественного ценза для дворян и введения образовательного ценза для крестьян, если будет признано необходимым увеличить общее количество гласных²⁶.

Схожая позиция была и у Ярославского губернского комитета. Его члены подчеркивали, что увеличение числа гласных от крестьян было бы целесообразно лишь в том случае, «если бы уровень образования и подготовки к общественной

²³ Труды местных комитетов...Т. XXXII: Полтавская губерния. С. 373.

²⁴ Там же. С. 373–374.

²⁵ Там же. С. 514.

²⁶ Там же. Т. XII: Екатеринославская губерния. С. 84–85.

деятельности гласных от дворян и крестьян был бы хотя бы приблизительно одинаков». Однако, поскольку гласные из дворян являются «лицами, имеющими преимущества образования», от усиления крестьянского представительства «нельзя ожидать лучшей постановки дела»²⁷.

Мариупольский комитет, напротив, выступал за увеличение представительства от сельских обществ и мелких землевладельцев при введении образовательного ценза²⁸. Идея образовательного ценза находила поддержку и у самих крестьян. В частности, крестьянин А. К. Козаков представил в юридическо-правовую комиссию Дмитриевского комитета записку, в которой отмечал, что существующее число избирателей крайне ограничено, а интересы крестьян в земстве практически не представлены. Поэтому он отмечал необходимость возврата к бессловной организации выборов, а также увеличить общее число гласных и предоставить избирательное право всем, кто не имеет имущественного ценза, но получил образование на уровне «дающего право на звание начального учителя, при условии прочной связи таких лиц с местным населением по служебному положению или роду занятий» (предложение об образовательном цензе в итоге комиссией было отклонено)²⁹.

Член-оценщик Харьковского отделения Дворянского и Крестьянского банков В. И. Мезенцев предлагал образовательный ценз в качестве барьера при выборах по крестьянской курии. Выступая за прямые (т. е. без утверждения губернатором) и бессловные (с возможностью избрания как крупных, так и мелких землевладельцев не только из крестьянской среды) выборы по ней, он предлагал установить для всех гласных не из дворян, выбранных от крестьянской курии, требование наличия минимум среднего образования, чтобы «ограничить возможность проникновения к земским делам местных Колупаевых и Разуваевых». Это должно было, по его мнению, благоприятно отразиться на земской деятельности: «Мелкие собственники, да еще с образовательным цензом, сидящие на земле, близкие к местным интересам, составили бы в земских собраниях полезный элемент, ныне слабо представляемый»³⁰.

Земский агроном Л. Ю. Брюн в своей записке Серпуховскому комитету отмечал, что «привлечение интеллигенции, не имеющей имущественного ценза, к числу земских плательщиков... и образование вместе с тем новой, более мелкой, чем уезд, земской единицы, объединяющей все сословия в общей работе и избирающей из своей среды должностных лиц, оказало бы громадную услугу поднятию культурного уровня сельского населения»³¹.

Этим же вопросом задавались и в Переяславском комитете. Управляющий Успенской сельскохозяйственной школой А. Н. Навалихин сформулировал его следующим образом: «В последнее время горячо разрабатывается вопрос

²⁷ Труды местных комитетов... Т. XLIX: Ярославская губерния. С. 63.

²⁸ Там же. Т. XII: Екатеринославская губерния. С. 231.

²⁹ Там же. Т. XIX: Курская губерния. С. 159–160, 163.

³⁰ Там же. Т. XLV: Харьковская губерния. С. 157.

³¹ Там же. Т. XXIII: Московская губерния. С. 651.

об учреждении так называемых мелких земских единиц; но спрашивается, может ли разумно самоуправляться мелкая земская единица, если в состав ее войдет только одна и притом все та же темная, неграмотная масса, какая образует теперешнюю волость?»³². По мнению Мусорского сельскохозяйственного общества, представившего свои заключения в Самарский губернский комитет, эта проблема могла быть решена за счет предоставления избирательных прав по образовательному (а не имущественному) цензу деревенской интеллигенции, которая должна будет «ослабить влияние кулаков» в мелкой земской единице³³.

Петровский комитет считал, что образовательный ценз в земском избирательном законодательстве необходим в рамках учреждения мелкой земской единицы (причем из состава ее представительного органа должно было избираться уездное земское собрание). Сохранив имущественный ценз как основу избирательного права, комитет постановил, что таковое право должно распространяться и на постоянно проживающих в местности лиц со средним и высшим образованием. Окончившим курс начальной школы планировалось предоставить «некоторые льготы по выборам»³⁴.

Одесский комитет также предложил образовательный ценз для выборов в органы мелкой земской единицы как возможную альтернативу имущественному. Особо подчеркивалось, что для «лиц интеллигентных профессий» последнего не требуется, поскольку они платят земские сборы с жалованья³⁵. Схожую позицию занял Тихвинский комитет, принявший проект местного земского собрания о предоставлении избирательного права проживающим на территории участка «лицам интеллигентной профессии», врачам и земским учителям и учительницам, прослужившим не менее пяти лет³⁶.

Агроном П. А. Садырин в докладе Малмыжскому комитету о мелкой земской единице в числе обязательных участников ее представительного органа наряду с землевладельцами и представителями сельских обществ выделял лиц, «обладающих известным образовательным цензом», для которых предполагалось также требование ценза оседлости сроком в два или три года³⁷.

Гласный уездного земства Л. П. Демидов в докладе Бирскому комитету предложил полностью переформатировать земскую избирательную систему и ввести в нее образовательный ценз. Согласно его проекту, низшим уровнем земского самоуправления должно было стать волостное собрание, в котором разные группы населения должны были получить фиксированное представительство. Предполагалось, что одну треть от его численности будут составлять плательщики сборов с промышленных предприятий и земельных участков

³² Труды местных комитетов... Т. VI: Владимирская губерния. С. 131.

³³ Там же. Т. XXXV. Самарская губерния. С. 46.

³⁴ Там же. Т. XXXVII: Саратовская губерния. С. 535.

³⁵ Там же. Т. XLVI: Херсонская губерния. С. 322.

³⁶ Там же. Т. XXV: Новгородская губерния. С. 405, 408.

³⁷ Там же. Т. X: Вятская губерния. С. 404.

размером более ста десятин, а также проживающие в волости лица, имеющие среднее или высшее образование. Каждое волостное собрание должно было избрать не менее одного гласного в уездное земское собрание. Кроме того, образовательный ценз вводился и при уездных выборах: имеющие его лица при условии проживания в уезде не менее трех лет должны были входить в состав первого избирательного собрания наряду с крупными землевладельцами³⁸.

Детально был разработан и проект будущего основателя кадетской партии, председателя уездной земской управы князя П. Д. Долгорукова, представленный им в Суджанский комитет. Он предложил включить в число избирателей в земское волостное правление (представительный орган мелкой земской единицы) всех проживающих на территории волости лиц со средним и высшим образованием без требования наличия какой-либо собственности (но при условии уплаты подоходного налога не менее 20 рублей в год и ценза оседлости)³⁹.

Орловский губернский комитет, базируясь на предложениях Елецкого комитета, принял постановление о необходимости учреждения выборной мелкой земской единицы, причем предполагалось в целях установления более тесной связи с населением расширить круг избирателей путем понижения размера имущественного ценза (а для лиц с высшим и средним образованием — и возрастного)⁴⁰.

Оригинальный проект был озвучен в Новгородском уездном комитете. Там М. В. Муравьев заявил о необходимости связать деятельность учителей с местной жизнью путем предоставления права участия в земских собраниях после истечения определенного срока службы на территории одной местности. Доказывалось также, что для обеспечения притока учащихся в школы стоит окончившим их лицам «даровать реальные льготы по отбыванию воинской повинности, по праву быть гласными, судьями и старшинами»⁴¹.

Заключение. Таким образом, постановления о включении образовательного ценза в законодательство о земских выборах приняли всего девять уездных (Алексинский, Бахмутский, Бежецкий, Елецкий, Лохвицкий, Макарьевский, Мариупольский, Петровский, Тихвинский) и один губернский (Орловский) комитет. При этом сам вопрос рассматривался местными комитетами Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности с нескольких позиций. Во-первых, образовательный ценз мог служить средством повышения уровня компетентности земских гласных в целом, а также привлечь на земскую службу выпускников университетов. Во-вторых, в условиях снижения количества потенциальных избирателей образовательный ценз рассматривался как возможная альтернатива имущественному (земельному). В-третьих, в рамках дискуссий о крестьянском представительстве образовательный ценз виделся

³⁸ Труды местных комитетов... Т. XLIV: Уфимская губерния. С. 166, 169.

³⁹ Там же. Т. XIX: Курская губерния. С. 586.

⁴⁰ Там же Т. XXVIII: Орловская губерния. С. 127, 271–272.

⁴¹ Там же. Т. XXV: Новгородская губерния. С. 246.

в качестве возможного корректива, чтобы гласные из числа крестьян могли качественно осуществлять свои обязанности. В-четвертых, вопрос об образовательном цензе был важной частью проектов об организации мелкой земской единицы, которая должна была стать низшим институтом бессословного управления и в рамках которой интеллигенция виделась связующим звеном между массой крестьян и землевладельцев. Все вышеуказанные концептуальные подходы в дальнейшем нашли свое отражение в рамках обсуждения проектов столыпинских реформ местного самоуправления и в особенности — проекта реформы волостного управления.

Литература

1. Галкин П. В. Земская «контрреформа» или «коррекция реформ» (по материалам избирательных кампаний в Московской губернии) // Русская политология. 2017. № 1 (2). С. 152–166.
2. Герасименко Г. А. Земское самоуправление в России. М.: Наука, 1990. 264 с.
3. Захарова Л. Г. Земская контрреформа. М.: Изд-во МГУ, 1958. 178 с.
4. Зайончковский П. А. Русское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М.: Мысль, 1970. 444 с.
5. Куликов В. В. Становление земского самоуправления: законодательство и практика. Киров: Аверс, 2009. 335 с.
6. Медоваров М. В., Сорокин А. А. Земская контрреформа 1890 года в восприятии журнала «Русское обозрение» // Вопросы истории. 2021. № 11-3. С. 55–68.
7. Рахманкин Е. А., Сорокин А. А. Вопрос о реформе земской избирательной системы в Российской империи на рубеже XIX–XX веков // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2021. № 1. С. 69–78.
8. Свечников Н. И., Синцов Г. В. Формирование основ земского избирательного права в период подготовки и проведения реформ местного самоуправления во второй половине XIX века: монография. Пенза: Изд-во ПГУ, 2020. 164 с.
9. Сорокин А. А. Вопрос о мелкой земской единице в решениях губернских комитетов Особого Сопровождающего о нуждах сельскохозяйственной промышленности // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI вв.: материалы XXI Междунар. науч. конф. (Иваново, 30–31 марта 2022 г.). Иваново: Иван. гос. ун-т, 2022. С. 513–519.
10. Сорокин А. А. Изменения в системе выборов по земскому Положению 1890 г. в оценках частной провинциальной периодической печати // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 2021. № 5. С. 43–47.
11. Филиппева С. В. Законодательные изменения в деятельности земских учреждений в результате контрреформы 1890 г. // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. 2014. № 3. С. 47–53.
12. Darrow D. W. The politics of numbers: Zemstvo land assessment and the conceptualization of Russia's rural economy // The Russian Review. January 2000. Vol. 59. № 1. P. 52–75.
13. Fallows T. S. The Russian fronde and the zemstvo movement: Economic agitation and gentry politics in the mid-1890's // The Russian Review. April 1985. Vol. 44. № 2. P. 119–138.

14. Freeze G. L. The soslovie (estate) paradigm and Russian social history // The American Historical Review. January 1986. Vol. 91. № 1. P. 11–36.

References

1. Galkin P. V. Zemskaja «kontreform» ili «korrektsiia reform» (po materialam izbiratel'nykh kampanii v Moskovskoi gubernii) [Zemstvo «counter-reform» or «correction of reforms» (based on the materials of election campaigns in the Moscow province)] // Russian Political Sciences. 2017. № 1 (2). P. 152–166. (In Russ.).
2. Gerasimenko G. A. Zemskoe samoupravlenie v Rossii [Zemstvo self-government in Russia]. Moscow: Nauka, 1990. 264 p. (In Russ.).
3. Zakharova L. G. Zemskaja kontreforma [Zemstvo counter-reform]. Moscow: Izd-vo MGU, 1958. 178 p. (In Russ.).
4. Zaionchkovskii P. A. Russkoe samodержavie v kontse XIX stoletii (politicheskaja reaktsiia 80-kh – nachala 90-kh godov) [Russian autocracy at the end of the XIX century (political reaction of the 80s – early 90s)]. Moscow: Mysl', 1970. 444 p. (In Russ.).
5. Kulikov V. V. Stanovlenie zemskogo samoupravleniia: zakonodatel'stvo i praktika [Formation of zemstvo self-government: legislation and practice]. Kirov: Avers, 2009. 335 s. (In Russ.).
6. Medovarov M. V., Sorokin A. A. Zemskaja kontreforma 1890 goda v vospriiatii zhurnala «Russkoe obozrenie» [Zemstvo counter-reform of 1890 in the perception of the magazine “Russian Review”] // Voprosy istorii. 2021. № 11-3. P. 55–68.
7. Rakhmankin E. A., Sorokin A. A. Vopros o reforme zemskoi izbiratel'noi sistemy v Rossiiskoi imperii na rubezhe XIX–XX vekov [The question of the reform of the zemstvo electoral system in the Russian Empire at the turn of the XIX–XX centuries] // Istoriko-pravovye problemy: Novyi rakurs. 2021. № 1. P. 69–78.
8. Svechnikov N. I., Sintsov G. V. Formirovanie osnov zemskogo izbiratel'nogo prava v period podgotovki i provedeniia reform mestnogo samoupravleniia vo vtoroi polovine XIX veka [Formation of the foundations of zemstvo electoral law during the preparation and implementation of local government reforms in the second half of the XIX century]: monografiia. Penza: Izd-vo PGU, 2020. 164 p. (In Russ.).
9. Sorokin A. A. Vopros o melkoi zemskoi edinitse v resheniiakh gubernskikh komitetov Osobogo Soveshchaniia o nuzhdakh sel'skokhoziaistvennoi promyshlennosti [The question of the small zemstvo unit in the decisions of the provincial committees of the Special Meeting on the needs of the agricultural industry] // Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii XX–XXI vv.: materialy XXI Mezhdunar. nauch. konf. (Ivanovo, 30–31 marta 2022 g.). Ivanovo: Ivan. gos. un-t, 2022. P. 513–519. (In Russ.).
10. Sorokin A. A. Izmeneniia v sisteme vyborov po zemskomu Polozheniiu 1890 g. v otsenkakh chastnoi provintsial'noi periodicheskoi pechati [Changes in the system of elections according to the Zemstvo Regulations of 1890 in the estimates of the private provincial periodical press] // Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. 2021. № 5. P. 43–47. (In Russ.).
11. Filiptseva S. V. Zakonodatel'nye izmeneniia v deiatel'nosti zemskikh uchrezhdenii v rezul'tate kontreformy 1890 g. [Legislative changes in the activities of zemstvo institutions as a result of the counter-reform of 1890] // Vestnik Voronezhskogo instituta ekonomiki i sotsial'nogo upravleniia. 2014. № 3. P. 47–53. (In Russ.).
12. Darrow D. W. The politics of numbers: Zemstvo land assessment and the conceptualization of Russia's rural economy // The Russian Review. January 2000. Vol. 59. № 1. P. 52–75.

13. Fallows T. S. The Russian fronde and the zemstvo movement: Economic agitation and gentry politics in the mid-1890's // *The Russian Review*. April 1985. Vol. 44. № 2. P. 119–138.

14. Freeze G. L. The soslovie (estate) paradigm and Russian social history // *The American Historical Review*. January 1986. Vol. 91. № 1. P. 11–36.

УДК 930/94(47)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.48.4.08

Дж. Брэдли

доктор исторических наук (PhD),

заслуженный профессор

Университет Талса

Александрия, Вирджиния, США

joseph-bradley@utulsa.edu

**РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ
В ОЦЕНКЕ АМЕРИКАНСКИХ ИСТОРИКОВ**

Аннотация. Статья посвящена историографическому анализу работ российских исследователей, опубликованных в американском журнале переводов «Russian Studies in History», проведенном англо-американскими историками. В ней отмечается значительное расширение тематики современных российских исторических исследований, применение в них новой методологии и обращения к новым, ранее неиспользованным массивам документов, находящимися преимущественно в местных архивах. Все это позволило добиться впечатляющих результатов в области политической, социальной, экономической и культурной истории, а также в истории повседневности.

Ключевые слова: российская историография, история России, американский журнал переводов, американская историография.

UDC 930/94(47)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.48.4.08

Joseph Bradley

Doctor of Historical Sciences (PhD), Emeritus Professor

University of Tulsa

Alexandria, Virginia, USA

joseph-bradley@utulsa.edu

**RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF RECENT YEARS
AS ASSESSED BY AMERICAN HISTORIANS**

Abstract. The article is devoted to the historiographical analysis of the works of Russian researchers published in the American journal of translations *Russian Studies in History*, conducted by Anglo-American historians. It notes a significant expansion of the topics of modern Russian historical research, the use of a new methodology in them and the appeal to new, previously unused arrays of documents, mainly located in local archives. This has made it possible to achieve impressive results in the field of political, social, economic and cultural history, as well as in the history of everyday life.

Keywords: Russian historiography, Russian history, American translation journal, American historiography.

Введение. С 1994 г. я являюсь редактором журнала переводов «Russian Studies in History». Журнал выходит четыре раза в год. С 1962 г. по 1992 г. он назывался «Soviet Studies in History». Цель журнала — дать возможность российским историкам, особенно малоизвестным на Западе, представить свои работы англоязычному читателю за рубежом. Каждый выпуск журнала посвящен отдельной проблеме российской истории. Редактор каждого выпуска выбирает статьи и пишет предисловие, в котором оценивается нарратив, подход, источниковая база и академическая значимость работы выбранных трудов российских историков. До введения политики гласности в конце 1980-х гг. наш журнал был почти единственным изданием в англоязычном мире для публикации работ советских историков. С 1992 г. ситуация изменилась в лучшую сторону: многие издательства и журналы предоставляют свои ресурсы для российских авторов; наш журнал перестал быть единственным. Но все же он играет важную роль в вопросе знакомства англоязычных историков с достижениями современной российской историографии: журнал проливает свет на новые темы, актуальные вопросы, подходы и источники в российской историографии.

Рассматривая различные темы, представленные в выпусках журнала, настоящая статья имеет своей целью показать читателю, как оценивают англоязычные историки работы своих российских коллег. Для обзора я выбрал несколько тем постсоветской историографии: либеральная и консервативная идеологии на рубеже XX в.; дореволюционные партии и политики; Первая мировая война; религия в имперской и советской России; региональная история; массовая культура в сталинский и постсталинский периоды; а также изучение процесса формирования исторической памяти.

Ход и результаты исследования. По общепринятому и в России, и на Западе взгляду, почва российской политической культуры была скудна для ростков либерализма. По сравнению с огромным массивом работ о государственных учреждениях, рабочих, крестьянах историография русского либерализма относительно бедна. Для выпуска, посвященного русскому либерализму, я выбрал труды двух знаменитых ученых, В. В. Шелохаева и А. Н. Медушевского¹.

Шелохаев известен у нас как исследователь политических партий дореволюционной России, особенно ценны его работы по истории партии кадетов. По мнению Шелохаева, лучшие представители отечественной либеральной традиции не допускали некритического заимствования политических идей с Запада. Он отмечает, что после распада Советского Союза (и даже за несколько лет до распада, т. е. в период перестройки), историки начали переосмысливать историю либеральной мысли в России².

¹ Russian liberalism / ed. by Joseph Bradley // Russian Studies in History. Winter 1998/1999. Vol. 37. № 3.

² Шелохаев В. В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 26–41.

Медушевский — автор работ о русской политической мысли, в частности по истории русских конституционных проектов. Эти проекты показывают развитие конституционных идей и сводятся в основном к русскому варианту конституционной монархии. Во многих странах Европы конституции были октроированными, т. е. дарованными народу монархом, отнюдь не являясь договором между монархом и народом. Медушевский считает, что самые влиятельные русские конституционные проекты были не «ненаписанной конституцией» Великобритании, не «договорами» французских или американских вариантов народного представительства, а лишь переработанными проектами немецких юристов и конституций немецких государств³.

А. С. Туманова рассматривает либерализм как попытки расширить сферу деятельности русских подданных, иначе говоря, создать условия для развития гражданского общества. В ряде книг и статей, Туманова исследует процесс самоорганизации российского общества, благодаря которому русские подданные стали гражданами, как я сам сформулировал в одной из моих статей. Путем изучения документов министерств, государственных комиссий, отчетов губернаторов, воспоминаний и периодической печати Туманова исследует попытки реализовать право на свободу союзов и собраний после революции 1905 г. Ее работа ценна тем, что показывает различные подходы и мнения высших чиновников, политической полиции и местных властей. Несмотря на отсутствие закона о союзах и собраниях (Правила 4 марта 1906 г. были временными), только в 1906–1909 гг. было создано более 5000 различных обществ. Участвуя во многих общественных, научных, благотворительных, творческих организациях, русские приобрели опыт, так сказать, в управлении собой. Этот опыт во многом помог в налаживании работы тыла во время Первой мировой войны. Однако, как доказывает Туманова, чиновники стремились сохранить государственный надзор над общественной инициативой и препятствовали проявлению подлинной политической свободы, утверждая, как и везде утверждают консерваторы, что народ не готов к свободе. Вопреки отсутствию политической свободы негосударственные организации способствовали развитию общественной жизни и создали пространство для общественной самодеятельности при самодержавии⁴.

Литература о гражданском обществе обычно предлагает либеральную модель политической культуры — правовое государство, отделение церкви от государства, народное представительство, гражданские права и ограничение власти монарха. Но далеко не все представители гражданского общества в России разделяли такие политические ценности.

За последние тридцать лет заметно обогатилась историография на тему правых в позднеимперской России, и один выпуск нашего журнала был посвящен

³ Медушевский А. Н. Конституционные проекты русского либерализма и его политическая стратегия // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 3–23.

⁴ См. например: Туманова А. С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008; Ее же. Общественные организации России: правовое положение, 1860–1930-е гг. М., 2019.

этой проблеме⁵. Анализируя количественный рост правых в годы революции 1905 г., А. А. Иванов утверждает, что национализм со стороны монархистов был не столько «этническим», сколько политическим, являясь в первую очередь защитой русских традиций и ценностей, выраженных формулой «православие, самодержавие, народность». По его мнению, еврейские погромы были направлены не против евреев как народа, а против революционного насилия, осуществляемого партиями, в которых евреи играли заметную роль⁶. И. В. Омелянчук также рассматривает отношение правых к народному представительству, замечая, что всякое представительное законодательное учреждение воспринималось монархистами как чуждое русской политической традиции. В связи с этим крайние правые стремились к роспуску Думу или хотя бы превращению ее в законодательное учреждение. При этом Омелянчук указывает на неловкое положение, в котором оказались правые после 1905 г.: монарх, повиноваться которому они считали своим долгом, создал Государственную думу, реализовавшую принцип парламентаризма, который правые отрицали. Поэтому монархисты-черносотенцы вынуждены были признать законодательный парламент (Государственную думу), а все силы направить на то, чтобы в рамках существующего народного представительства обеспечить лояльность депутатского корпуса к самодержавию⁷. В другой статье Омелянчук рассматривает политику правых партий в отношении пролетариата, а также степень популярности монархической идеологии среди русских рабочих. Он приходит к выводу, что господствовавшее ранее мнение о том, что в рабочей среде поддержка монархических идей была незначительной, не находит подтверждений в источниках⁸. И. В. Нарский в одной из своих статей, применяя методологию постструктурализма, исследует символику и ритуалы, с помощью которых правые рекрутировали сторонников в низших слоях населения⁹. Но, как доказывает Омелянчук, многочисленные рабочие отделы Союза русского народа в итоге все же проиграли в конкурентной борьбе социалистическим партиям, обещавшим мгновенные позитивные изменения в случае их победы, и не могли противостоять общему дрейфу влево всего русского общества¹⁰.

Один из пионеров изучения правых — С. А. Степанов (первое издание его книги о черносотенцах вышло в 1992 г.) — объясняет крах правого

⁵ Rehabilitating the political right of Late-Imperial Russia / ed. by Joseph Bradley // *Russian Studies in History*. 2021. Vol. 59. № 1–2.

⁶ *Иванов А. А. Русские правые в 1906–1916 гг.: взаимоотношения с властью и обществом, рецепты сохранения монархического строя // Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916 / ред. А. А. Миллер, К. А. Соловьев. М., 2021, С. 142–174.*

⁷ *Омелянчук И. В. Парламентаризм в идеологии российских консерваторов начала XX в. // Вопросы истории. 2015. № 2. С. 13–35.*

⁸ *Омелянчук И. В. Рабочий вопрос в идеологии российских консерваторов начала XX в. // Вопросы истории. 2010. № 3. С. 22–37.*

⁹ *Нарский И. В. Социальный национализм? Язык символов и ритуалов в отделах Союза русского народа на Урале в 1905–1914 гг. // Пути России: Новый старый порядок — вечное возвращение? М., 2016.*

¹⁰ *Омелянчук И. В. Рабочий вопрос в идеологии российских консерваторов начала XX в.*

движения в 1917 г. тем, что монархисты были зависимы от самодержавия, которое они стремились защищать; когда же самодержавие было свергнуто, правые потеряли свой *raison d'être* (цель существования)¹¹. В этом аспекте значительный интерес представляет обобщающая статья Омелянчука, посвященная истории правого движения «Монархисты в 1905–1917 гг.: от триумфа к катастрофе»¹². В этой работе он рассматривает зарождение, эволюцию и крах правого движения, особое внимание уделяя причинам последнего. Омелянчук подчеркивает, что уход правых с политической сцены обусловлен как внутренними (раздоры внутри монархического лагеря, финансовые трудности, пассивность партийных масс, обусловленная патриархальной политической культурой), так и внешними факторами, среди которых в первую очередь следует выделить позицию правительства П. А. Столыпина, дистанцировавшегося от проправительственных партий (*sic!*), и информационное давление на правых, предпринятое оппозицией в годы Первой мировой войны¹³.

Иванов, анализируя причины поражения монархических партий, обращает внимание на пессимистические, порой пророческие, апокалиптические высказывания правых в последний период существования монархии. Он исследует взгляды В. М. Пуришкевича, В. В. Шульгина, Н. Е. Маркова 2-го и Б. В. Никольского, которые для спасения монархии предлагали чрезвычайные меры, в том числе роспуск Государственной думы, закрытие левых и либеральных газет, объявление военного положения и изменение Основных законов. Однако самодержавие не прислушалось к их советам¹⁴.

Многие англоязычные историки уделяли внимание кризису самодержавия в последние годы царской России. Например, А. Ашер (A. Ascher) является автором книги о революции 1905 г. и биографии Петра Столыпина. В редактируемом А. Ашером выпуске журнала, посвященном П. А. Столыпину, он сравнивает подходы к изучению деятельности этого политика советских и постсоветских историков¹⁵. Американский исследователь отмечает значительное увеличение количества работ, посвященных Столыпину после 1991 г. В отличие от советских, современные российские историки в основном положительно относятся к Столыпину. Например, А. Н. Медушевский считает, что его реформы являлись революцией сверху, единственным успешным видом революций в России. Российский историк положительно оценивает энергичную борьбу

¹¹ Степанов С. А. Черносотенцы в период Февральской революции 1917 г. // Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы: материалы 15-й Международной конференции. М., 2018. С. 797–803. URL: <https://bookonlime.ru/node/1760/> (дата обращения: 03.12.2022).

¹² Омелянчук И. В. Монархисты в 1905–1917 гг.: от триумфа к катастрофе // Вопросы истории. 2017. № 7. С. 3–21.

¹³ Там же. С. 21.

¹⁴ Иванов И. И. Черная сотня сгинула в подполье: русские правые и революция 1917 г. // Российская история. 2017. № 2. С. 42–59.

¹⁵ How historians in Putin's Russia view prime minister P. A. Stolypin / ed. by Abraham Ascher // Russian Studies in History. 2014. Vol. 53. № 2.

премьер-министра против террора и левого радикализма для водворения в стране законности и порядка. По мнению Медушевского, Столыпин проводил модель модернизации, которая объединяла рыночную экономику с авторитарной политической системой, иначе говоря, нелиберальной демократией¹⁶. Ашер высоко оценивает и работу В. В. Шелохаева, доказывающего, что Столыпин стремился к политической стабильности, экономическому развитию, свободе совести и национальному единству. Не по вине Столыпина его реформы, как считает историк, не принесли ожидаемого результата, поэтому ответственность за последовавшую русскую революцию лежит не на нем¹⁷. Ашер замечает, что положительная оценка современными российскими историками деятельности Столыпина является закономерным следствием переосмысления истории после распада Советского Союза. Следует отметить, что в современной историографии сохраняется и критическое отношение к бывшему премьер-министру Российской империи. Например И. В. Омелянчук, рассматривая деятельность П. А. Столыпина сквозь призму его взаимоотношений с правыми партиями, приходит к выводу, что ослабление монархистов стало следствием целенаправленной деятельности этого политика, вследствие чего самодержавие осталось без поддержки снизу в судьбоносном для него 1917 г.¹⁸

Редактор еще одного выпуска «Russian Studies in History», посвященного парламенту и политическому процессу в России в 1905–1917 гг., английский историк П. Вальдрон (P. Waldron) отмечает, что в отличие от Медушевского и Шелохаева, значительная часть российских историков весьма скептически оценивает Государственную думу и ее отношения с государственной бюрократией¹⁹. Так, в работе Г. М. Кропоткина, опубликованной в этом выпуске, говорится о том, что после 1905 г. высшая бюрократическая элита в своем отношении к Думе не изменила традиционной модели своего поведения, почему и не могла провести политическую модернизацию²⁰. Но, как показывает В. А. Демин, не одна высшая бюрократия виновата в этом. В самой Думе политические партии очень враждебно относились и друг к другу, и к правительству, даже не пытаясь достичь компромисса по ключевым вопросам политической жизни страны. Да и Госсовет чаще всего тормозил реформы²¹. Статьи Кропоткина и Демина, по мнению П. Вальдрона, поддерживают пессимистический взгляд на политическую судьбу России после 1905 г.

¹⁶ Медушевский А. Н. Как выйти из революции: стратегия преодоления социального кризиса в обществах переходного типа // Российская история. 2012. № 2. С. 3–18.

¹⁷ Шелохаев В. В. Столыпинский тип модернизации России // Российская история. 2012. № 2. С. 18–36.

¹⁸ Омелянчук И. В. Правые партии и П. А. Столыпин // Российская история. 2012. № 2. С. 62–76.

¹⁹ Parliament and politics, 1905–1917 / ed. by Peter Waldron // Russian Studies in History. 2008. Vol. 46. № 4.

²⁰ Кропоткин Г. М. Правящая бюрократия и «новый строй» российской государственности после манифеста 17 октября 1905 года // Отечественная история. 2006. № 1. С. 24–42.

²¹ Демин В. А. Фракции II Государственной думы // Вопросы истории. 2006. № 10. С. 25–41.

Для выпуска журнала о губернаторах и о местном управлении, американский историк Р. Роббинс (R. Robbins) выбрал статьи историков С. В. Любичанковско-го, В. В. Куликова и А. С. Тумановой²². Любичанковский подвергает сомнению миф о том, что губернаторы были хозяевами своих губерний. Наоборот, судя по утверждениям различных царских чиновников, губернаторская власть была ограничена целым рядом местных структур и традиций²³. Туманова в работе о тамбовском губернаторе Н. П. Муратове частично не соглашается с этим мнением, но все же признает, что лидеры местного дворянства, чиновники и присоединившиеся к ним земские деятели сумели ограничить произвол губернатора и даже добились его удаления из губернии²⁴. Куликов, рассматривая вопрос об отношениях между земством и губернской администрацией, опровергает устоявшееся мнение о том, что контрреформы 1890 г. существенно ограничили самостоятельность земских учреждений²⁵. Наоборот, утверждает он, последствия контрреформы были положительными создав то, что сегодня, называют вертикаль власти. По мнению Р. Роббинса, в последние 20 лет в России замечен настоящий бум в изучении местного управления. Главную роль в этом процессе играют региональные историки, рассматривающие проблему на основании местных архивов и источников и не с точки зрения центра, как в большинстве предыдущих работ, а с точки зрения местных учреждений.

Долгое время история Первой мировой войны была в тени истории русской революции. За последние 20 лет ситуация изменилась и здесь. Наш журнал не остался в стороне и несколько его выпусков были также посвящены проблемам изучения Первой мировой войны. Один из них редактировался Дж. Бушнеллом (John Bushnell), который высоко оценил работы, исследовавшие отношение к войне со стороны солдат и крестьян в деревне²⁶. А. В. Посадский использует местные полицейские и судебные архивы для объяснения эксцессов, вызванных мобилизацией²⁷. А. Б. Асташов на основании материалов военной цензуры утверждает, что быстро ухудшающиеся условия в тылу, скорее чем события на фронте, подрывали боевой дух армии²⁸. К. В. Самохин, используя сведения полиции о настроениях в Тамбовской губернии, приходит

²² *Governors, provincial administration, and local self-government in Late Imperial Russia* / ed. by Richard Robbins // *Russian Studies in History*. 2014–2015. Vol. 53. № 3.

²³ *Любичанковский С. В.* Миф о власти и власть мифа: был ли российский губернатор полноценным хозяином губерний? // *Родина*. 2007. № 1. С. 11–15.

²⁴ *Туманова А. С.* Консерватор во власти: Губернатор Н. П. Муратов // *Отечественная история*. 2003. № 3. С. 103–113.

²⁵ *Куликов В. В.* Местное самоуправление и административный надзор: исторический опыт земства // *Журнал российского права*. 2000. № 9. С. 142–153.

²⁶ *Russian peasants and soldiers during World War I: Home and front interacting* / ed. by John Bushnell // *Russian Studies in History*. 2017. Vol. 56. № 2.

²⁷ *Посадский А. В.* Всеобщая мобилизация русской армии в 1914 году и крестьянство // *Россия в XX веке: Реформы и революции*. М., 2002. Т. 1. С. 529–542.

²⁸ *Асташов А. Б.* Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // *Отечественная история*. 2003. № 2. С. 72–86.

к иному выводу, утверждая, что на эмоциональный настрой жителей деревни большое влияние оказывали известия с фронта. Он также указывает на заметное уменьшение авторитета династии Романовых в глазах крестьян²⁹. В. Б. Аксенов, привлекая судебные дела об оскорблениях царской семьи и о распространении слухов, доказывает, что монархические настроения крестьянства в ходе войны существенно ослабли³⁰. И хотя эти выводы не поражают своей новизной, Бушнелл полагает, что привлечение новых источников, отражающих ситуацию на местах, безусловно, вносят свой вклад в исследование проблемы и углубляют наше понимание об отношениях между крестьянством и властью в период Первой мировой войны.

Редактор другого номера журнала Д. Санборн (Joshua Sanborn) отметил использование современными российскими историками ранее не востребованных местных источников и сравнительного подхода в своих исследованиях³¹. С его точки зрения, И. В. Нарский успешно оспаривает мнение об отсталости русского солдата, доказывая, что его отношение к войне очень похоже на отношение солдат более «передовых» стран³². Санборн высоко оценивает работу С. В. Казаковцева о благотворительности в Вятской губернии. Российский историк опровергает устоявшееся мнение о том, что население, в особенности общественные организации, были не способны оказать помощь фронту³³.

И Бушнелл, и Санборн полагают, что работы перечисленных выше авторов представляют собой новую генерацию исследований по истории Первой мировой войны, успешно объединяющую военную и социальную историю, а также существенно расширяющую источниковую базу за счет местных материалов.

Начиная с 1990-х гг. в России наступает новый этап изучения религии и ее влияния на социально-политические процессы. Несколько выпусков нашего журнала было посвящено этой проблеме. Гостевым редактором двух выпусков была канадский историк Х. Колеман (Heather Coleman)³⁴. Она отмечает, что после распада Советского Союза и, что важнее, краха идеологии коммунизма, русские ученые начали привлекать новые источники, особенно в местных архивах, пытаясь переосмыслить роль религии в русском обществе. Колеман особо интересуют отношения на местах между прихожанами и священниками. В этом отношении, как полагает исследователь, необходимо

²⁹ Самохин К. В. Первая мировая война в восприятии тамбовских крестьян // Тамбовское крестьянство в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). СПб., 2004. С. 85–95.

³⁰ Аксенов В. Б. Война и власть в массовом сознании крестьян в 1914–1917 годах: архетипы, слухи, интерпретации // Российская история. 2012. № 4. С. 137–145.

³¹ Twenty-first century views of Russia's Great War effort / ed. by Joshua Sanborn // Russian Studies in History. 2013. Vol. 51. № 4.

³² Нарский В. В. Фронтной опыт русских солдат 1914–1916 гг. // Новая и новейшая история. 2005. № 1. С. 194–204.

³³ Казаковцев С. В. Благотворительность в Вятской губернии в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2008. № 7. С. 136–142.

³⁴ Priests and parishoners / ed. by Heather Coleman // Russian Studies in History. 2006. Vol. 44. № 4.

отметить работу В. А. Бердинских, который после трех поколений ученых, создававших идеологизированную историю религии, как бы открывает заново важную роль православного духовенства, представители которого выступали в самых разнообразных ипостасях (от педагогов до этнографов и хроникеров) в провинциальной жизни³⁵. Т. Г. Леонтьева на материалах Тверских архивов реконструирует менталитет поповичей, сформированный их опытом деревенской жизни и обучением в семинариях. Такое сочетание весьма часто приводило молодых священнослужителей в ряды оппозиции и даже революционных партий³⁶. А. В. Сушко, опираясь на официальные церковные источники и архивные материалы, исследует развитие духовного образования в России с XVIII в. вплоть до 1917 г.³⁷ Он приходит к выводу, что духовные семинарии играли более широкую общественную роль, чем просто подготовка священнослужителей. Они являлись самым доступным для низших слоев русского общества видом среднего образования. Многие выпускники семинарий сыграли заметную роль в культурной и политической жизни страны.

Колеман интересовали также работы российских историков по вопросу восприятия населением антирелигиозной политики советской власти в начальный период³⁸. По ее мнению, следует обратить внимание на работу Н. А. Кривовой о преследовании большевиками русской православной церкви³⁹. Автор этого исследования использовала беспрецедентное количество новых источников, в том числе из архивов ФСБ. Особое внимание уделено инциденту с изъятием церковных ценностей в Шуе в марте 1922 г. По мнению Колеман, Кривова убедительно доказывает, что конфискация ценностей у церкви якобы для голодающих на Волге на самом деле была попыткой посеять рознь между церковью и народом и обогатить государственную казну. Н. Б. Лебина⁴⁰ и И. Н. Донина⁴¹ в своих работах исследуют «бытовую» религию в 1920–1930-е гг. в Ленинграде. Они подчеркивают стремление власти заменить старые традиции и ценности новыми атеистическими нормами. Одним из результатов такого антирелигиозного похода стал рост напряженности в семейной жизни. Колеман подчеркивает,

³⁵ *Бердинских В. А.* Приходское духовенство России и развитие краеведения в XIX в. // *Вопросы истории.* 1998. № 10. С. 134–138.

³⁶ *Леонтьева Т. Г.* Вера и бунт: духовенство в революционном обществе начала XX века // *Вопросы истории.* 2001. № 1. С. 29–43.

³⁷ *Сушко А. В.* Духовные семинарии в России (до 1917 г.) // *Вопросы истории.* 1996. № 11–12. С. 107–114.

³⁸ *The old faith and the new: Religion in early Soviet Russia / ed. by Heather Coleman // Russian Studies in History.* 2007. Vol. 46. № 2.

³⁹ *Кривова Н. А.* События в Шуе: поворот к наступлению на церковь // *Власть и церковь в 1922–1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства.* М., 1997. С. 53–74.

⁴⁰ *Лебина Н. Б.* Безбожный быт // *Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии, 1920–1930 годы.* СПб., 2001. С. 120–144.

⁴¹ *Донина И. Н.* «Автобиографии безбожников» как вид массового источника по социальной психологии рубежа 1920–1930-х годов (По материалам рукописного отдела Государственного музея истории религии) // *Клио: ежемесячный журнал для ученых.* 1998. № 3. С. 58–66.

что, хотя источников по данной теме немного, исследования «бытовой» религии в рамках истории повседневности очень перспективны.

Западные историки отмечают, что исследования социологов, антропологов, этнографов могут удачно влиять на работу историков. В частности, Колеман выделяет работу М. М. Громыко и А. В. Буганова, в которой авторы, используя мемуары и местные архивы, пытаются найти потерянную в XX в. народную, или живую, религию в русском прошлом⁴² и доказывают, что русскость сохранилась только в русском крестьянстве.

От себя добавлю: поиск этнических и национальных особенностей предполагает некую неизменную сущность, исключительность, *essentialism* / *exclusionism*. В США тоже есть очень влиятельная философская традиция американской исключительности. В известной степени все народы обладают некоторыми уникальными чертами своего менталитета, потому они и считаются отдельными народами. Однако в настоящее время американские историки ищут эти исключительные и неизменные черты того или иного этноса без особого рвения, уделяя главное внимание поиску глобальных, транснациональных, постоянно меняющихся характеристик, не без основания полагая, что исключительные черты являются просто мифом.

Достаточно успешно, по мнению американских историков, в России развивается изучение проблем местного самоуправления и региональной истории в целом. Так, историк С. Смит-Петер (S. Smith-Peter) рассматривает работы российских историков по истории местного дворянства⁴³. Тут сливаются два предмета — местная история и история дворянской жизни, включая историю дворянской усадьбы, а также два подхода — социальный и кльтурологический, включая историю ментальности. И. Н. Курочкина свою работу посвятила поведенческой культуре русского общества во второй половине XVIII в.⁴⁴ Она пришла к выводу, что столичные и местные дворяне придерживались одинакового кода поведения, изначально формируемого государством.

Значительный интерес представляет статья Е. Н. Мухиной «Человек толпы: Портрет губернского жандармского штаб-офицера эпохи Николая I», в которой рассматривается история царствования Николая I сквозь призму автобиографии одного человека — Эразма Стогова, начальника Охранного отделения Симбирской губернии в 1833–1837 гг.⁴⁵ Эта биография является своеобразным окном, через которое читатель может видеть не только карьеру чиновника, но и провинциальную жизнь, весьма сильно отличающуюся от столичной.

⁴² Громыко М. М., Буганов А. В. Посещение храма: Отношение к храму и священнику // О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 54–73.

⁴³ The Russian nobility and local society / ed. by Susan Smith-Peter // Russian Studies in History. 2003. Vol. 42. № 1.

⁴⁴ Курочкина И. Н. Формирование поведенческой культуры русского общества второй половины XVIII века // Общественные науки и современность. 1999. № 2. С. 103–111.

⁴⁵ Мухина Е. Н. «Человек толпы» (Портрет губернского жандармского штаб-офицера эпохи Николая I) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2000. № 4. С. 44–61.

Для обозначенного выпуска журнала С. Смит-Петер выбрала статью И. М. Пушкаревой о дворянской усадьбе⁴⁶. По мнению американской исследовательницы, Пушкарева успешно связывает экономическое и физическое пространство усадьбы с политической, социальной и культурной жизнью провинции. Используя различные источники — рукописные воспоминания, письма, описи и другие документы усадебных архивов, — она реконструирует жизненный опыт всех обитателей усадьбы, проливая свет на забытые детали внутренней жизни местного дворянства.

После распада Советского Союза новое поколение российских историков вновь открывало для читателя местную историю. В рамках культурной истории они рассматривали не экономические структуры или общественные формации, не общее, а специфику, субъектность, личность рядового человека.

Американские историки всегда уделяли много внимания сталинской эпохе. В период холодной войны так называемая тоталитарная школа в американской историографии сформулировала общепринятую тогда интерпретацию сталинизма. Однако существовало и «ревизионистское» направление, представители которого в зависимости от собственных предпочтений сосредотачивали свое внимание либо на «альтернативе» сталинизму (например, Бухаринский вариант), либо на, так сказать, «сталинизме снизу». Лишь в 1990-е гг. произошел своеобразный культурный поворот и сталинизм стал своего рода «цивилизацией», включающей не только государственные репрессии, но и поддержку снизу, конформизм и многое другое, в том числе и массовую культуру.

Выпуск нашего журнала, посвященный истории массовой культуры, формировал К. Петроне (K. Petrone)⁴⁷. В своих работах Е. Ю. Иньшакова⁴⁸ и Н. Адаскина⁴⁹ опровергают общепринятое ранее мнение о том, что литературное направление социалистического реализма было создано исключительно под давлением государства в 1930-е гг., полагая, что корни этого течения появились еще до сталинской эпохи в результате синтеза элитной и массовой культур. М. Чегодаева настаивает на наличии сходства между советским массовым искусством и западной коммерческой культурой, находя отличие лишь в том, что первая производилась ради политической цели, а вторая — прибыли⁵⁰. В. Лебедева утверждает, что элементы советской массовой культуры, такие как водевиль и музыкальный театр, были меньше всего идеологизированы⁵¹. Таким

⁴⁶ *Пушкарева И. М.* Сельская дворянская усадьба в пореформенной России (К постановке проблемы) // Отечественная история. 1999. № 4. С. 14–31.

⁴⁷ Soviet mass culture / ed. by Karen Petrone // Russian Studies in History. 2003. Vol. 42. № 2.

⁴⁸ *Иньшакова Е. Ю.* На грани элитарной и массовой культуры (К осмыслению «игрового пространства» русского авангарда) // Общественные науки и современность. 2001. № 1. С. 162–174.

⁴⁹ *Адаскина Н.* О двух пониманиях классики в советской художественной культуре // Искусствознание. 1998. № 1. С. 449–458.

⁵⁰ *Чегодаева М.* Массовая культура и социалистический реализм // Вопросы искусствознания. 1997. № 1. С. 115–125.

⁵¹ *Лебедева В. Г.* Тоталитарное и массовое в советской культуре 30-х гг. // Клио: ежемесячный журнал для ученых. 2000. № 1 (10). С. 152–162.

образом, массовая культура сталинской эпохи была вовсе не тоталитарной. К. Петроне высоко оценивает работы выбранных ею историков, заявивших о свободе выбора направлений культуры практически всеми группами населения, а не только политической элитой.

В другом выпуске журнала, посвященном советской массовой культуре, С. Рейд (S. Reid) представила ряд статей российских авторов на тему потребления и массовой культуры в пост-сталинский период⁵². На Западе изучение потребления вместе с изучением повседневности при социализме стало в последние годы очень перспективным не только среди историков, но и среди социологов, культурологов. Эта тенденция прослеживается сейчас и в России. Используемая при этом методология далека от канонов исторической науки и скорее похожа на ту, что применяется при изучении устной истории и культуры вещей. Рассматривая такие культурные явления хрущевской «оттепели», как джаз, кино, стилиаги, массовый отдых и т. п., Л. Брусиловская показывает, что все это подрывало канонические тоталитарные ценности и стили периода сталинизма⁵³.

Еще одним перспективным направлением в российской науке стало изучение исторической памяти, одним из питающих источников которого служит ностальгия о советском прошлом. Исследования в рамках этого направления показывают сложные, часто противоречивые процессы формирования исторической памяти — официальное и неофициальное, коллективное и индивидуальное, профессиональное и любительское — в поиске так называемого «полезного прошлого». Несколько таких работ стараниями редактора Ф. Корни (Fred Corney) и попали в наш журнал⁵⁴.

Л. Репина, придерживающаяся постмодернистского подхода к изучению памяти в своей статье по этой проблеме⁵⁵ полагает, что вопросы, которые мы задаем о прошлом, формируются в контексте настоящего. Память не только способ доступа к индивидуальному или коллективному прошлому, но и играет ключевую роль в формировании индивидуальной и коллективной идентичности, опирающейся в том числе и на мифы о прошлом, в создании которых историки принимают активное участие.

П. Гришанин применяет такую методологию при изучении Гражданской войны⁵⁶, которую он рассматривает не как цепочку событий, а скорее как риторическое поле сражения о значении этих событий. Самым широким таким риторическим полем сражения является, безусловно, Великая Отечественная

⁵² Consumption and everyday culture after Stalin / ed. by Susan Reid // Russian Studies in History. 2009. Vol. 48. № 1.

⁵³ Брусиловская Л. Б. Культура повседневности в эпоху оттепели (метаморфозы стиля) // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 163–174.

⁵⁴ Interrogating the past in modern Russia: The promise and peril of historical memory studies / ed. by Fred Corney // Russian Studies in History. 2010. Vol. 49. № 14.

⁵⁵ Репина Л. П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 39–51.

⁵⁶ Гришанин П. И. Белое движение и гражданская война: историческая феноменология и историческая память // Вопросы истории. 2008. № 2. С. 167–172.

война. Социолог Ж. Тощенко, историки А. и Е. Сениявские показывают, как потребности настоящего диктуют интерпретацию прошлого, в особенности это касается Великой Отечественной войны. Тощенко, используя опросы и интервью участников ВОВ, сделанные в 1990-х гг., когда все советское прошлое подвергалось огульной критике, доказывает, что неофициальная память о войне у граждан была правдивее, чище и патриотичнее, чем официальная, критическая память⁵⁷. Сениявские даже выражают опасение, что отрицательная интерпретация советского прошлого угрожает национальной безопасности и русской государственности в настоящем⁵⁸. Тяжелые события XX в. (Октябрьская революция, Гражданская и Великая Отечественная войны), по мнению Сениявских, являются историческими истинами, атакуемыми Западом и оппозиционно-настроенными элитами в России.

Авторов с другими подходами и целями выбрал молодой американский историк А. Пэри (A. Peri) для выпуска, посвященного памяти о Великой Отечественной войне⁵⁹. О. Будницкий рассматривает историческую память об Отечественной войне 1812 г. в период Великой Отечественной⁶⁰. Статья Е. Болтуновой, по мнению А. Пэри, представляет собой новаторский обзор вопроса о том, почему память о Великой Отечественной стала доминирующим тропом советской памяти, отодвинув на второй план даже память об Октябрьской революции⁶¹. Т. Воронина в своей работе сравнивает советскую и постсоветскую память о блокаде Ленинграда, приходя к выводу, что ее фокус сместился с жертвенности на героизм⁶². В статье С. Антоненко⁶³ рассмотрена роль позиционирующей себя жертвой советской власти РПЦ в формировании памяти о войне, отмечены ее претензии на новую и, заметим, достаточно авторитарную политическую роль в постсоветской России. П. Баратов исследует влияние цифрового меди- и игрового пространства на формирование памяти о Второй мировой войне в современной России⁶⁴.

⁵⁷ Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3–14.

⁵⁸ Сениявский А. С., Сениявская Е. С. Историческая память о войнах XX в. как область идейно-политического и психологического противостояния // Отечественная история. 2007. № 2. С. 139–151.

⁵⁹ В настоящее время этот номер готовится к печати.

⁶⁰ Будницкий О. В. История войны с Наполеоном в советской пропаганде 1941–1945 годов // Российская история. 2012. № 6. С. 157–169.

⁶¹ Болтунова Е. «Пришла беда, откуда не ждали»: как война поглотила революцию // Неприкосновенный запас. 2017. № 6. С. 109–128.

⁶² Воронина Т. Ю. О старом по-старому: блокада Ленинграда в литературе эпохи перемен // Новое литературное обозрение. 2016. № 1. С. 206–231.

⁶³ Антоненко С. Юбилей победы в жизни Русской Православной Церкви и российских конфессий // Победа-70: Реконструкция юбилея / ред. Е. М. Бордюгов. 2015. С. 225–268.

⁶⁴ Баратов П. Пользователь и праздник: интернет-пространство и компьютерные игры в «любительском формате» // Победа-70: Реконструкция юбилея / ред. Е. М. Бордюгов. 2015. С. 192–224.

Заключение. Таким образом за последние тридцать лет российские историки открыли для себя целый ряд новых проблем и направлений исторической науки. В настоящей статье представлен беглый обзор только некоторых из них. Современные российские историки по-новому разработали целый ряд проблем политической истории, получив результаты в корне отличающиеся от доставшихся в наследие от советской исторической науки. В первую очередь к ним надо отнести изучение политических партий, ранее проводившееся в рамках жесткой марксистской методологии. Кроме того, российские историки обращались к региональной (местной) истории, истории дворян, крестьян, священников. Но делали это уже не с точки зрения центра, как это было в советскую эпоху, а с точки зрения местной жизни. Такие исследования опирались на новые методы исследования ранее невосребованный массив местных источников, отложившихся в региональных архивах. Эти работы, носящие, как правило, междисциплинарный характер, успешно объединяют методологию политической, социальной, экономической и культурной истории. Культурная антропология концентрирует внимание не на общем, а на конкретном, не на структурах и формациях, а на рядовом человеке. В России такие работы представили лучшее понимание бытовой религии, поведения крестьян и солдат во время войны, пространства местной дворянской жизни, массовой культуры советского периода, исторической памяти и т. д. Продолжение такого рода исследований мне кажется очень перспективным.

Литература

1. Адашкина Н. О двух пониманиях классики в советской художественной культуре // Искусствознание. 1998. № 1. С. 449–458.
2. Аксенов В. Б. Война и власть в массовом сознании крестьян в 1914–1917 годах: архетипы, слухи, интерпретации // Российская история. 2012. № 4. С. 137–145.
3. Антоненко С. Юбилей победы в жизни Русской Православной Церкви и российских конфессий // Победа-70: Реконструкция юбилея: сборник / ред. Е. М. Бордюгов. М.: АИРО-XXI, 2015. С. 225–268.
4. Асташов А. Б. Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 2. С. 72–86.
5. Баратов П. Пользователь и праздник: интернет-пространство и компьютерные игры в «любительском формате» // Победа-70: Реконструкция юбилея: сборник / ред. Е. М. Бордюгов. М.: АИРО-XXI, 2015. С. 192–224.
6. Бердинских В. А. Приходское духовенство России и развитие краеведения в XIX в. // Вопросы истории. 1998. № 10. С. 134–138.
7. Болтунова Е. «Пришла беда, откуда не ждали»: как война поглотила революцию // Неприкосновенный запас. 2017. № 6. С. 109–128.
8. Брусиловская Л. Б. Культура повседневности в эпоху оттепели (метаморфозы стиля) // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 163–174.
9. Будницкий О. В. История войны с Наполеоном в советской пропаганде 1941–1945 годов // Российская история. 2012. № 6. С. 157–169.

10. Воронина Т. Ю. О старом по-старому: блокада Ленинграда в литературе эпохи перемен // Новое литературное обозрение. 2016. № 1. С. 206–231.
11. Гришанин П. И. Белое движение и гражданская война: историческая феноменология и историческая память // Вопросы истории. 2008. № 2. С. 167–172.
12. Громыко М. М., Буганов А. В. Посещение храма. Отношение к храму и священнику // Громыко М. М., Буганов А. В. О воззрениях русского народа: монография. М.: Паломник, 2000. С. 54–73.
13. Демин В. А. Фракции II Государственной думы // Вопросы истории. 2006. № 10. С. 25–41.
14. Донина И. Н. «Автобиографии безбожников» как вид массового источника по социальной психологии рубежа 1920–1930-х годов (По материалам рукописного отдела Государственного музея истории религии) // Клио: ежемесячный журнал для ученых. 1998. № 3. С. 58–66.
15. Иванов А. А. Русские правые в 1906–1916 гг.: взаимоотношения с властью и обществом, рецепты сохранения монархического строя // Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916 / ред. А. А. Миллер, К. А. Соловьев. М.: Квадрига, 2021, С. 142–174.
16. Иванов И. И. Черная сотня сгинула в подполье: русские правые и революция 1917 г. // Российская история. 2017. № 2. С. 42–59.
17. Инышакова Е. Ю. На грани элитарной и массовой культуры (К осмыслению «игрового пространства» русского авангарда // Общественные науки и современность. 2001. № 1. С. 162–174.
18. Казаковцев С. В. Благотворительность в Вятской губернии в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2008. № 7. С. 136–142.
19. Кривова Н. А. События в Шуе: поворот к наступлению на церковь // Кривова Н. А. Власть и церковь в 1922–1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства: монография. М.: АИРО-XX, 1997. С. 53–74.
20. Кропоткин Г. М. Правящая бюрократия и «новый строй» российской государственности после манифеста 17 октября 1905 года // Отечественная история. 2006. № 1. С. 24–42.
21. Куликов В. В. Местное самоуправление и административный надзор: исторический опыт земства // Журнал российского права. 2000. № 9. С. 142–153.
22. Курочкина И. Н. Формирование поведенческой культуры русского общества второй половины XVIII века // Общественные науки и современность. 1999. № 2. С. 103–111.
23. Лебедева В. Г. Тоталитарное и массовое в советской культуре 30-х гг. // Клио: ежемесячный журнал для ученых. 2000. № 1 (10). С. 152–162.
24. Лебина Н. Б. Безбожный быт // Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии, 1920–1930 годы. СПб.: Журнал «Нева»: Летний Сад, 2001. С. 120–144.
25. Леонтьева Т. Г. Вера и бунт: духовенство в революционном обществе начала XX века // Вопросы истории. 2001. № 1. С. 29–43.
26. Любичанковский С. В. Миф о власти и власть мифа: был ли Российский губернатор полноценным хозяином губернии? // Родина. 2007. № 1. С. 11–15.
27. Медушевский А. Н. Как выйти из революции: стратегия преодоления социального кризиса в обществах переходного типа // Российская история. 2012. № 2. С. 3–18.

28. Медушевский А. Н. Конституционные проекты русского либерализма и его политическая стратегия // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 3–23.
29. Мухина Е. Н. «Человек толпы» (Портрет губернского жандармского штаб-офицера эпохи Николая I) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2000. № 4. С. 44–61.
30. Нарский И. В. Социальный национализм? Язык символов и ритуалов в отделах Союза русского народа на Урале в 1905–1914 гг. // Пути России: Новый старый порядок — вечное возвращение?: [XXI международный симпозиум, 21–22 марта 2014 г.: сборник статей] / [общ. ред.: М. Г. Пугачева, А. Ф. Филиппов]. М.: НЛЮ, 2016. С. 222–230.
31. Нарский В. В. Фронтовой опыт русских солдат 1914–1916 гг. // Новая и новейшая история. 2005. № 1. С. 194–204.
32. Омелянчук И. В. Монархисты в 1905–1917 гг.: от триумфа к катастрофе // Вопросы истории. 2017. № 7. С. 3–21.
33. Омелянчук И. В. Парламентаризм в идеологии российских консерваторов начала XX в. // Вопросы истории. 2015. № 2. С. 13–35.
34. Омелянчук И. В. Правые партии и П. А. Столыпин // Российская история. 2012. № 2. С. 62–76.
35. Омелянчук И. В. Рабочий вопрос в идеологии российских консерваторов начала XX в. // Вопросы истории. 2010. № 3. С. 22–37.
36. Посадский А. В. Всеобщая мобилизация русской армии в 1914 году и крестьянство: по материалам Саратовской губернии // Россия в XX веке: Реформы и революции: материалы Международной научной конференции (апрель 2001 г.) / общ. ред. Г. Н. Севостьянов: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 2002. С. 529–542.
37. Пушкарева И. М. Сельская дворянская усадьба в пореформенной России (к постановке проблемы) // Отечественная история. 1999. № 4. С. 14–31.
38. Репина Л. П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 39–51.
39. Самохин К. В. Первая мировая война в восприятии тамбовских крестьян // Тамбовское крестьянство в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). СПб. 2004. С. 85–95.
40. Сеньявский А. С., Сеньявская Е. С. Историческая память о войнах XX в. как область идейно-политического и психологического противостояния // Отечественная история. 2007. № 2. С. 139–151.
41. Степанов С. А. Черносотенцы в период Февральской революции 1917 г. // Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы: материалы 15-й Международной конференции «Государственное управление в XXI веке» (Москва, 25 мая 2017 г.). М.: КДУ; Университетская книга, 2018. С. 797–803. URL: <https://bookonline.ru/node/1760/> (дата обращения: 03.12.2022).
42. Сушко А. В. Духовные семинарии в России (до 1917 г.) // Вопросы истории. 1996. № 11–12. С. 107–114.
43. Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3–14.
44. Туманова А. С. Консерватор во власти: Губернатор Н. П. Муратов // Отечественная история. 2003. № 3. С. 103–113.
45. Туманова А. С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М.: Новый хронограф, 2008. 328 с.

46. Туманова А. С. Общественные организации России: правовое положение, 1860–1930-е гг. М.: Проспект, 2019. 480 с.
47. Чегодаева М. Массовая культура и социалистический реализм // Вопросы искусствознания. 1997. № 1. С. 115–125.
48. Шелохаев В. В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 26–41.
49. Шелохаев В. В. Столыпинский тип модернизации России // Российская история. 2012. № 2. С. 18–36.

References

1. Adaskina N. O dvukh ponimaniikh klassiki v sovetskoi khudozhestvennoi kul'ture [On two understandings of the classics in Soviet artistic culture] // Iskusstvoznanie. 1998. № 1. P. 449–458. (In Russ.).
2. Aksenov V. B. Voina i vlast' v massovom soznanii krest'ian v 1914–1917 godakh: arkhetipy, slukhi, interpretatsii [War and power in the mass consciousness of peasants in 1914–1917: archetypes, rumors, interpretations] // Rossiiskaia istoriia. 2012. № 4. P. 137–145. (In Russ.).
3. Antonenko S. Iubilei pobedy v zhizni Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi i rossiiskikh konfessii [Victory anniversary in the life of the Russian Orthodox Church and Russian confessions] // Pobeda-70: Rekonstruktsiia iubileia: sbornik / red. E. M. Bordiugov. Moscow: AIRO-XXI, 2015. P. 225–268. (In Russ.).
4. Astashov A. B. Russkii krest'ianin na frontakh Pervoi mirovoi voyny [Russian peasant on the fronts of the First World War] // Otechestvennaia istoriia. 2003. № 2. P. 72–86. (In Russ.).
5. Baratov P. Pol'zovatel' i prazdnik: internet-prostranstvo i komp'iuternye igry v «liubitel'nom formate» [User and holiday: Internet space and computer games in an “amateur format”] // Pobeda-70: Rekonstruktsiia iubileia: sbornik / red. E. M. Bordiugov. Moscow: AIRO-XXI, 2015. P. 192–224. (In Russ.).
6. Berdinskikh V. A. Prikhodskoe dukhovenstvo Rossii i razvitie kraevedeniia v XIX v. [The parish clergy of Russia and the development of local history in the 19th century] // Voprosy istorii. 1998. № 10. P. 134–138. (In Russ.).
7. Boltunova E. «Prishla beda, otkuda ne zhdali»: kak voina poglotila revoliutsiiu [“The trouble came from where they did not expect”: how the war swallowed up the revolution] // Neprikosnovennyi zapas. 2017. № 6. P. 109–128. (In Russ.).
8. Brusilovskaia L. B. Kul'tura povsednevnosti v epokhu ottepeli (metamorfozy stilia) [The culture of everyday life in the era of the thaw (metamorphoses of style)] // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2000. № 1. P. 163–174. (In Russ.).
9. Budnitskii O. V. Istoriia voyny s Napoleonom v sovetskoi propagande 1941–1945 godov [History of the war with Napoleon in Soviet propaganda 1941–1945] // Rossiiskaia istoriia. 2012. № 6. P. 157–169. (In Russ.).
10. Voronina T. Iu. O starom po-staromu: blokada Leningrada v literature epokhi pere-men [About the old in the old way: the blockade of Leningrad in the literature of the era of change] // Novoe literaturnoe obozrenie. 2016. № 1. P. 206–231. (In Russ.).
11. Grishanin P. I. Beloe dvizhenie i grazhdanskaia voina: istoricheskaiia fenomenologiia i istoricheskaiia pamiat' [The White Movement and the Civil War: historical phenomenology and historical memory] // Voprosy istorii. 2008. № 2. P. 167–172. (In Russ.).

12. Gromyko M. M., Buganov A. V. Poseshchenie khrama. Otnoshenie k khramu i sviashchenniku [Going to the temple: relationship to the temple and the priest] // Gromyko M. M., Buganov A. V. O vozzreniiakh russkogo naroda: monografiia. Moscow: Palomnik, 2000. P. 54–73. (In Russ.).
13. Demin V. A. Fraktsii II Gosudarstvennoi dумы [Factions of the Second State Duma] // Voprosy istorii. 2006. № 10. P. 25–41. (In Russ.).
14. Donina I. N. «Avtobiografii bezbozhnikov» kak vid massovogo istochnika po sotsial'noi psikhologii rubezha 1920–1930-kh godov (Po materialam rukopisnogo otdela Gosudarstvennogo muzeia istorii religii) [“Autobiographies of atheists” as a type of mass source on social psychology at the turn of the 1920s – 1930s (Based on the materials of the manuscript department of the State Museum of the History of Religion)] // Klio: ezhemesiachnyi zhurnal dlia uchenykh. 1998. № 3. P. 58–66. (In Russ.).
15. Ivanov A. A. Russkie pravye v 1906–1916 gg.: vzaimootnosheniia s vlast'iu i obshchestvom, retsepty sokhraneniia monarkhicheskogo stroia [Russian right-wingers in 1906–1916: relations with the authorities and society, recipes for the preservation of the monarchical system] // Rossiiskaia imperiia mezhdru reformami i revoliutsiiami, 1906–1916 / red. A. A. Miller, K. A. Solov'ev. Moscow: Kvadruga, 2021. P. 142–174. (In Russ.).
16. Ivanov I. I. Chernaia sotnia sginula v podpol'e: russkie pravye i revoliutsiia 1917 g. [The Black Hundreds gone underground: The Russian right and the Revolution of 1917] // Rossiiskaia istoriia. 2017. № 2. P. 42–59. (In Russ.).
17. In'shakova E. Iu. Na grani elitarnoi i massovoi kul'tury (K osmysleniiu «igrovogo prostranstva» russkogo avangarda [On the verge of elite and mass culture (On understanding the “playing space” of the Russian avant-garde)] // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2001. № 1. P. 162–174. (In Russ.).
18. Kazakovtsev S. V. Blagotvoritel'nost' v Viatskoi gubernii v gody Pervoi mirovoi voiny [Charity in the Vyatka province during the First World War] // Voprosy istorii. 2008. № 7. P. 136–142. (In Russ.).
19. Krivova N. A. Sobytiia v Shue: povорот k nastupleniiu na tserkov' [Events in Shuya: turn to attack the church] // Krivova N. A. Vlast' i tserkov' v 1922–1925 gg.: Politbiuro i GPU v bor'be za tserkovnye tsennosti i politicheskoe podchinenie dukhovenstva: monografiia. Moscow: AIRO-XX, 1997. P. 53–74. (In Russ.).
20. Kropotkin G. M. Praviashchaia biurokратиia i «novyi stroi» rossiiskoi gosudarstvennosti posle manifesta 17 oktiabria 1905 goda [The ruling bureaucracy and the “new system” of Russian statehood after the manifesto of October 17, 1905] // Otechestvennaia istoriia. 2006. № 1. P. 24–42. (In Russ.).
21. Kulikov V. V. Mestnoe samoupravlenie i administrativnyi nadzor: istoricheskii opyt zemstva [Local self-government and administrative supervision: the historical experience of the Zemstvo] // Zhurnal rossiiskogo prava. 2000. № 9. P. 142–153. (In Russ.).
22. Kurochkina I. N. Formirovanie povedencheskoi kul'tury russkogo obshchestva vtoroi poloviny XVIII veka [Formation of the behavioral culture of Russian society in the second half of the 18th century] // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1999. № 2. P. 103–111. (In Russ.).
23. Lebedeva V. G. Totalitarnoe i massovoe v sovetskoi kul'ture 30-kh gg. [Totalitarian and mass in the Soviet culture of the 30s] // Klio: ezhemesiachnyi zhurnal dlia uchenykh. 2000. № 1 (10). P. 152–162. (In Russ.).

24. Lebina N. B. Bezbozhnyi byt [Godless life] // Lebina N. B. Povsednevnaia zhizn' sovetskogo goroda: normy i anomalii, 1920–1930 gody. St. Petersburg: Zhurnal «Neva»: Letnii Sad, 2001. P. 120–144. (In Russ.).

25. Leont'eva T. G. Vera i bunt: dukhovenstvo v revoliutsionnom obshchestve nachala XX veka [Faith and rebellion: the clergy in the revolutionary society of the early XXth century] // Voprosy istorii. 2001. № 1. P. 29–43. (In Russ.).

26. Liubichankovskii S. V. Mif o vlasti i vlast' mifa: byl li Rossiiskii gubernator polnotsennym khoziaiном gubernii? [The myth of power and the power of myth: was the Russian governor a full-fledged master of the province?] // Rodina. 2007. № 1. P. 11–15. (In Russ.).

27. Medushevskii A. N. Kak vyiti iz revoliutsii: strategiiia preodoleniia sotsial'nogo krizisa v obshchestvakh perekhodnogo tipa [How to get out of the revolution: a strategy for overcoming the social crisis in transitional societies] // Rossiiskaia istoriia. 2012. № 2. P. 3–18. (In Russ.).

28. Medushevskii A. N. Konstitutsionnye proekty russkogo liberalizma i ego politicheskaia strategiiia [Constitutional projects of Russian liberalism and its political strategy] // Voprosy istorii. 1996. № 9. P. 3–23. (In Russ.).

29. Mukhina E. N. «Chelovek tolpy» (Portret gubernskogo zhandarmskogo shtab-ofitsera epokhi Nikolaia I) [“Man of the crowd” (Portrait of the provincial gendarmerie headquarters officer of the era of Nicholas I)] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 8: Istoriiia. 2000. № 4. P. 44–61. (In Russ.).

30. Narskii I. V. Sotsial'nyi natsionalizm? Iazyk simvolov i ritualov v otdelakh Soiuzа russkogo naroda na Urale v 1905–1914 gg. [Social nationalism? The language of symbols and rituals in the departments of the Union of the Russian People in the Urals in 1905–1914] // Puti Rossii: Novyi staryi poriadok — vechnoe vozvrashchenie?: [XXI mezhdunarodnyi simpozium, 21–22 marta 2014 g.: sbornik statei] / [obshch. red.: M. G. Pugacheva, A. F. Filippov]. Moscow: NLO, 2016. P. 222–230. (In Russ.).

31. Narskii V. V. Frontovoi opyt russkikh soldat 1914–1916 gg. [Front experience of Russian soldiers 1914–1916] // Novaia i noveishaia istoriia. 2005. № 1. P. 194–204. (In Russ.).

32. Omel'ianchuk I. V. Monarkhisty v 1905–1917 gg.: ot triumfa k katastrofe [Monarchists in 1905–1917: from triumph to disaster] // Voprosy istorii. 2017. № 7. P. 3–21. (In Russ.).

33. Omel'ianchuk I. V. Parlamentarizm v ideologii rossiiskikh konservatorov nachala XX v. [Parliamentarism in the ideology of Russian conservatives at the beginning of the 20th century] // Voprosy istorii. 2015. № 2. P. 13–35. (In Russ.).

34. Omel'ianchuk I. V. Pravye partii i P. A. Stolypin [Right parties and P. A. Stolypin] // Rossiiskaia istoriia. 2012. № 2. P. 62–76. (In Russ.).

35. Omel'ianchuk I. V. Rabochii vopros v ideologii rossiiskikh konservatorov nachala XX v. [The labor issue in the ideology of Russian conservatives at the beginning of the XXth century] // Voprosy istorii. 2010. № 3. P. 22–37. (In Russ.).

36. Posadskii A. V. Vseobshchaia mobilizatsiia russkoi armii v 1914 godu i krest'ianstvo: po materialam Saratovskoi gubernii [General mobilization of the Russian army in 1914 and the peasantry] // Rossiia v XX veke: Reformy i revoliutsii: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (aprel' 2001 g.) / obshch. red. G. N. Sevost'ianov: v 2 t. T. 1. Moscow: Nauka, 2002. P. 529–542. (In Russ.).

37. Pushkareva I. M. Sel'skaia dvorianskaia usad'ba v poreformennoi Rossii (k postanovke problemy) [Rural noble estate in post-reform Russia (to the formulation of the problem)] // Otechestvennaia istoriia. 1999. № 4. P. 14–31. (In Russ.).
38. Repina L. P. Istoricheskaja pamiat' i sovremennaja istoriografiia [Historical memory and modern historiography] // Novaia i noveishaia istoriia. 2004. № 5. P. 39–51. (In Russ.).
39. Samokhin K. V. Pervaia mirovaia voina v vospriiatii tambovskikh krest'ian [World War I in the perception of Tambov peasants] // Tambovskoe krest'ianstvo v gody Pervoi mirovoi voiny (1914 – fevral' 1917 gg.). St. Petersburg, 2004. P. 85–95. (In Russ.).
40. Seniavskii A. S., Seniavskaia E. S. Istoricheskaja pamiat' o voynakh XX v. kak oblast' ideino-politicheskogo i psikhologicheskogo protivostoianiia [Historical memory of the wars of the XX century as an area of ideological-political and psychological confrontation] // Otechestvennaia istoriia. 2007. № 2. P. 139–151. (In Russ.).
41. Stepanov S. A. Chernosotentsy v period Fevral'skoi revoliutsii 1917 g. [Elektronnyi resurs] [Black Hundreds during the February Revolution of 1917] // Gosudarstvennoe upravlenie Rossiiskoi Federatsii: vyzovy i perspektivy: materialy 15-i Mezhdunarodnoi konferentsii «Gosudarstvennoe upravlenie v XXI veke» (Moskva, 25 maia 2017 g.). Moscow: KDU; Universitetskaia kniga, 2018. P. 797–803. URL: <https://bookonline.ru/node/1760/> (data obrashcheniia: 03.12.2022). (In Russ.).
42. Sushko A. V. Dukhovnye seminarii v Rossii (do 1917 g.) [Theological seminaries in Russia (before 1917)] // Voprosy istorii. 1996. № 11–12. P. 107–114. (In Russ.).
43. Toshchenko Zh. T. Istoricheskoe soznanie i istoricheskaja pamiat': analiz sovremen-nogo sostoianiia [Historical consciousness and historical memory: analysis of the current state] // Novaia i noveishaia istoriia. 2000. № 4. P. 3–14. (In Russ.).
44. Tumanova A. S. Konservator vo vlasti: Gubernator N. P. Muratov [Conservative in power: Governor N. P. Muratov] // Otechestvennaia istoriia. 2003. № 3. P. 103–113. (In Russ.).
45. Tumanova A. S. Obshchestvennye organizatsii i russkaia publika v nachale XX veka [Public organizations and the Russian public at the beginning of the 20th century]. Moscow: Novyi khronograf, 2008. 328 p. (In Russ.).
46. Tumanova A. S. Obshchestvennye organizatsii Rossii: pravovoe polozenie, 1860–1930-e gg. [Public organizations in Russia: legal status, 1860–1930s]. Moscow: Prospekt, 2019. 480 p. (In Russ.).
47. Chegodaeva M. Massovaia kul'tura i sotsialisticheskii realizm [Mass culture and socialist realism] // Voprosy iskusstvoznanii. 1997. № 1. P. 115–125. (In Russ.).
48. Shelokhaev V. V. Russkii liberalizm kak istoriograficheskaja i istoriosofskaja problema [Russian liberalism as a historiographical and historiosophical problem] // Voprosy istorii. 1998. № 4. P. 26–41. (In Russ.).
49. Shelokhaev V. V. Stolypinskii tip modernizatsii Rossii [Stolypin type of modernization of Russia] // Rossiiskaia istoriia. 2012. № 2. P. 18–36. (In Russ.).

УДК 93/94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.48.4.09

Федоров Дмитрий Андреевич

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

dnib.1995@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2291-4642

**ПУБЛИЦИСТИКА ГАЗЕТЫ «КИЕВЛЯНИН»
О ПРОБЛЕМАХ НАЧАЛЬНОГО ШКОЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРАЕ
(60–70-е гг. XIX в.)**

Аннотация. В статье рассматривается процесс становления начального школьного образования в Юго-Западном крае (Киевская, Волынская и Подольская губернии) в период реформ 60–70-х гг. XIX в. Основными источниками для статьи послужили материалы Российского государственного исторического архива (РГИА), Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), Отдела рукописей Института русской литературы и искусства (ОР ИРЛИ), а также статьи различных периодических изданий. Учитывая актуальность и практическую значимость данного вопроса, а также недостаточное внимание исследователей к местным периодическим изданиям, автор обращается к публицистике газеты «Киевлянин» — ведущего вестника Юго-Западного края эпохи реформ.

К началу 60-х гг. XIX в. ключевая роль в деле начального школьного образования в трех юго-западных губерниях принадлежала православному духовенству и церковно-приходским школам. Педагогическая несостоятельность церковных школ вынудила правительство обратиться к Министерству народного просвещения с просьбой приступить к учреждению народных школ. В то же время предпринимались попытки подчинить церковно-приходские школы Министерству просвещения.

Однако наступившая политическая реакция положила конец подобным тенденциям. Это не только привело к дальнейшему осложнению взаимоотношений Министерства просвещения с духовным ведомством, но и к фактическому застою школьного образования. Отмечается, что о кризисных тенденциях в деле развития школы неоднократно сообщалось публицистами «Киевлянина». Рассмотрены взгляды редакции киевской газеты на народное образование, отношение к церковно-приходским школам, а также основные направления политики развития начального школьного образования в Юго-Западном крае.

Ключевые слова: народные школы, церковно-приходские школы, Юго-Западный край, «Киевлянин», «Московские ведомости», В. Я. Шульгин, М. А. Тулов, М. Н. Катков, А. П. Безак, Министерство народного просвещения, публицистика.

Благодарности: Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 19-18-00073 «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.».

UDC 93/94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.48.4.09

Fedorov Dmitry A.

Postgraduate

Saint Petersburg State University

Saint Petersburg, Russia

dnib.1995@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2291-4642

**PUBLICISM OF THE NEWSPAPER «KIEVLYANIN»
ABOUT THE PROBLEMS OF PRIMARY SCHOOL
EDUCATION IN THE SOUTH-WESTERN KRAI
(60–70s OF THE XIX CENTURY)**

Abstract. This article discusses the formation of primary school education in the South-Western Territory (Kyiv, Volyn, Podolsk provinces) during the reforms of 60–70s in the XIXth century. The materials for the article are data from the Russian State Historical Archive, the Manuscripts Department of the Russian National Library, the Manuscripts Department of the Institute of Russian Literature and Art, as well as articles from various periodicals. Given the relevance and practical significance of this issue, as well as the lack researchers' attention to local periodicals, the author quite reasonably refers to the journalism of the newspaper *Kievlyanin* — the leading “news letter” of the South-Western Territory of the reform era.

By the beginning of the 60s of the XIXth century a key role in primary school education in the three southwestern provinces belonged to the Orthodox clergy and parochial schools. The pedagogical failure of parochial schools forced the government to turn to the Ministry of Public Education with a request to start establishing public schools. At the same time, attempts were made to subordinate parochial schools to the Ministry of Education. However, the political reaction followed put an end to such trends. This not only complicated relations between the Ministry of Education and the spiritual department, but also resulted in stagnation of school education. It is noted that the publicists of *Kievlyanin* have repeatedly reported about the crisis tendencies in the public school development. This research is devoted to studying the variety of views of the Kyiv newspaper editors on public education, attitude towards parochial schools. The main directions of the policy for the development of primary school education in the South-Western Territory were also discussed.

Keywords: church parish school, folk school, *Kievlyanin*, *Moskovskie vedomosti*, South-West Krai, V. Ya. Shul'gin, M. A. Tulov, M. N. Katkov, A. P. Bezak, Public education ministry, journalism.

Acknowledgments: This research was supported by the grant of the Russian Science Foundation № 19-18-00073 “National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of The Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Social Thought of the XIXth – XXth Centuries”.

Общественный подъем в первые годы правления Александра II пробудил огромный интерес к проблемам школы и просвещения. «Вся Россия говорила тогда об образовании. <...> Любимыми темами для обсуждения в прессе, в кружках просвещенных людей и даже в великосветских

гостиных стали — невежество народа, препятствия, которые ставились до сих пор желающим учиться, отсутствие школ в деревнях, устарелые методы преподавания и как помочь всему этому»¹. Как никогда такая поддержка была необходима в юго-западных губерниях страны (Киевской, Волынской и Подольской), где малочисленная русская общественность вела непримиримую борьбу не только с культурно-образовательным господством поляков, но и с нарождающимся украинофильством.

Уже в то время сильно чувствовался запрос на «общественные силы»². А непосредственным инструментом формирования этих сил стала периодическая печать³. Во многом поэтому по инициативе киевского генерал-губернатора Н. Н. Анненкова летом 1864 г. в Киеве начала свое издание газета «Киевлянин». Право возглавить редакцию было предоставлено профессору Киевского университета Виталию Яковлевичу Шульгину. Ставя перед Шульгиным задачу поддержки местной администрации, Анненков просил начальство Киевского учебного округа сообщать редактору «Киевлянина» все необходимые сведения⁴.

Но и сам Шульгин знал и неоднократно подчеркивал опасное положение народного образования в крае, уделяя пристальное внимание местной школе. Ведь даже после подавления Польского восстания 1830 г. «проигравшая народность» продолжала с трудом сдерживать крайнюю враждебность «к русскому правительству и русскому народу». И именно отсутствие в крае достаточного количества русских школ облегчало деятельность польских сепаратистов и католических ксендзов⁵. Положение усугублялось повсеместным распространением польского языка, что укрепляло убеждение о Юго-Западном крае как «чисто польском»⁶. Настойчивее становились и требования украинствующих, пытавшихся усилить свое влияние на администрацию учебного округа⁷.

Несмотря на то что в 1803–1804 гг. в империи была проведена учебная реформа, главной целью которой было создание единой системы образования, ее действие получило лишь частичное осуществление на западных окраинах. Причиной этому стало «прекрасное начало» либерального правления Александра I, чем и решили воспользоваться «польские патриоты»⁸. Организатором школьной реформы в крае (1803–1813 гг.) выступил граф Фаддей Чацкий, чьи устремления были направлены к ополчению местного русского

¹ Крпоткин П. Записки революционера. Лондон; СПб., 1906. С. 69–70.

² Градовский Г. К. Виталий Яковлевич Шульгин (Биографический очерк) // Древняя и новая Россия. 1879. № 9. С. 424.

³ Чернуха В. Г. Правительственная политика в отношении печати, 60–70-е годы XIX века. Л., 1989. С. 7.

⁴ Киевлянин. 1869. 19 апреля. № 46.

⁵ Шульгин В. Я. Юго-Западный край в последнее двадцатипятилетие (1838–1863). Киев, 1864. С. 11, 14.

⁶ Авсеенко В. Школьные годы (Отрывки из воспоминаний. 1852–1863) // Исторический вестник. 1881. Т. IV. С. 729.

⁷ А. Е. К. Воспоминания старого педагога // Русская старина. 1913. № 3. С. 566.

⁸ Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения (1802–1902). СПб., 1902. С. 80.

населения⁹. Предпринимаемые усилия позволили открыть 126 приходских школ¹⁰, педагогическое руководство в которых осуществлялось польским дворянством и католическим духовенством¹¹. Вредные последствия деятельности Чацкого проявились уже во время Польского восстания 1830 г., в котором приняли участие и воспитанники учебных заведений.

Подобный итог предопределил необходимость перемены школьной политики в западных областях. Начало реформ было тесно связано с именем министра народного просвещения С. С. Уварова. Особое внимание Уваров уделял школе как источнику «истинного просвещения»¹². Вплоть до середины 30-х гг. XIX в. русских школ в крае практически не существовало. Лишь в 1836 г. была учреждена первая церковно-приходская школа в с. Подвысоком Уманского уезда Киевской губернии; в 1841 г. — еще шесть в Звенигородском уезде той же губернии. С 1842 г. помимо церковно-приходских школ Палата государственных имуществ также основала одну школу в Киевском уезде, в следующем году еще две школы в Чигиринском уезде. Всего с 1844 по 1859 г. в Киевской губернии совместными усилиями духовенства и Палаты государственных имуществ, а также частными лицами было открыто более 30 школ¹³.

Принятый курс развития школьной системы впоследствии всячески поддерживался киевскими генерал-губернаторами, ходатайствовавшими о важности учреждения правительством новых школ¹⁴. По распоряжению киевского генерал-губернатора И. И. Васильчикова епархиальное начальство принялось массово открывать церковно-приходские школы. К 1861 г. в Киевской епархии сельское духовенство основало 1029 школ, в которых обучалось 16 190 детей мужского пола и 3350 женского¹⁵.

Однако церковные школы показали полную педагогическую несостоятельность как учебные заведения. Не последнюю роль в этом сыграло отсутствие у священников денежных средств и помещений¹⁶. Таким образом, после отмены крепостного права вопрос передачи школы в ведение Министерства просвещения стал назревшей необходимостью¹⁷.

⁹ История императорского университета Св. Владимира / сост. ордин. проф. М. Ф. Владимирский-Буданов. Т. 1. Университет Св. Владимира в царствование императора Николая Павловича. Киев, 1884. С. 31.

¹⁰ Петров Н. И. Волянь: Исторические судьбы Юго-Западного края. СПб., 1888. С. 258; Мукалов Н. Д. Народная школа в Юго-Западном крае: (Ист.-стат. очерк). Киев, 1892. С. 25.

¹¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1863. 19 декабря. № 282.

¹² Князьков С. А., Сербов Н. И. Очерк истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II. М., 1910. С. 195, 200.

¹³ Санкт-Петербургские ведомости. 1863. 19 декабря. № 282.

¹⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 170. Д. 82. Л. 388.

¹⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 1863. 19 декабря. № 282.

¹⁶ Народные школы в Киевской губернии. Киев, 1883. С. 8, 18.

¹⁷ Назарьевский И. Исторический очерк законодательства по начальному образованию в России // Журнал Министерства народного просвещения. 1905. Ч. CCCLVII. С. 167.

Именным указом от 18 января 1862 г. Александр II повелел приступить к открытию школ в западных губерниях¹⁸. И тем не менее помимо Министерства просвещения к намечаемой деятельности призывалось и ведомство духовных дел. По нашему мнению, подобные обстоятельства предопределили строгое разграничение полномочий: все «министерские», или народные, школы поступали в распоряжение Министерства просвещения, а церковно-приходские — духовного ведомства¹⁹.

Уже в начале 1862 г. Министерство просвещения приступило к учреждению своих школ в пределах Киевского учебного округа. По предложению Васильчикова столь ответственное дело было поручено инспектору М. А. Тулову. В составленной инструкции ему предписывалось основывать народные школы только там, где не имелось церковно-приходских. Но Тулов посчитал невозможным исполнить данное распоряжение и принялся открывать школы во всех приходах, чем вызвал сильное недовольство духовенства²⁰. После нескольких поездок в Киевскую губернию Тулову удалось открыть 20 школ²¹. Значительным событием также стало утверждение в Киеве в конце апреля 1862 г. Педагогической школы для подготовки учителей²².

В таком положении вопрос народного образования в трех юго-западных губерниях предстал на заседаниях Западного комитета (31 декабря 1862 г., 5 и 11 января 1863 г.)²³. Резко осложнившаяся обстановка ввиду начала очередного восстания подтолкнула членов Комитета использовать школу для противодействия «польскому элементу». Было также выдвинуто предположение о важности составления проекта временных правил для народных школ Западного края. При этом в Комитете должны были особо учитывать «ревностные труды» духовенства, для поддержки которого правительство выделяло денежное пособие²⁴.

Сбором же всех необходимых сведений о действительной потребности народного образования в финансовой поддержке должны были заняться местные генерал-губернаторы²⁵. В связи с этим в Западном комитете полагали испросить у императора прошение о немедленном ассигновании средств в распоряжение киевского генерал-губернатора Н. Н. Анненкова с этой целью²⁶.

¹⁸ Константинович М. Некоторые данные о народном образовании в Юго-Западном крае. Киев, 1874. С. 1.

¹⁹ ПСЗ. Т. XXXVII. Отд. I. № 37873. СПб., 1865. С. 38–39.

²⁰ Сам М. А. Тулов впоследствии отмечал, что не мог исполнить поручения учебного начальства из-за того, что, например, в Радомыльском уезде не оказалось ни одного прихода, где не было бы церковно-приходской школы. См.: Благовидов Ф. Деятельность русского духовенства в отношении к народному образованию в царствование императора Александра II. Казань, 1891. С. 40.

²¹ Голос. 1864. 9 января. № 9.

²² Санкт-Петербургские ведомости. 1865. 1 декабря. № 317.

²³ РГИА. Ф. 733. Оп. 170. Д. 82. Л. 388.

²⁴ Там же. Л. 388 об.

²⁵ Там же. Л. 389.

²⁶ Там же.

17 января 1863 г. Александр II утвердил поданное ходатайство²⁷. Что же касается проекта временных правил, то здесь также поручалось начать «без всякого промедления»²⁸.

Во исполнение высочайшей воли Комитет министров приступил к составлению проекта, но только для северо-западных губерний, охваченных восстанием и требующих незамедлительных мер по водворению порядка. Для юго-западных губерний правила предполагалось составить отдельно²⁹.

Как только в Киеве стало известно о начале подготовки правил для народных школ, Анненков учредил Особый комитет из представителей духовенства, начальников губерний и чиновников Министерства просвещения. Главной целью Комитета стало предварительное обсуждение планов по развитию в крае народной школы (с учетом, по всей видимости, указа 18 января 1862 г.). В Комитете подчеркивали важность открытия в каждом приходе церковно-приходской школы³⁰. Министерству просвещения также полагалось основывать свои школы³¹, но с условием «взаимного согласия» с духовенством³².

Попытки предоставить управление школами и Министерству просвещения, и духовенству осложнили и так непростые отношения между ними. «Борьба кипела: разъезжали чиновники, допрашивавшие крестьян, желают ли они иметь школу *министерскую*, или *церковно-приходскую*»³³. К наметившемуся противостоянию добавилась личная неприязнь киевского митрополита Арсения к народным школам Тулова, а также к Педагогической школе³⁴. По настоянию митрополита попечитель учебного округа А. П. Ширинский-Шихматов, в декабре 1864 г. был вынужден отстранить Тулова, закрыть Педагогическую школу и начал примирение с духовенством³⁵. Но непреклонная позиция митрополита положила конец инициативе попечителя. Вскоре было принято решение отложить открытие новых школ до составления проекта развития школьного дела в Юго-Западном крае³⁶.

О важности передачи прав заведования школой одному ведомству не раз сообщалось в «Киевлянине». Ключевые места в редакции новой газеты получили представители либеральной партии Киевского университета (Н. Х. Бунге, В. Г. Авсеенко и др.). Их признанным лидером был главный редактор В. Я. Шульгин³⁷. В связи с этим в газете сразу принялись отстаивать

²⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 170. Д. 82. Л. 389.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Л. 390.

³⁰ Там же. Л. 7 об.

³¹ Там же. Л. 8.

³² Там же. Л. 23 об.

³³ К. Ц. Движение народного образования в Юго-Западном крае // Киевская старина. 1884. Т. IX. № 8. С. 728.

³⁴ А. Е. К. Указ. соч. С. 564.

³⁵ Там же.

³⁶ А. Е. К. Указ. соч. С. 567.

³⁷ Отдел рукописей Института русской литературы и искусства (ОР ИРЛИ). Ф. 134. Оп. 4. Д. 484. С. 29 об.

прогрессивно-либеральные взгляды на народное образование. Сам Шульгин, человек гуманных взглядов, не был чужд «освободительных идей» 60-х гг. XIX в. Как и все шестидесятники, он придавал особое значение школьному образованию³⁸. Выдающийся преподаватель и лектор, Шульгин по многочисленным отзывам своих учеников всегда пробуждал в них жажду знаний, высоко ставил осмысленность и неподдельный интерес учения³⁹.

Однако, чем сильнее Шульгин подчеркивал прогрессивное значение школы, тем резче становились его выступления против всех ее гонителей. Явной угрозой он считал стремление «нравственно-просветленного класса людей» (как завуалированно публицист называл духовенство) навязать школе «всемогущество Божие», «страх Господень»⁴⁰. Во многом поэтому в «Киевлянине» отдавали явное предпочтение «министерской» школе, а не церковно-приходской⁴¹.

В начале 1865 г. киевским генерал-губернатором был назначен А. П. Безак. Между редакцией «Киевлянина» и генерал-губернатором сразу установились партнерские отношения⁴². При назначении Безака Александр II поручил новому генерал-губернатору возратить Юго-Западный край в исконно «русский характер»⁴³. А достигнуть заданной цели Безак хотел, в частности, «развитием народного образования на началах русской народности»⁴⁴.

После приезда в Киев Безак убеждается, что вопрос о народной школе до сих пор остается нерешенным. Сам же генерал-губернатор настаивал, чтобы все существующие церковно-приходские школы были объединены с «министерскими»⁴⁵. Рассуждения генерал-губернатора получили воплощение в проекте преобразования народных школ Юго-Западного края⁴⁶. Его подготовка началась в конце декабря 1865 г. в канцелярии попечителя Киевского учебного округа, на который Безак возлагал особые надежды⁴⁷. Центральным положением проекта являлось «единство направления» посредством объединения деятельности ведомств народного просвещения, духовных дел и государственных имуществ⁴⁸. Министр народного просвещения А. В. Головнин 5 марта 1866 г. сообщил Безаку, что поданный генерал-губернатором проект был направлен на рассмотрение в Государственный совет и Комитет министров⁴⁹.

4 апреля 1866 г. Дмитрий Каракозов совершает неудачное покушение на Александра II. По общему мнению, выстрел Каракозова положил начало

³⁸ Киевский телеграф. 1860. 13 января. № 4.

³⁹ Воропанова М. Институтские воспоминания // Русская школа. 1902. № 10–11. С. 55.

⁴⁰ Киевский телеграф. 1860. 13 января. № 4.

⁴¹ Градовский Г. К. Итоги (1862–1907). Киев, 1908. С. 348.

⁴² Киевлянин. 1879. 3 июля. № 78.

⁴³ РГИА. Ф. 733. Оп. 170. Д. 82. Л. 278 об.

⁴⁴ Там же. Л. 279.

⁴⁵ Там же. Ф. 574. Оп. 1. Д. 929. Л. 10.

⁴⁶ А. Е. К. Указ. соч. С. 568.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 170. Д. 82. Л. 274, 299.

⁴⁹ Там же. Л. 311.

политике свертывания реформ, в том числе и в образовании. Убедительным подтверждением этому стало увольнение 14 апреля 1866 г. Головнина. Символом реакции стал новый министр народного просвещения Д. А. Толстой — активный сторонник редактора «Московских ведомостей» М. Н. Каткова⁵⁰. Подобные условия позволили Каткову с новой силой обрушиться на «жалкое состояние нашего образования»⁵¹.

Жесткая позиция Каткова, настаивавшего на ошибочности предыдущих реформ Министерства просвещения, ярко проявилась еще в 1864 г. в его оценке деятельности ведомства в Юго-Западном крае. Заметим, что Катков особо выделял духовенство как наиболее призванное к делу народного образования⁵². А существующий антагонизм между духовенством и другими ведомствами Катков считал порождением чуждых влияний⁵³. Частным проявлением последних редактор «Московских ведомостей» считал «самонадеянную развязность», с которой чиновники во главе с М. А. Туловым отнеслись к духовенству⁵⁴. «Право смотреть свысока» на духовенство Катков ставил в упрек Тулову и всему киевскому учебному начальству⁵⁵.

Обвинения Каткова умело парировал сам инспектор Тулов, получивший приглашение Шульгина войти в редакцию «Киевлянина»⁵⁶. Тулов был убежден в ошибочности выводов Каткова, которые московский публицист делал исключительно на основании количества открытых школ, а не качества преподавания. В отличие от северо-западных губерний, писал Тулов, где белорусский крестьянин слабо знал русский язык, малорусские крестьяне знали русскую грамоту⁵⁷. Поэтому руководство Виленского учебного округа для элементарного ознакомления местных крестьян с русским языком могло объединить свои усилия с духовным ведомством. Не так складывалось положение в Киевском учебном округе, где Министерство просвещения принялось открывать школы, но не столько для грамотности, сколько для разностороннего образования⁵⁸. Тулов доказывал, что такой тип школы позволил привлечь не только детей русских крестьян, но и многочисленных крестьян-католиков и мелкую польскую шляхту⁵⁹. Замечание Каткова о соперничестве с духовным ведомством Тулов отрицал⁶⁰. Впрочем, Катков, увлеченный в тот момент своим проектом гимназической реформы, решил оставить выпады Тулова в «Киевлянине» без ответа.

⁵⁰ Корнилов А. А. Курс истории России. Ч. III. М., 1918. С. 74–75.

⁵¹ Московские ведомости. 1866. 19 апреля. № 82.

⁵² Там же. 1864. 25 августа. № 187.

⁵³ Там же. 1864. 29 января. № 23.

⁵⁴ Там же. 1864. 11 апреля. № 82.

⁵⁵ Там же. 1864. 14 мая. № 106.

⁵⁶ Котов А. Э. «Царский путь» Михаила Каткова: Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов. СПб., 2016. С. 365.

⁵⁷ Киевлянин. 1864. 23 июля. № 10.

⁵⁸ Там же. С. 40.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. 1864. 25 июля. № 11.

По случаю назначения Толстого министром генерал-губернатор Безак решается направить ему составленный проект преобразования народных школ с отзывом о нем Головнина⁶¹. Однако Толстой принялся ревностно отменять все мероприятия своего предшественника⁶². Он и ранее неоднократно высказывался о том, что слияние церковно-приходских школ с «министерскими» кажется излишним⁶³. Таким образом, дальнейшее учреждение духовенством церковных школ должно быть независимо от Министерства просвещения⁶⁴.

Вскоре мнение Толстого возобладало и стало определяющим. Это не только перечеркнуло попытку Безака утвердить проект «единого направления», но и поставило вопрос начального образования в Юго-Западном крае в неопределенное положение⁶⁵. Свою обеспокоенность сложившейся ситуацией генерал-губернатор принялся излагать в донесениях Александру II. А причиной тревоги прямо называлась нерешенность проблемы устройства народной школы⁶⁶.

Подобный итог также вызвал негодование ближайшего сторонника политики генерал-губернатора — редакции «Киевлянина». В начале марта 1867 г. в газете едва ли не с большим сожалением сообщали, что дело о народных школах «стоит, как заколдованное, на одном месте»⁶⁷.

Лишь 26 мая 1869 г. было утверждено «Положение о народных училищах и женских гимназиях Юго-Западного края». Согласно этому документу ближайший контроль за всеми школами поручался Совету инспекции из шести инспекторов под председательством попечителя округа или его помощника⁶⁸. Вместе с тем следует отметить принципиальные нововведения нового положения. Дело в том, что до этого времени в соответствии с указом от 18 января 1862 г. деятельность Министерства просвещения в крае была независима от других ведомств, в том числе и духовного. Теперь заведенный порядок совершенно изменялся. Ключевым в этом плане стал пункт 6, согласно которому открытие народных школ там, где уже имелись церковно-приходские, допускалось только по соглашению с епархиальным начальством⁶⁹.

Стремление высочайшей власти положить конец почти десятилетнему спору двух враждующих ведомств не дало желаемых результатов. Первая же попытка инспекции договориться по поводу ревизии церковных школ натолкнулась на отказ духовенства⁷⁰. Положение народной школы в Юго-Западном

⁶¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 170. Д. 82. Л. 351.

⁶² Смирнов В. З. Реформа начальной и средней школы в 60-х гг. XIX в. М., 1954. С. 151–152.

⁶³ РГИА. Ф. 733. Оп. 170. Д. 82. Л. 367 об.

⁶⁴ Там же. Л. 367 об.

⁶⁵ А. Е. К. Указ. соч. С. 568.

⁶⁶ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3288. Л. 33 об. – 34.

⁶⁷ Киевлянин. 1867. 4 марта. № 28.

⁶⁸ Положение о народных училищах и женских гимназиях Юго-Западного края. Киев, 1869. С. 7.

⁶⁹ Там же. С. 8.

⁷⁰ Вечерняя газета. 1871. 18 июля. № 192.

крае окончательно пришло к застою⁷¹. О фактической остановке уже в начале 1869 г. писали и в «Киевлянине»⁷².

Многолетнее противостояние не могло не оставить пагубных последствий: по имеющимся статистическим данным военного ведомства к концу 60-х гг. XIX в. количество грамотных рекрутов в трех юго-западных губерниях было значительно ниже, чем в соседних северо-западных, а также в губерниях центральной России⁷³.

Одним из первых о негативных тенденциях в развитии народной школы заявил попечитель Киевского учебного округа П. А. Антонович. В составленном представлении Толстому от 17 января 1872 г. о результатах осмотра инспекторами церковно-приходских школ он докладывал неутешительные данные об их действительном положении⁷⁴. Церковные школы были лишены книг и пособий, часто не имели даже собственного помещения⁷⁵. Справедливость замечаний Антоновича подтверждал и киевский генерал-губернатор А. М. Дондуков-Корсаков, сообщая, что большинство церковно-приходских школ существует только на бумаге⁷⁶.

Неудачи педагогической работы духовенства в церковно-приходских школах уже в начале 60-х гг. XIX в. вызвали среди светских газет многочисленные замечания. Не встречая ни общественного сочувствия, ни материальной поддержки духовенство принялось закрывать свои школы. Прямым следствием этого стало постепенное сокращение количества церковно-приходских школ⁷⁷.

Выпады столичной светской печати против участия духовенства в начальном образовании были близки и «Киевлянину», чья позиция по этому вопросу определялась главным редактором. Однако Шульгин все же признавал, что его газета критикует лишь те школы, которые хотя бы существуют «в действительности, а не на бумаге только и в проектах»⁷⁸. Удачным примером таких школ в глазах Шульгина являлись городские школы Киева⁷⁹. Благоприятное впечатление после личного осмотра киевских школ вынес Д. И. Пихно — один из ближайших сотрудников Шульгина. Он подчеркивал энтузиазм и приветливость учеников, а также образцовый порядок преподавания⁸⁰. При этом Пихно уверял, что не заметил тех «анормальных явлений», какие были в «дьячковских школах»⁸¹.

⁷¹ К. Ц. Указ. соч. С. 729.

⁷² Киевлянин. 1869. 19 апреля. № 46.

⁷³ Военно-статистический сборник. Россия. Вып. IV. (под общей редакцией генерал-майора Н. Н. Обручева). СПб., 1871. С. 35-36.

⁷⁴ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 600. Д. 1241. Л. 3 и об.

⁷⁵ ОР РНБ. Ф. 600. Д. 1241. Л. 4 и об.

⁷⁶ Там же. Д. 587. Л. 1 об.

⁷⁷ Благовидов Ф. Указ. соч. С. 79.

⁷⁸ Киевлянин. 1867. 2 мая. № 52.

⁷⁹ Там же. 1877. 4 января. № 2.

⁸⁰ Там же. 1876. 20 января. № 9.

⁸¹ Там же.

Общерусское дело становления начальной народной школы, столкнувшись в Юго-Западном крае с многочисленными препятствиями, лишь усилило убеждение редакции «Киевлянина» ориентировать общественность на «просветительно-гражданственное» обучение, «положительное» школьное образование. Не переставая верить в нравственную силу школы, в газете твердо подчеркивали ее политическую роль проводника «русской стихии»⁸². Еще энергичнее «Киевлянин» требовал от местной губернской администрации и интеллигентных классов общества пробудить в местных крестьянах сочувствие к школе⁸³. Закономерным итогом всех своих рассуждений редакция киевской газеты считала вывод о настоятельной потребности введения в России всеобщего обязательного начального образования⁸⁴.

Литература

1. Котов А. Э. «Царский путь» Михаила Каткова: Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов. СПб.: Владимир Даль, 2016. 486 с.
2. Смирнов В. З. Реформа начальной и средней школы в 60-х годах XIX в. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1954. 310 с.
3. Чернуха В. Г. Правительственная политика в отношении печати, 60–70-е годы XIX века. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1989. 205 с.

References

1. Kotov A. E. «Tsarskii put'» Mikhaila Katkova: Ideologiya biurokraticheskogo natsionalizma v politicheskoi publitsistike 1860–1890-kh godov [“The Tsar’s Way” by Mikhail Katkov: The ideology of bureaucratic nationalism in political journalism of the 1860 s – 1890 s.]. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2016. 486 p. (In Russ.).
2. Smirnov V. Z. Reforma nachal'noi i srednei shkoly v 60-kh godakh XIX v. [Reform of primary and secondary schools in the 60s of the XIX century]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR, 1954. 310 p. (In Russ.).
3. Chernukha V. G. Pravitel'stvennaia politika v otnoshenii pechati, 60–70-e gody XIX veka [Government policy in relation to the press, 60-70-ies of the XIX century]. Leningrad: Nauka. Leningr. otделение, 1989. 205 p. (In Russ.).

⁸² Киевлянин. 1873. 25 января. № 11.

⁸³ Там же. 1878. 21 октября. № 125.

⁸⁴ Там же. 1874. 21 декабря. № 152; Там же. 1875. 17 июня. № 71.

УДК 9(И) 470

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.48.4.10

Соколов Александр Станиславович

доктор исторических наук, доцент

Рязанский государственный радиотехнический университет им. В. Ф. Уткина

Рязань, Россия

falcon140770@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-7163-9328

ГУБЕРНСКИЕ ПАРТИЙНЫЕ ФОРУМЫ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ РАННЕСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА (НА МАТЕРИАЛАХ РЯЗАНСКОГО РЕГИОНА)

Аннотация. В статье рассматривается деятельность Рязанской организации РКП (б) – ВКП (б) в период раннего советского общества 1917–1929 гг. В центре внимания — деятельность губернских партийных конференций. Рязанская губерния была небольшой частью Советской России. Вопросы, обсуждаемые на губернских партийных съездах, были актуальными не только для политической жизни губернии, но и для всей страны. Партийные форумы показали, что в регионе действует однопартийная система управления. Статья дает представление о масштабах партийного руководства советским аппаратом.

В статье подчеркивается, что политическая партия большевиков смогла занять положение руководителя государства во многом благодаря назначению и перемещению руководящих кадров, опыту пропагандистской работы среди населения.

Ключевые слова: Рязанская губерния, партия большевиков, губернские съезды, политическая система, партийные конференции, Советы, государственный аппарат.

UDC 9(И) 470

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.48.4.10

Sokolov Aleksandr S.

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Ryazan State Radio Engineering University

named after V. F. Utkin

Ryazan, Russia

falcon140770@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-7163-9328

PROVINCE PARTY FORUMS AS A POLITICAL INSTITUTE OF THE EARLY SOVIET SOCIETY (BY THE MATERIALS OF THE RYAZAN REGION)

Abstract. The article examines the activities of the Ryazan organization of the RCP (b) — the CPSU(b) during the early Soviet society of 1917–1929. The focus is on the activities of provincial party conferences. Ryazan province was a small part of Soviet Russia. The issues discussed at provincial party congresses were relevant not only for the political life of the province, but also for the whole country. Party forums have shown that there is a one-party system of governance in the region. The article gives an idea of the scale of the party leadership of the Soviet apparatus.

The article emphasizes that the Bolshevik political party was able to occupy the position of the head of state largely due to the appointment and relocation of senior personnel, the experience of propaganda work among the population.

Keywords: Ryazan province, Bolshevik Party, provincial congresses, political system, party conferences, Soviets, state apparatus.

Введение. В современных условиях механизм организации и функционирования политической власти обозначается термином «политическая система». Она во многом определяет устойчивое развитие общества. В последнее время среди специалистов различных гуманитарных наук возрастает интерес к проблеме государственности. В связи с этим небезынтересным представляется изучение опыта функционирования системы власти в ранний советский период 1917–1929 гг. Это время характеризуется многообразным сочетанием и конфликтом традиций и новаций в сфере государственной власти и управления. Проблема развития советского государства нашла отражение в работах историков Е. Н. Городецкого¹, Г. Н. Голикова², К. В. Гусева³. Эти работы отличаются широкой постановкой проблемы развития советской политической системы. Особую актуальность данные сюжеты приобрели в 1990-е – начало 2000-х гг. В это время увидели свет монографии

¹ Городецкий Е. Н. Рождение Советского государства. М., 1965.

² Голиков Г. Н. Великий Октябрь: Начало новой эры. М., 1977.

³ Гусев К. В. Крах партии левых эсеров. М., 1963.

Е. Г. Гимпельсона⁴, С. А. Павлюченкова⁵, С. В. Леонова⁶ и других, в которых авторы подчеркивали, что процесс становления советской политической системы происходил под воздействием противоречивых факторов. История строительства советской политической системы в Рязанской губернии, получила освещение в работах П. В. Акульшина⁷, В. А. Пылькина⁸, Е. В. Туфанова⁹. Проблема исследования функционирования государственного аппарата в ранний период советской власти не нова в отечественной историографии. Однако в политической истории первого десятилетия новой власти имеется наименее изученный аспект — место и роль губернских партийных съездов и конференций в политической системе регионального уровня. В рамках данной статьи предпринята попытка рассмотреть проблему деятельности губернских партийных форумов в период 1917–1929 гг. на примере Рязанской губернии. Источниковую базу исследования составляют документы фондов Государственного архива Рязанской области, материалы местных периодических изданий, проливающие свет на механизм функционирования губернских партийных съездов и конференций.

Ход и результаты исследования. После октябрьских событий 1917 г. в России начался процесс развития нового партийного и государственного аппарата управления. В период с 1917 по 1929 г. в Рязанской губернии состоялось 21 губернская партийная конференция.

Первый губернский съезд большевиков, проходил в Рязани с 23 по 27 июля 1918 г. Съезд рассмотрел ряд важных вопросов, в том числе о продовольствии. С докладом о текущем моменте выступил член губкома А. С. Сыромятников. Дав анализ важнейшим политическим событиям в стране, он заострил внимание на уроках, какие следует извлечь из мятежа левых эсеров в Москве. Съезд одобрил линию ЦК в борьбе с левыми эсерами, выразил полное доверие политике правительства. На съезде была принята резолюция по продовольственному вопросу, в которой говорилось: «Установление потребительских норм не допустимо без указания центральной власти. Рязанскому региону необходимо было немедленно организовать продовольственные вооруженные отряды»¹⁰. Съезд уделили особое внимание участию большевистских организаций в советской работе. Он потребовал повысить их ответственность

⁴ Гимпельсон Е. Г. НЭП. Новая экономическая политика Ленина – Сталина. Проблемы и уроки. (20-е годы XX века). М., 2004.

⁵ Павлюченков С. А. Орден меченосцев. Партия и власть после революции 1917–1929 гг. М., 2008.

⁶ Леонов С. В. Рождение Советской империи: государство и идеология. 1917–1922 гг. М., 1997.

⁷ История Рязанского края. 1778–2007 / под ред. П. В. Акульшина. Рязань, 2007.

⁸ Пылкин В. А. Крестьянство Центра России в гражданской войне. Общественно-политические настроения, социальные процессы, протест. Рязань, 2005.

⁹ Туфанов Е. В., Гуляк И. И. Государственная система в первые годы Советской власти (на примере Рязанской губернии). Ставрополь, 2011.

¹⁰ Там же. С. 111.

за состояние государственной работы на местах, поручил губернскому комитету неукоснительно проводить в жизнь принципы социалистической демократии, положения советской Конституции. На съезде важное место занимал вопрос об организации работы на местах. Ставилась задача расширения и укрепления сети партийных организаций, повышения уровня политической и организационной работы в массах.

В октябре 1918 г. в Рязани состоялся II губернский партийный съезд. В условиях нарастающей Гражданской войны и иностранной интервенции основное внимание губернская партийная организация уделяла работе по созданию частей Красной Армии¹¹. В связи с начавшимися военными действиями партийная организация Рязанской губернии занималась формированием красногвардейских отрядов. В начале марта 1919 г. состоялся III Рязанский губернский партийный съезд. На нем обсуждались следующие вопросы: доклад губкома партии; о военном положении и военной политике; об организации пролетарских и полупролетарских слоев деревни; о земельной политике. В это время значительно увеличилась численность губернской партийной организации. К февралю 1919 г. в Рязанской губернии действовала 181 партийная ячейка, в которой состояло 6 тыс. коммунистов и 1,8 тыс. сочувствующих¹². Новый губком партии, избранный на съезде, возглавил участник Первой мировой войны, прапорщик В. С. Корнев. Основные направления деятельности губернской партийной организации в этот период были подчинены военной работе. В 1919 г. в губернии прошло 49 мобилизаций военнообязанных.

Итоги работы партийной организации с весны 1919 г. подвела V губернская партийная конференция, открывшаяся 24 ноября. В отчетном докладе председателя губкома В. С. Корнева была освещена большая и разносторонняя работа, проделанная партийной организацией. Выступая на съезде, В. С. Корнев отметил, что Рязанская губерния успела «ощетиниться и дать должный отпор врагу». В декабре 1919 г. В. С. Корнев был направлен на Украину. Губком РКП (б) возглавил И. И. Горшков, руководивший ранее Егорьевским Советом народного хозяйства.

Губернская партийная организация принимала энергичные меры к восстановлению народного хозяйства. VI губернская партийная конференция, состоялась 20–22 марта 1920 г. В повестку дня конференции были включены важные вопросы, касающиеся внутривластного положения региона. Секретарем губернского комитета партии был избран заведующий организационным отделом губкома К. А. Антипов.

VII Рязанская губернская партийная конференция, состоявшаяся 6–8 августа 1920 г., одобрила деятельность губкома, который к тому времени возглавил председатель Рязанского уездного комитета партии Д. Е. Живов. Конференция отметила, что губком «правильно проводя политическую линию партии

¹¹ Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 15.

¹² История Рязанского края. 1778–2007. С. 166.

и улучшая организационную работу, добился заметных успехов»¹³. После окончания Гражданской войны перед Рязанской партийной организацией встали новые политические и хозяйственные задачи. В декабре проходила VIII партийная конференция. В ее резолюции было отмечено, что усиливавшаяся «связь руководящих партийных органов губернии с широкими партийными и трудовыми массами» является основой для работы партийных и советских органов¹⁴.

В ходе Гражданской войны 1918–1920 гг. сформировалась советская военно-коммунистическая политическая система. Во взаимоотношениях РКП (б) и советского государства утвердилась практика подмены государственных органов партийными. Можно согласиться с мнением, что Гражданская война, продразверстка — все эти страницы пронизаны принуждением, насилием и жестокостью¹⁵. Когда вступили в силу принципы НЭП пришлось начать какие-то реформы в политической области, но полноценного перехода к нему не произошло. Реальная власть осталась у партии, непоколебимой остались чрезмерная вера в государственное начало, в превосходство Советов над парламентскими учреждениями, в административно-командные, репрессивные качества политического режима¹⁶. В целом в нэповские годы — годы возврата к относительной нормальности в социальной и экономической политике государства — происходила масштабная рационализация взглядов населения на принципы взаимоотношений власти и общества¹⁷. Но военно-коммунистическая идеология, возникшая и развивавшаяся в условиях стихии революции и гражданской войны, играла немалую роль в формировании психологии «носителей власти» и в годы нэпа.

Процессы, происходившие в стране в условиях перехода к принципам НЭПа, нашли отражение в политике большевиков. В феврале 1921 г. состоялась IX губернская партконференция, рассмотревшая вопросы сельского хозяйства. Были вскрыты причины низкого уровня сельскохозяйственного производства. В связи с этим конференция поставила вопрос о применении новейших данных агрономической науки. Конференция подвела итог дискуссии о профсоюзах. Она указала на необходимость перехода к широкой демократии и укреплению партийных рядов путем очищения от примазавшихся элементов¹⁸.

В июле 1921 г. состоялась X губернская партийная конференция, которая одобрила мероприятия, связанные с переходом к НЭПу. XI губернская партконференция (декабрь 1921 г.) прошла под знаком партийного единства. Конференция проанализировала деятельность партийной организации по проведению новой экономической политики. Одобрив действия губкома в целом и признав

¹³ ГАРО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 89. Л. 10.

¹⁴ Очерки истории Рязанской организации КПСС / под ред. Н. С. Приезжева. М., 1974. С. 172.

¹⁵ Попова А. Д., Попова О. Д. «Без свобод мы спокойны за нашу жизнь»: исторические истоки патернализма в российской ментальности // Новый исторический вестник. 2018. № 2. С. 46.

¹⁶ Гимпельсон Е. Г. Указ. соч. С. 39.

¹⁷ Лившин А. Я. Эффективность реквизиционной и налоговой политики в 1917–1927 гг. в письмах во власть // Вестник Пермского университета. 2020. Вып. 3. С. 148.

¹⁸ Очерки истории Рязанской организации КПСС. С. 178.

их отвечающими директивам ЦК РКП (б) и местным условиям, конференция вместе с тем подвергла губком критике за недостаточную гибкость в организации продовольственной работы. Она признала первоочередной государственной задачей выполнение полностью задач по сбору продналога. На очередной XII губернской партконференции (март 1922 г.) делегаты критиковали губком за недостатки в работе по перестройке партийных рядов в свете новых задач. В октябре 1922 г. состоялась XIII губернская партконференция, которая подвела некоторые итоги кооперативного строительства. Конференция поставила задачу овладеть всеми видами кооперации. Партконференция предложила губкому держать в центре внимания организации вопросы идеологической борьбы. В марте 1923 г. состоялась XIV губернская партконференция, которая обсудила вопрос о налоговой политике и работе в деревне. В докладе губкома и выступлении делегатов отмечался подъем сельскохозяйственного производства и правильность налоговой политики в целом. Партийная конференция учла настроения крестьян и рекомендовала ввести единый сельскохозяйственный налог. Во время работы XIV губернской партконференции Рязань посетил председатель ЦИК СССР М. И. Калинин. Выступая на местном партийном форуме, он заявил, что укрепление народного хозяйства зависит от развития промышленности. «Задача нашей промышленности быть тем конем, на котором мы въедем в коммунизм», — указал «всесоюзный староста». Вместе с тем М. И. Калинин отметил, что в условиях развития рынка не происходит отказ от планового хозяйства¹⁹.

XVII губернская Рязанская партконференция в мае 1924 г. одобрила позицию губкома в период начавшейся внутрипартийной борьбы. Состоявшаяся в январе 1925 г. XVIII губернская партконференция приветствовала ЦК РКП (б) как хранителя стального единства партии и вождя рабочих и крестьян СССР. Выступая на конференции, секретарь губкома И. Л. Райтер отметил, что «рязанская организация сказала, что сейчас несвоевременно заниматься какими-либо внутрипартийными спорами, у нас сейчас непочатый край всякой работы и силы должны быть брошены туда». Присутствовавший на партконференции секретарь ЦИК А. С. Киселев призвал местную номенклатуру направить все силы, чтобы Троцкий не проводил своих идей и не проповедовал своей политики²⁰. В отчетном докладе А. С. Киселев подчеркнул, что «причина признаний нас всеми Западно-Европейскими странами, заключается в том, что слишком велики недра и богатства нашей страны»²¹.

В декабре 1925 г. работала XIX губернская партийная конференция. Рязанскую партийную организацию возглавил А. Л. Гишинский, занимавший до этого должность секретаря губкома Гомельской губернии. Конференция констатировала рост народного хозяйства в губернии, укрепление и усиление в нем социалистических элементов.

¹⁹ Рабочий клич. 1923. 25 марта.

²⁰ ГАРО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1655. Л. 8–9, 20.

²¹ Рабочий клич. 1925. 1 февраля.

В условиях свертывания НЭПа формировалась специфическая советская политическая культура²². В 1927 г., в год 10-й годовщины Октябрьской революции, происходит новый виток борьбы внутри правящей партии. К этому времени в Рязанскую губернскую парторганизацию составляли 8 541 член и кандидат в члены²³. XXI губернская партийная конференция в ноябре 1927 г. подвела итоги борьбы с оппозицией. На конференции рабочий завода «Сельмаш» призвал «клещами выдирать из партии оппозиционеров»²⁴. Конференция отметила, что в борьбе с оппозицией организация показала себя идейно выдержанной и сплоченной²⁵.

В целях приближения партийного, советского и хозяйственного аппарата к массам и более концентрированного использования экономических ресурсов для индустриализации в 1929 г., в условиях «великого перелома», начался переход на новое административное деление. Вместо губерний, уездов и волостей создавались области, округа и районы. Одним из крупных округов в составе Московской области стал Рязанский. В конце 1920-х гг. обстановка «управляемого кризиса» и «неуправляемой напряженности» обеспечила переход от относительно «нормального» развития нэповского периода к социально-психологической мобилизации «большого скачка»²⁶.

Заключение. Губернские партийные конференции отражают развитие региона в период 1917–1929 гг. Вопросы, обсуждаемые на партийных съездах, были актуальными для политической жизни губернии. Материалы губернских партийных конференций имеют существенное значение для понимания механизмов функционирования однопартийной системы в раннесоветском обществе.

Литература

1. Гимпельсон Е. Г. НЭП. Новая экономическая политика Ленина – Сталина. Проблемы и уроки. (20-е годы XX века). М.: Собрание, 2004. 304 с.
2. Голиков Г. Н. Великий Октябрь: Начало новой эры. М.: Молодая гвардия, 1977. 223 с.
3. Городецкий Е. Н. Рождение Советского государства. М.: Наука, 1965. 352 с.
4. Гусев К. В. Крах партии левых эсеров. М.: Наука, 1963. 360 с.
5. История Рязанского края. 1778–2007 / под ред. П. В. Акулышина. Рязань: Рязанская обл. тип., 2007. 448 с.
6. Леонов С. В. Рождение Советской империи: государство и идеология. 1917–1922 гг. М.: Диалог, 1997. 356 с.

²² Орлов И. Б. Письма во власть в системе властных коммуникаций // Российская история. 2022. № 1. С. 221.

²³ Десять лет Советов в Рязанской губернии. Рязань, 1927. С. 29.

²⁴ История Рязанского края. 1778–2007. С. 195.

²⁵ Очерки истории Рязанской организации КПСС. С. 222.

²⁶ Орлов И. Б. Образ нэпмана в массовом сознании 20-х гг. Мифы и реальность // Новый исторический вестник. 2002. № 1. С. 41.

7. Лившин А. Я. Эффективность реквизиционной и налоговой политики в 1917–1927 гг. в письмах во власть // Вестник Пермского университета. 2020. Вып. 3. С. 139–150.
8. Орлов И. Б. Образ нэпмана в массовом сознании 20-х гг. Мифы и реальность // Новый исторический вестник. 2002. № 1. С. 29–41.
9. Орлов И. Б. Письма во власть в системе властных коммуникаций // Российская история. 2022. № 1. С. 217–221.
10. Очерки истории Рязанской организации КПСС / под ред. Н. С. Приезжева. М.: Московский рабочий, 1974. 544 с.
11. Павлюченков С. А. Орден меченосцев. Партия и власть после революции 1917–1929 гг. М.: Собрание, 2008. 463 с.
12. Попова А. Д., Попова О. Д. «Без свобод мы спокойны за нашу жизнь»: исторические истоки патернализма в российской ментальности // Новый исторический вестник. 2018. № 2. С. 36–53.
13. Пылькин В. А. Крестьянство Центра России в гражданской войне. Общественно-политические настроения, социальные процессы, протест. Рязань: Пресса, 2005. 350 с.
14. Туфанов Е. В., Гуляк И. И. Государственная система в первые годы Советской власти (на примере Рязанской губернии). Ставрополь: Мысль, 2011. 166 с.

References

1. Gimpel'son E. G. NEP. Novaia ekonomicheskaiia politika Lenina – Stalina. Problemy i uroki. (20-e gody XX veka) [NEP. Lenin's and Stalin's new economic policy. Problems and lessons. (The 20s of the twentieth century)]. Moscow: Sbranie, 2004. 304 p. (In Russ.).
2. Golikov G. N. Velikii Oktiabr': Nachalo novoi ery [Great October: The Beginning of a new era]. Moscow: Molodaia gvardiia, 1977. 223 p. (In Russ.).
3. Gorodetskii E. N. Rozhdenie Sovetskogo gosudarstva [The birth of the Soviet State]. Moscow: Nauka, 1965. 352 p. (In Russ.).
4. Gusev K. V. Krakh partii levykh eserov [The collapse of the Left SR Party]. Moscow: Nauka, 1963. 360 p. (In Russ.).
5. Istoriia Riazanskogo kraia. 1778–2007 [The history of the Ryazan region. 1778–2007] / pod red. P. V. Akul'shina. Riazan': Riazanskaia obl. tip., 2007. 448 p. (In Russ.).
6. Leonov S. V. Rozhdenie Sovetskoi imperii: gosudarstvo i ideologiia. 1917–1922 gg. [The birth of the Soviet Empire: the state and ideology. 1917–1922]. Moscow: Dialog, 1997. 356 p. (In Russ.).
7. Livshin A. Ia. Effektivnost' rekvizitsionnoi i nalogovoi politiki v 1917–1927 gg. v pis'makh vo vlast' [The effectiveness of requisitioning and tax policy in 1917–1927 in letters to the authorities] // Vestnik Permskogo universiteta. 2020. Vyp. 3. P. 139–150. (In Russ.).
8. Orlov I. B. Obraz nepmana v massovom soznanii 20-kh gg. Mify i real'nost' [The image of nepman in the mass consciousness of the 20s. Myths and reality] // Novyi istoricheskii vestnik. 2002. № 1. P. 29–41. (In Russ.).
9. Orlov I. B. Pis'ma vo vlast' v sisteme vlastnykh kommunikatsii [Letters to the authorities in the system of power communications] // Rossiiskaia istoriia. 2022. № 1. P. 217–221. (In Russ.).

10. Ocherki istorii Riazanskoi organizatsii KPSS [Essays on the history of the Ryazan organization of the CPSU] / pod red. N. S. Priezzheva. Moscow: Moskovskii rabochii, 1974. 544 p. (In Russ.).
11. Pavliuchenkov S. A. Orden mechenostsev. Partiia i vlast' posle revoliutsii 1917–1929 gg. [The Order of the Swordsmen. The party and the government after the revolution of 1917–1929]. Moscow: Sobranie, 2008. 463 p. (In Russ.).
12. Popova A. D., Popova O. D. «Bez svobod my spokojny za nashu zhizn'»: istoricheskie istoki paternalizma v rossiiskoi mental'nosti [“Without freedoms, we are calm for our lives”: the historical origins of paternalism in the Russian mentality] // Novyi istoricheskii vestnik. 2018. № 2. P. 36–53. (In Russ.).
13. Pyl'kin V. A. Krest'ianstvo Tsentra Rossii v grazhdanskoi voine. Obshchestvenno-politicheskie nastroyeniia, sotsial'nye protsessy, protest [The peasantry of the Center of Russia in the Civil War. Socio-political sentiments, social processes, protest]. Riazan': Pressa, 2005. 350 p. (In Russ.).
14. Tufanov E. V., Guliak I. I. Gosudarstvennaia sistema v pervye gody Sovetskoi vlasti (na primere Riazanskoi gubernii) [The state system in the early years of Soviet power (on the example of the Ryazan province)]. Stavropol': Mysl', 2011. 166 p. (In Russ.).

УДК 94:470 (574)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.48.4.11

Музафарова Нелли Ильинична

доктор исторических наук, профессор
Московский городской педагогический университет
Москва, Россия
e-mail: muzafarovan@mail.ru

Мухтасаров Фарит Шамилович

независимый исследователь
Москва, Россия
e-mail: mukhtasarov@gmail.com

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ И ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические вопросы национальных отношений в системе государства, которые являются определяющим фактором укрепления и дальнейшего развития страны. Уделяется внимание оценке национальных проблем учеными, исследователями, политическими деятелями, выявляются наиболее оригинальные и рациональные концепции, а также попытки реализовать их в интересах разных народов. Акцент делается на политике российского государства, в состав которого входят многочисленные этносы, объединенные на протяжении разных веков добровольно или насильственным методом в единую державу. Больше внимание отводится XX и XXI вв., когда произошли резкие перемены в мировом масштабе, связанные с ростом национально-освободительных движений, периодами двух мировых войн. Национальные проблемы чрезвычайно сложны и оказывают существенное влияние на судьбы государств и мировой цивилизации. От осознанного справедливого решения национальных вопросов зависят судьбы существования человечества на планете. В статье ставится задача рассмотрения реализации национальной политики Российского государства, которая обусловила формирование этнической и общероссийской гражданской идентичности. Показаны практика реализации этнических интересов в системе государственных отношений, предпринимаемые действия по интеграции полиэтнических культур в целях обогащения общероссийской культуры и солидаризации всех граждан страны.

Ключевые слова: национальная политика, самоопределение наций, этнос, национально-культурная автономия, межконфессиональные отношения, инородцы, гражданская идентичность, интеграция культур.

UDC 94:470 (574)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.48.4.11

Muzafarova Nelly I.

Doctor of Historical Sciences, Professor

Moscow City University

Moscow, Russia

e-mail: muzafarovan@mail.ru

Mukhtasarov Farit S.

Independent Researcher

Moscow, Russia

e-mail: mukhtasarov@gmail.com

**THE NATIONAL POLICY OF THE STATE
AND ITS INFLUENCE ON THE FORMATION
OF ETHNIC AND ALL-RUSSIAN CIVIC IDENTITY**

Annotation. The article discusses the theoretical and practical issues of national relations in the state system, which are the determining factor in the strengthening and further development of the country. Attention is paid to the consideration of national problems by scientists, researchers, politicians, the most original and rational concepts are identified, as well as attempts to implement them in the interests of different peoples. The emphasis is on the policy of the Russian state, which includes numerous ethnic groups, united over the course of different centuries voluntarily or by force into a single state. More attention is paid to the XXth and XXIst centuries, when there have been dramatic changes on a global scale associated with the growth of national liberation movements, the maturing and testing of two world wars. National problems are complex, affecting the fate of states and world civilization. The fate of the existence of mankind on the planet depends on a conscious fair solution of national issues. The article sets the task of considering the implementation of the national policy of the Russian state, which led to the formation of ethnic and all-Russian civic identity. The practice of realizing ethnic interests in the system of state relations, the actions taken to integrate multi-ethnic cultures in order to enrich the all-Russian culture and solidarize all citizens of the country are shown.

Keywords: national policy, self-determination of nations, ethnos, national-cultural autonomy, interfaith relations, foreigners, civic identity, integration of cultures.

Введение. Национальная политика государства направлена на сплочение народов, входящих в ее состав. Сплоченность и солидарность всех наций и народностей составляют основу государственной стабильности, определяют дальнейшую стратегию действий. Президент В. В. Путин, выступая в Совете по межнациональным отношениям (30.03.21), отметил, что в нашей стране сформировалась этническая и общероссийская гражданская идентичность, доказательством чему является единение российских народов, перенесших многие невзгоды, войны, но отстаивавших независимость и создавших крепость и мощь нашей страны. Актуальность темы заключается

в рассмотрении государственной национальной политики, направленной на дальнейшую стабилизацию межконфессиональных отношений и полиэтнического сотрудничества в целях интеграции и обогащения общероссийской культуры.

Результаты исследования. На рубеже XIX–XX вв. резко обостряются межнациональные отношения, нарастает национально-освободительное движение. В этих условиях многие политические деятели, ученые занялись теоретической разработкой национального вопроса. Многоконфессиональный и полиэтнический состав населения Российской империи требовал совершенствования национальной политики, чтобы укрепить единство народов и тем самым способствовать прогрессивному развитию страны. Народы, входившие в состав России, находились на разном цивилизационном уровне — от первобытнообщинного до индустриального, — отличались верованиями, антропологическими признаками, менталитетом. По переписи населения 1897 г., в стране проживало свыше 128,9 млн человек (исключая Финляндию) представлявших около 140 национальностей. По вероисповеданию большинство — 83,4 % — составляли православные¹. Однако по национальным признакам 53 % были нерусские, которые испытывали гнет великодержавного русского шовинизма и давление господствующей Русской православной церкви. Официальная идеология, принятая в правление Николая I, — «православие, самодержавие, народность» — означала поддержку охранительной политики самодержавия. Критерием принадлежности к титульной нации (она включала в себя русских, украинцев и белорусов) являлось православное вероисповедание. К подавляющему большинству этносов относились как к инородцам, к которым проявлялось пренебрежительное отношение, ущемлялись национальные интересы, проводилась насильственная русификация и христианизация. Русский язык был государственным, делопроизводство велось на нем, другие языки не обладали официальным статусом.

Попытки решения национального вопроса имеют длительную историю. Основатели коммунистической теории К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали процессы общественного и социально-экономических развития с классовых позиций, поэтому считали, что на Западе этот вопрос был решен в ходе буржуазных революций с провозглашением принципа национального самоопределения. Российские социал-демократы старались творчески подойти к марксистскому учению, учитывая особенности развития нашей страны и размах национального движения. В полемике воззрений известность приобрела теория австрийских социалистов О. Бауэра и К. Реннера (Шпрингера) о культурно-национальной автономии, в основу концепции которых были взяты три признака — язык, культура, менталитет. Территория как место проживания людей и экономика — эти важнейшие составляющие государственности — игнорировались. В России подобные мысли поддерживали представители

¹ Россия. Энциклопедический словарь. Л.: Лениздат. 1991. С. 76, 86.

Бунда, остальные были против. Но в результате дискуссии российские социал-демократы высказались за национальное самоопределение (I съезд, 1898), и в партийную программу включили требование права наций на самоопределение (II съезд, 1903). Отметим, данное положение вошло во все Конституции Советской власти, а затем и в Конституцию Российской Федерации (1993 и 2020 гг.).

Из разработок российских социал-демократов приоритетной стала концепция И. В. Сталина, гласящая: *«Нация — есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»*². Сталин подверг критике О. Бауэра и К. Шпрингера за игнорирование важнейших признаков нации — территории и экономики, составляющих основу государственности. Отмечая нарастание волны национализма внутри государств и на международной арене, он призывал к солидарности трудящихся на почве интернационализма и справедливому решению национальных проблем путем предоставления всем нациям права на самоопределение. Начавшаяся мировая война отодвинула рассмотрение этнических проблем, но думающая фракция мусульман предпринимала шаги по решению данных вопросов, в частности, недопущению дискриминации нерусских в армии, нарушению прав нацменьшинств, проявляющемуся в виде тяжелого налогообложения и ущемления в культурной сфере³.

Кардинально изменилась национальная политика в 1917 г. в связи с установлением нового государственно-политического строя. Российская империя была унитарным государством, расположенном на территории Европы и Азии, образованная в результате гибридных процессов насильственного и добровольного присоединения разных народов. Корифеи исторической науки Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский считали присоединение Кавказа, Польши, Украины добровольным и прогрессивным. Историки М. Н. Покровский и эмигрировавший в США А. Г. Авторханов утверждали, что присоединение окраинных народов было насильственным, их национальные интересы ущемлялись, а само государство стало тюрьмой народов.

Объективный подход в оценке образования российского государства сочетает ту и другую правду. Вместе с тем нужно отметить, что каждый этнос тяготеет к своей культуре, традициям, обычаям, стремится к самостоятельному развитию, что приводит в дальнейшем к дроблению единого государства на мелкие формирования. Образование федеративного государства СССР с союзными, автономными республиками и областями свидетельствует о создании своеобразной формы конфедерации в ленинском варианте, как отмечал в своем выступлении президент В. В. Путин (февраль, 2022). Это соответствовало интересам

² Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос // Собр. соч. Т. 2. М., 1951. С. 296.

³ Музафарова Н. И. Фракция мусульман в Государственных Думах императорской России // История парламентаризма в России. М., 2018. С. 44–51.

и чаяниям нерусских народов. Нельзя отрицать, что советская власть многое сделала, чтобы создать условия для развития национальных меньшинств, оказала всестороннюю поддержку для преодоления их отсталости. Однако были допущены и грубые нарушения в стремлении преодолеть национально-религиозные обычаи и традиции, прервать связь с наследием духовно-нравственной культуры предков. В результате позитивные преобразования смазывались под давлением государственного атеизма. Одновременно государство успешно проводило политику консолидации всех народов страны и постепенно превращалось (в сталинском стиле автономизации) в мощную унитарную державу с единой экономикой, армией и структурой управления.

Ориентир советской власти по отношению к нерусским народам был неоднозначен. Правящая партия большевиков провозгласила право наций на самоопределение вплоть до государственного отделения, однако старалась сохранить большое неделимое государство, предоставив выход только Польше и Финляндии. В 1913 г. В. И. Ленин в полемике с С. Г. Шаумяном говорил, что нельзя смешивать право на самоопределение с целесообразностью отделения, поскольку видел преимущества единого государства, его политические и экономические выгоды, прежде всего для самих национальных народов. Советское государство предоставило льготы многим народностям в получении образования, создании культурных очагов, налаживании печати на родном языке, уменьшении налогов, подготовке национальных кадров. В советский период национальные меньшинства встали на путь ускоренного прогрессивного развития, более того, некоторые коренные малочисленные этносы впервые получили письменность и возможность обучаться в школах на родном языке⁴.

Позитив советской политики заключался в учете элементов самобытности этнической культуры, которая развивалась, однако, согласно принципам социалистического реализма и интернационализма. Большую значимость имела подготовка и расстановка кадров в республиках и областях, где первые посты, как правило, занимали представители коренной национальности, а их заместителями могли быть лица любых этносов. Суть такого подхода заключалась в укреплении всех регионов под руководством Коммунистической партии, расставлявшей на ответственные номенклатурные посты своих членов.

Установившийся порядок в стране — господство коммунистической идеологии в литературе и искусстве, воспитание нового поколения людей в духе интернационализма, преданности идеям коммунизма — создавал советский образ жизни, формировал единую гражданскую идентичность. Наиболее ярко общность народов проявилась в годы Великой Отечественной войны, когда люди разных национальностей и вероисповеданий единым фронтом встали на защиту Родины. Попытки гитлеровской Германии произвести раскол в советском обществе, воздействовать на религиозные чувства верующих, акцентируя

⁴ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 4. Оп. 7. Д. 432. Л. 106–107; Д. 512. Л. 86–87.

внимание на их гонениях, закрытии храмов, репрессиях против духовенства, оказались тщетны. Ставка на мусульманское население, которая проводилась методом открытия мечетей, вербовкой мулл, пропагандой на разных языках, созданием своеобразных исламских центров, не привела к ожидаемым результатам⁵. Политика Советского государства, направленная на консолидацию с верующими, духовенством разных вероисповеданий и национальностей, предотвратила замыслы гитлеровцев, более того, укрепила советских людей в едином патриотическом порыве в борьбе с врагом.

Послевоенный период характеризовался напряженной работой советских людей по восстановлению разрушенного хозяйства. Предоставленная свобода вероисповедания в период войны отразилась на соблюдении отдельных национальных обычаев наряду с укреплением принципа интернационализма. Однако государственная политика вернулась к атеистической пропаганде, подрывая национальные традиции и культуру. Программа КПСС, принятая XXII съездом (1961 г.), дала установку на воспитание советских людей в духе морального кодекса строителей коммунизма. Под воздействием коммунистических идей и атеистической пропаганды вновь вытеснялось духовное наследие народностей, подвергались забвению ценности уникальной культуры и родного языка малых народов.

Значительный ущерб нанесли школьные реформы 1950–1960-х гг., направленные на ликвидацию национальных школ и перевод обучения в них на русский язык. Свидетелем проведения этих реформ и их последствий является один из авторов настоящей статьи. Школьная реформа проходила болезненно: прекратили издавать учебники на языках нерусских народностей, не хватало учителей, владеющих русским языком, уменьшилось число учащихся и школ, резко сократились публикации национальной детской и художественной литературы, газет и журналов. Правящая коммунистическая элита, предвосхищая события, заявляла, что в истекший период в СССР сложилась новая историческая общность — советский народ (Конституция 1977 г). Между тем в сознании этносов накапливалась (даже подсознательно) ностальгия по утраченным духовным ценностям, родному языку, культовым обрядам, и это когда-то должно было проявиться. Объективная реальность доказала, что каждый народ вправе сохранять наследие своих предков, развивать и совершенствовать родной язык, культуру, традиции, духовную общность своего народа. Игнорирование этих интересов и требований создает напряженную ситуацию, приводит к столкновениям и конфликтам. Этот фактор сыграл определенную роль в распаде СССР.

Постсоветский период привел к пересмотру подходов к решению национально-религиозных проблем, дал возможность возродить самобытную культуру различных народов. Вместе с тем имевшиеся негативные явления — возникновение конфликтных очагов внутри страны, напряженность на международной арене — требовали поисков новых путей, нахождения консенсуса

⁵ Музафарова Н. И. Ислам: история, вероучение, практика: учеб. пособие. М., 2011. С. 54–55.

для обеспечения мирного проживания человечества. Выступая на Совете по межнациональным отношениям (30 марта 2021 г.), президент В. В. Путин указал на важность реализации инновационных проектов, направленных на укрепление общероссийской идентичности (на основе единения этнической и конфессиональной общности) народов страны. При этом он предупредил о недопустимости дискриминации по этническим признакам, поставил задачу сохранения языков народов РФ и уникальной многонациональной культуры. Эти идеи президент озвучил и на пресс-конференции (23 февраля 2021 г.)⁶.

Постсоветское развитие страны обусловило возникновение религиозных и культурных национальных центров, в силу чего государство изменило прежнюю национальную политику согласно интересам и запросам разнородного населения страны. Так был принят федеральный закон № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 г.⁷. Закон предоставил возможности создания общественных некоммерческих объединений по инициативе граждан для реализации общих национальных интересов. Количественный рост обществ, землячеств по национальным, региональным, конфессиональным интересам привел к принятию нового федерального закона № 74-ФЗ от 17 июня 1996 г. «О национально-культурной автономии» (ред. от 04 ноября 2014 г.)⁸. По созвучной тематике он напоминал концепцию К. Бауэра и О. Реннера, но по идейной направленности и содержанию был глубже. Публикация закона вызвала своеобразный бум образования национально-культурных автономий (НКА), ставивших задачу возрождения национально-религиозных обычаев и традиций, обучения родному языку, приобщения к наследию своего народа.

В дополнение и развитие этого вопроса в 1998 г. принимается федеральный закон «О коренных малочисленных народах России», в котором говорится о поддержке народностей, насчитывающих менее 50 тыс. человек, предоставлении им прав и гарантий для сохранения культуры, самобытного уклада жизни и самого этноса. В РФ проживает ныне около 60 этносов общей численностью до 500 тыс., некоторые из них (алеуты, коряки и др.) насчитывают от одной до 100 тыс. человек и находятся на грани исчезновения⁹. В 1999 г. этот закон принимается в новой редакции — «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (№ 82-ФЗ от 30 апреля 1999 г.).

⁶ Путин В. В. Выступление в Совете по межнациональным отношениям // Официальный сайт Президента России. URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-putina-na-zasedanii-soveta-po-mezhnacionalnym-otnoshenijam-30-03-2021.html>; <http://prezident.org/tekst/stenogramma-bolshoi-press-konferencija-vladimira-putina-23-12-2021.html> (дата обращения: 05.12.2022).

⁷ Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/10164186/> (дата обращения: 05.12.2022).

⁸ Федеральный закон от 17.06.1996 № 74-ФЗ (ред. от 04.11.2014) «О национально-культурной автономии» // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/135765/> (дата обращения: 05.12.2022).

⁹ Проект федерального закона № 97802467-2 «О коренных малочисленных народах России» // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/3101326/> (дата обращения: 05.12.2022).

Акцент переносится на правовую основу в соответствии с нормами международного права, суть которого заключается в предоставлении гарантий самобытного развития коренным малочисленным народам, защите их исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов¹⁰.

Следующий федеральный закон от 20 июля 2000 г. № 104-Ф «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» создан с целью оказания помощи теряющим свой этнический статус народностям. Закон предусматривает организацию на добровольной основе схода (собрания) — особого вида общин коренных народов, обладающих статусом юридического лица. Общины управляются избранными сходом органами для защиты исконной среды обитания, традиционного образа жизни, прав и интересов коренных жителей¹¹. Таким образом, в современных условиях этносы получили поддержку и помощь государства для свободного национально-культурного развития, возрождения и сохранения наследия прошлых поколений.

Рассмотрим основные направления современной национальной политики на примере деятельности национально-культурных автономий Московского региона, где проживают представители свыше 140 больших и малых народностей. Многие этносы имеют национально-культурные объединения, общества, которые прилагают усилия для возрождения и сохранения уникальной культуры своих предков. Назовем стратегические задачи, рассмотрим формы и методы работы наиболее крупной и активной региональной татарской национально-культурной автономии Московской области (РТНКА МО). Истоками ее можно считать созданное совместно татарами и башкирами общество «Идель» (1991) в городе Дубна. В задачу общества входило проведение образовательных и просветительских встреч для взрослых и детей с целью ознакомления с обычаями, традициями тюрко-мусульманской культуры, духовно-материальным наследием татаро-башкирского народа, организацией художественной самодеятельности. В 1996 г. РТНКА зарегистрировалось и на основании названных федеральных законов получило юридический статус.

Принятые федеральные законы, касающиеся национальной политики РФ, послужили стартовой площадкой для образования многих НКА, обществ, объединений. По данным общественной палаты Московской области к 2018 г. на территории функционировали 114 национальных объединений, среди них крупных региональных и межрегиональных — 26 организаций; местных обществ татар — 24, армян — 20, азербайджанцев — 17, мордвы — 10,

¹⁰ Федеральный Закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22928/ (дата обращения: 05.12.2022).

¹¹ Федеральный закон от 20.07.2000 № 104-Ф «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/182356/> (дата обращения: 05.12.2022).

немцев — 8, белорусов — 7, башкир — 4, евреев — 3, украинцев, корейцев, грузин, ингушей и якутов — по 1–2 организации. Эти объединения функционируют в 37 муниципальных образованиях, они вносят определенный вклад в развитие и взаимообогащение национальной и общероссийской культуры¹². Возрастающее число национальных обществ требовало целенаправленной координации их деятельности и взаимодействия с органами местной, региональной и федеральной власти.

Первоначально национальные проблемы обсуждались на форумах, конференциях и решались по возможности на местном уровне. В 2004 г. правительство Московской области провело форум «Московская область — территория общественного согласия», который сыграл важную роль в создании консультативных органов. На форуме были представлены НКА и объединения более десяти национальностей, обсуждавшие проблемы интеграции при сохранении незыблемых основ национальной культуры. Председатель региональной татарской НКА МО Ф. Ш. Мухтасаров, выступая на форуме с докладом, внес предложение по сближению и взаимообогащению культур и созданию центра по национальным вопросам. Областное правительство, рассмотрев все вопросы и предложения, создало Консультативный совет по делам национальностей (2008), который курирует этнические взаимоотношения¹³.

Одним из направлений реализации интересов и запросов этносов стали ассамблеи. Первая ассамблея (2008) определила стратегию государственной политики в межнациональных отношениях до 2010 года. Результатом ее решений стало расширение межэтнических контактов и освещение их деятельности в СМИ. Вторая ассамблея (2009) была посвящена коммуникации разнородной молодежи. Третья ассамблея (2010) проходила под девизом: «Дружба народов и межнациональное согласие — важнейшие факторы Победы в Великой Отечественной войне». Участники форума в выступлениях опровергали факты фальсификации истории Второй мировой войны, отрицание решающей роли СССР в исходе этой войны. Содержание и атмосфера мероприятия убедительно доказали солидарность и гражданскую идентичность советских людей в патриотическом порыве, которая привела к великой Победе.

Значительное внимание национальным проблемам уделяет Областная дума, она предлагает мероприятия по оживлению и расширению инновационных форм работы (закон Московской области от 23 сентября 2011 г.

¹² Ежегодный доклад Общественной палаты Московской области «О состоянии и развитии институтов гражданского общества в Московской области в 2018 году» // Официальный сайт Общественной палаты Московской области. URL: <https://opmosreg.ru/o-palate/ezhegodnye-doklady/> (дата обращения: 05.12.2022).

¹³ Мухтасаров Ф. Ш. Роль государственных органов и национально-культурных объединений Московской области в формировании национальной и общероссийской идентичности // Основы стратегии национальной политики России в условиях глобальной социальной турбулентности. М., 2011. С. 16–20.

и дополнение от 27 июня 2016 г.¹⁴). Так, последние 10 лет проводятся конкурсы проектов НКА по дальнейшему совершенствованию деятельности по сохранению уникального наследия полиэтнической культуры Подмосковья. Чтобы воссоздать утраченные ценности национально-духовной культуры, требуется время, поэтому принимаются стратегические планы разработки инновационных методов. В 2012 г. была принята «Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 года» (Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666)¹⁵. Был создан Совет по межнациональным отношениям при Президенте РФ, а в 2015 г. — Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН России). В ведении ФАДН оказываются СМИ, мониторинг по выявлению межэтнических отношений с целью профилактики и предупреждения возможных конфликтов, экстремизма. Проведенные в 2018 г. в Московской области (Дубна, Орехово-Зуево, Пушкино, Электросталь) выборочные социологические исследования среди 120 человек показали: 88 % респондентов положительно оценили состояние межэтнических контактов, 83 % — отрицают наличие дискриминации по языковым и религиозным признакам, 89 % — заявили о причастности к единой общероссийской гражданской идентичности. Таким образом, процесс коммуникации, культурные и социально-экономические взаимоотношения народов доказывают существующую гражданскую идентичность россиян.

Направленность национальной политики последних лет заключается в повышении культуры межнациональной коммуникации. Примечательна в этом плане работа РТНКА по поддержке домов дружбы, этнокультурных парков, где проводятся литературно-языковые и досуговые мероприятия для удовлетворения интересов разных этнических групп. Конструктивное взаимодействие происходит при подготовке и проведении общественно-значимых мероприятий, таких как тюркский праздник Сабантуй. Фестивали национальных культур, народного искусства «Хранители наследия России», дни этнических культур: татарской, корейской, мордовской и других. Названные мероприятия показывают самобытность, утверждают достоинство каждого народа и гражданина, способствуют сближению культур, выработке единой гражданской идентичности, сохраняя присущие этносу черты (язык, менталитет, обычаи).

Высказанную мысль подтверждает широко известный праздник Сабантуй, зародившийся в давние времена среди татарского и башкирского народа, посвященный завершению весенних полевых работ. Сабантуй приобрел

¹⁴ Закон Московской области от 23.09.2011 № 150/2011-ОЗ (ред. от 27.06.2016) «О поддержке национально-культурных автономий в Московской области» // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/36725256/> (дата обращения: 05.12.2022).

¹⁵ Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с последующими изменениями от 06.12.2018) // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-19122012-n-1666/> (дата обращения: 05.12.2022).

интернациональный характер, в него вовлечены представители разных народов. Праздник насыщен мероприятиями развлекательного, спортивного и познавательного характера, в основу его заложено культурное наследие, общие хозяйственно-бытовые традиции и обычаи тюркских народов, включены интегрированные и модернизированные элементы других культур. В его программу входят показ достижений в производственной сфере, народном творчестве; чествование достойных личностей; выступление коллективов художественной самодеятельности; конкурсы произведений декоративно-прикладного творчества; выставки работ художников; спортивные игры. Праздник широко освещается СМИ с целью привлечения большого числа участников и их коммуникации в процессе досуга и состязаний (турниры по теннису, шахматам; конкурсы фоторепортажа и др.). С 2001 г. Сабантуй регулярно проводится в городских округах МО. Интересно с широким охватом людей эти праздники проводились в Орехово-Зуево (2001, 2002, 2011 гг.), Пушкино (2003, 2015 гг.), Балашихе (2005), Одинцове (2006 г.), Дубне (2007 г.), Домодедове (2008), Люберцах (2009), Наро-Фоминске (2010); Ногинске (2012 г.), Жуковском (2013 г.), Подольске (2014 г.), Дмитрове (2016), Коломне (2017 г.), Сергиевом Посаде (2018 г.), Щелкове (2004, 2019 гг.). Значимость этого праздника заключается в его благотворном воздействии на позитивные эмоции людей, которые формируют общественное мнение о единой гражданской идентичности народов РФ; способствуют укреплению контактов с другими регионами.

Опыт работы РТНКА показал, что повышенный интерес у детей и взрослых вызывают фестивали музыкальной культуры и искусства, например ставший традиционным с 2001 г. фестиваль «Музыкальное искусство татарского народа». Основными его участниками стали учащиеся музыкальных школ и культурно-досуговых центров. Как правило, они могли проявить себя в двух номинациях — «вокал» и «ансамбль», — при этом, по положению о фестивале, один из двух номеров должен исполняться на татарском или другом родном языке представителя того или иного этноса по произведениям национальных композиторов. Фестивали, получившие широкий отклик, прошли в Наро-Фоминске, Апрелевке, Пушкине, Подольске, Лыткарине, Орехово-Зуеве. Количество участников составляло около 150 человек. В декабре 2021 г. в Орехово-Зуеве прошел очередной (11-й) фестиваль с расширенной тематикой музыкального искусства народностей России, участниками которого стали более 50 детей из разных регионов. По откликам присутствовавших подобные мероприятия востребованы, они консолидируют людей, вызывают познавательный интерес к национальной и общероссийской культуре. Участие детей и взрослых в подобных мероприятиях способствует формированию двойной идентичности личности — этнической (по происхождению) и общероссийской гражданской.

Коснемся еще одного аспекта, который обуславливает формирование двойной идентичности личности ребенка. Становление индивида происходит в семье и окружающей среде. Роль родителей велика в выработке национальной и гражданской идентичности. Основной признак этноса — это родной язык,

который ныне многие из молодежи не знают. Исходя из этого, важной задачей является настраивание родителей и детей на знание родного языка, литературы как уникального наследия своего народа. Как выяснилось, благодаря деятельности НКА созданы и функционируют воскресные школы, дома дружбы, досуговые центры, в которых проводятся занятия по обучению языку, ознакомлению с достижениями в сфере искусства, науки и т. д. Показательны в этом плане проводимые мероприятия РТНКА наукограда Дубна и города Пушкино, где впервые был создан Интернациональный дом дружбы (2003 г.). По примеру последнего были открыты просветительско-образовательные центры во многих городах и муниципалитетах. В центрах проходят встречи представителей различных этносов по вопросам взаимообмена достижениями в сфере полиэтнической культуры, расширяются коммуникационные связи людей разных национальностей. Так, в Дубненском центре (руководитель — Л. В. Алексеева) с 2013 г. ведутся уроки дружбы, темы которых охватывают широкий спектр материальной и духовной культуры разных народностей.

Интересной и познавательной формой сближения народов является проведение дней культуры отдельных этносов — корейцев, марийцев, армян, — а также праздника Навруз. Они способствуют коммуникации молодежи, сближению их в осознании принадлежности к одной многонациональной стране. В последнее десятилетие особое внимание стало уделяться созданию благоприятной окружающей среды для национальных меньшинств. Для этого проводятся конкурсы проектов в разных номинациях. В 2019 г. были обозначены четыре направления: «Экология», «Творчество и духовное наследие», «Волонтеры и благотворительность», «Прорыв». Большинство участников предложили проекты по теме «Творчество и духовное наследие». Среди лауреатов оказались около тысячи жителей Подмосковья, получившие премии (по 180 тыс. р.) и, соответственно, принявшие участие в реализации своих проектов. В 2020 г. проекты были сориентированы на социальную значимость из-за сложных условий, вызванных эпидемией коронавируса. Распределение лауреатов выглядело следующим образом: 1) волонтеры и благотворительность — 120 чел; 2) культура и образование — 29; 3) медицина и здравоохранение — 16; 4) промышленность и социально ориентированный бизнес — 15. Из представленных проектов 180 человек стали лауреатами и получили премии¹⁶. Данные показатели свидетельствуют об активности людей в стремлении создать благоприятную среду для сохранения и развития как этнической, так и многонациональной культуры российского народа.

В плане развития и обогащения общероссийской культуры коснемся государственных проектов, отраженных в стратегии действий до 2030 г. В ней изложены

¹⁶ Постановление Губернатора МО от 13.10.2020 № 451-ПГ «О присуждении ежегодных премий Губернатора Московской области “Наше Подмосковье” в 2020 году» // Портал государственных и муниципальных услуг Московской области. URL: <https://mosreg.ru/dokumenty/normotvorchestvo/prinyato-gubernatorom/postanovleniya/14-10-2020-11-17-47-postanovlenie-gubernatora-moskovskoy-oblasti-ot> (дата обращения: 05.12.2022).

дальнейшие задачи совершенствования и регулирования межэтнических отношений в целях единения и солидаризации народов страны. Вместе с тем новизна подхода заключается в том, что предусмотрена адаптация приезжего населения. К примеру, правительство Московской области в постановлении о стратегии социально-экономического развития региона¹⁷ ставит задачи социализации не только представителей малых народов, но и мигрантов. Главная целевая установка сводится к достижению общегражданской идентичности, духовной близости народностей при сохранении этнокультурного многообразия как богатства общероссийской культуры.

Заключение. Российское государство укреплялось и расширялось путем присоединения новых территорий, следствием чего было появление национальных проблем, решению которых до начала XX столетия не уделялось должного внимания. Существенные изменения в положении нерусских народов произошли при советской власти, стремившейся к выравниванию социально-экономического развития различных народов на территории СССР. Новый советский образ жизни создал основу формирования единой общероссийской гражданской идентичности, что доказала победа в Великой Отечественной войне, успехи СССР на мировой арене. На современном этапе в РФ на федеральном и региональном уровнях созданы условия для возрождения национальных культур, что в конечном итоге способствует не только возрождению этнической, но и укреплению общероссийской гражданской идентичности.

Литература

1. Музафарова Н. И. Ислам: история, вероучение, практика: учеб. пособие. М.: МГПУ, 2011. 232 с.
2. Музафарова Н. И. Фракция мусульман в Государственных думах императорской России // История парламентаризма в России: к 110-летию начала деятельности Государственной думы: сб. научных статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Москва, 26–27 апреля 2016 г.) / под общ. ред. Л. Г. Орчаковой, О. Г. Малышевой. М.: МГПУ, 2018. С. 44–51.
3. Мухтасаров Ф. Ш. Роль государственных органов и национально-культурных объединений Московской области в формировании национальной и общероссийской идентичности // VII Международная научная конференция «Сорокинские чтения». Основы стратегии национальной политики России в условиях глобальной социальной турбулентности: материалы круглого стола (7 декабря 2011 г.) / Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Социологический фак., Центр нац. политики. М.: МАКС Пресс, 2011. С. 16–20.

¹⁷ Постановление Правительства Московской области от 28.12.2018 № 1023/45 «О Стратегии социально-экономического развития Московской области на период до 2030 года» // Портал государственных и муниципальных услуг Московской области. URL: <https://mosreg.ru/dokumenty/normotvorchestvo/prinyato-pravitelstvom/postanovleniya-pmo/23-01-2019-11-11-05-postanovlenie-pravitelstva-moskovskoy-oblasti-ot> (дата обращения: 05.12.2022).

References

1. Muzafarova N. I. Islam: istoriia, verouchenie, praktika: uchebnoe posobie [Islam: history, creed, practice: study guide]. Moscow: MGPU, 2011. 232 p. (In Russ.).
2. Muzafarova N. I. Fraktsiia musul'man v Gosudarstvennykh dumakh imperatorskoi Rossii [The Muslim faction in the State Duma of Imperial Russia] // Istoriia parlamentarizma v Rossii: k 110-letiiu nachala deiatel'nosti Gosudarstvennoi dумы: sbornik nauchnykh statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Moskva, 26–27 apreliia 2016 g.) / pod obshch. red. L. G. Orchakovoi, O. G. Malyshevoi. Moscow: MGPU, 2018. P. 44–51. (In Russ.).
3. Mukhtasarov F. Sh. Rol' gosudarstvennykh organov i natsional'no-kul'turnykh ob"edinenii Moskovskoi oblasti v formirovanii natsional'noi i obshcherossiiskoi identichnosti [The role of state bodies and national cultural associations of the Moscow region in the formation of national and all-Russian identity] // VII Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia «Sorokinskie chteniia». Osnovy strategii natsional'noi politiki Rossii v usloviakh global'noi sotsial'noi turbulentnosti: materialy kruglogo stola (7 dekabria 2011 g.) / Moskovskii gos. un-t im. M. V. Lomonosova, Sotsiologicheskii fak., Tsentr nats. politiki. Moscow: MAKS Press, 2011. P. 16–20. (In Russ.).

UDC 94(460)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.48.4.12

Tereshchuk Andrei A.

Doctor of the University of Barcelona, Associate Professor

Herzen University

Saint-Petersburg, Russia

e-mail: atereschuk@herzen.spb.ru; ORCID: 0000-0001-8838-9302

TO THE QUESTION OF THE REASONS OF THE FIRST CARLIST WAR (1833–1840)

Abstract. The First Carlist War in Spain (1833–1840) started because of the uprising of Don Carlos's partisans (Carlists) against the government in Madrid. Modern scholars are still discussing the reasons for the conflict. In the article, the factors that motivated the development of the Carlist movement are being analyzed. It is shown that there is a continuity between Carlism and counterrevolutionary movements in Spain during the reign of Ferdinand VII. The paper studies the relevance of the dynastic crisis in Spain after the publication of the Pragmatic Sanction in 1830 in the context of the opposition between Liberals and Royalists. The religious factor of the conflict is analyzed. Different hypotheses concerning possible economic reasons for the war are shown. The notion that Carlism was a movement of the "poor" against the "rich" or a peasants' uprising against the urban population is rejected. The First Carlist War in Spain was a result of a combination of multiple factors. The regionalist problem was irrelevant for the early Carlism. The dynastic and religious questions were mainly vehicles for propaganda than the real causes of the conflict. The early Carlism was the movement of well-off peasants, local gentry and clergy, and a part of the urban population in the regions with a small and medium land property that suffered economic recession before the war.

Keywords: Carlism, First Carlist War, Spain, civil wars, conservatism.

УДК 94(460)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.48.4.12

Терещук Андрей Андреевич

доктор Университета Барселоны, доцент

Российский государственный педагогический университета им. А. И. Герцена

Санкт-Петербург, Россия

e-mail: atereschuk@herzen.spb.ru; ORCID: 0000-0001-8838-9302

**К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ
ПЕРВОЙ КАРЛИСТСКОЙ ВОЙНЫ
(1833–1840)**

Аннотация. Вопрос о причинах Первой Карлистской войны в Испании (1833–1840) до сих пор является предметом дискуссий среди специалистов. В настоящей статье анализируются факторы, которые привели к конфликту в Испании. Показывается преемственность между карлизмом и контрреволюционными движениями в Испании в период правления Фердинанда VII. Анализируется династический кризис в Испании после публикации «Прагматической санкции» 1830 г. в контексте противостояния либералов и роялистов. Дается оценка религиозному фактору в конфликте. Приводятся различные гипотезы относительно возможных экономических причин войны. Отвергается представление о том, что карлизм был движением бедняков против богатых или крестьянским восстанием против городского населения. Делается вывод о том, что Первая Карлистская война была результатом сочетания нескольких факторов. Ранний карлизм представлял собой движение зажиточных крестьян, местного дворянства и духовенства, а также части городского населения в районах с мелкой и средней земельной собственностью, переживавших перед войной экономический спад.

Ключевые слова: карлизм, Первая Карлистская война, Испания, гражданские войны, консерватизм.

Introduction. The First Carlist War (1833–1840) was the largest internal conflict in Spain in the XVIII–XX centuries. There were two opposing sides in the war: the partisans of a pretender to the Spanish throne don Carlos (“Carlists”) and the supporters of Queen Isabella and her mother Regent Maria Christina (“Cristinos” / “Isabelinos”); the latter were often referred to as “Liberals”. According to different estimations, it caused from 200 000 to 650 000 deaths¹. During the conflict, the Spanish society experienced serious changes, and the results of the war meant the victory of “Liberalism” over *Ancien Régime*².

The war started as a dynastic conflict for the rights of succession to the Spanish throne, but the dispute between don Carlos and Maria Christina was only a trigger for the outbreak of hostilities. If the supposition that the First Carlist War was a struggle only for the succession to the throne were accepted, it would be difficult to explain the continuation of the Carlist movement up to the XXI century.

¹ Lawrence M. Spain’s First Carlist War, 1833–40. Basingstoke, 2014. P. 10.

² Artola M. La burguesía revolucionaria (1808–1869). Madrid, 1973. P. 8.

The criticism of the Pragmatic Sanction of 1830 and appeals to the rights of don Carlos to succeed to his brother were used by the Carlists to justify their actions, or to look for support in other countries, but the dynastic question was not the real reason for the conflict. The Spanish philosopher of the XIX century J. Balmes wrote in 1840 that the war “was fully social and political” (“profundamente social y política”)³.

During the last 180 years, there have been proposed various hypothesis concerning the reasons for the beginning of the First Carlist War. Some scholars, mainly sympathizing with the ideas of Basque or Catalan nationalism, created an image of Carlists as predecessors of modern separatists in the Basque Country and Catalonia⁴. Many studies carried out in the XIX and XX centuries presented the First Carlist War as a struggle between the city (Cristinos) and the countryside (Carlists); consequently, don Carlos’s partisans were seen as groups of peasants led by “fanatical” priests⁵ and local gentry⁶. In the second half of the XX century, some historians belonging to the “neo-Carlist” school tried to present the Carlist uprising as a social protest of poor peasants against the rich urban population⁷. The most prominent of them was J. C. Clemente who was an ideologist of the left-wing *Carlist Party* (*Partido Carlista*). He tried to adapt the ideology of early Carlists to the doctrine of so-called “socialist Carlism”.

Recent studies dedicated to the social structure of the Carlist movement in 1833–1840 have created a more complex image. In 2018, U. R. Urrastabaso wrote that the traditional definition of Carlism as a counter-revolutionary movement defending the interests of the nobles had not been confirmed by the new data⁸. E. Catalan and I. Mugartegui, who studied political adscription of the elites in the province of Gipuzkoa in the XIX century, concluded that it is “inadmissible to simplify the conflict to a mere dynastic problem, or reduce it to the dichotomy countryside — city or poor — rich”⁹.

³ *Balmes J.* Escritos políticos. Madrid: Imprenta de la Sociedad de Operarios del mismo Arte, 1847. P. 22.

⁴ *Eyara J., López R., Agirreazkuenaga J.* Historia de Euskal Herria. Bilbao, 1985. 7 vol.; *García A., Salgado C.* El Carlismo: 175 años de sufrida represión. Ediciones Arcos, 2008. 230 p.; *Sorauren M.* Fueros y carlistada. Pamplona, 2008. 100 p.

⁵ The idea that the Carlist uprising was inspired and led by “fanatical clergy” appeared in the first weeks of the war. E. g., Russian newspaper *Sankt-Peterburgskie Vedomosti* (Санкт-Петербургские ведомости) on 16 November 1833, reported that “numerous Guerillas in Navarre are led almost exclusively by monks” (Санкт-Петербургские ведомости. 16.11.1833. № 269. P. 1148).

⁶ *Майский И. М.* Испания 1808–1917. Исторический очерк. М., 1957. URL: <http://istmat.info/node/28419> (дата обращения: 05.12.2022). С. 89; *Пискорский В. К.* История Испании и Португалии. От падения Римской империи до начала XX века. М., 2015. С. 172; *Holt E.* The Carlist Wars in Spain. London, 1967. P. 45.

⁷ *Clemente J. C.* Breve historia de las guerras carlistas. Madrid, 2011. P. 60–69.

⁸ *Urrastabaso U. R.* Modern societies and national identities. Legal Praxis and the Basque-Spanish Conflict. London, 2018. P. 104.

⁹ *Catalán E., Mugartegui I.* Cambio económico y adscripción política de las élites guipuzcoanas, 1833–1876 // *Historia Contemporánea*. 2020. № 62. P. 13.

The question concerning the reasons for the First Carlist War seemed quite clear to some historians of the XIX and XX centuries. Nevertheless, today we do not have a universally accepted explanation of the split in Spanish society in the 1830s. The scope of the present investigation is to show some possible interpretations of the conflict and to determine its reasons.

Results of the investigation. Carlism appeared in 1833 but it was a logical continuation of typologically similar movements of previous decades. The Cortes of Cádiz (1810–1813) that ratified the Constitution of 1812 became the scene of discord among the so-called “Liberals” and “Royalists” (“Absolutists”). The separating line between the groups was quite vague; there were also internal divisions within each of them. In 1814 Royalists welcomed the suppression of the Constitution by Ferdinand VII and presented to the King the “Manifesto of the Persians”. This document was neither “absolutist”, nor conservative; actually, it was a new phenomenon in Spanish political culture¹⁰.

The period of restoration of Ferdinand VII as King in 1814–20 and the last 10 years of his reign (1823–1833) are often considered a time of “reaction”, “square counter-revolution”, as the Soviet historian I. M. Maisky called it¹¹. The Spanish Liberals labeled the 1823–1833 period as the “Ominous Decade”; from the point of view of the Royalists, it was actually the “Moderate Decade”. The Spanish Far-Right thought that the King’s government was led by *afrancesados* and “masons”¹². As it was claimed by S. Tarrow, “a contentious episode becomes a social movement only by sustaining collective action against antagonists”¹³. The Liberals became these “antagonists” for the Royalists, and after 1833, for the Carlists.

Eventually, this discontentment of the Royalists with the authorities led to armed conflicts, as it was in Catalonia in 1827. At the same time, it should be noticed that the Royalist uprisings in that period were not directed *against* the King, but, on the contrary, *for* the King, as it was formulated by U. Mücke (“Aufstand gegen den König/Aufstand für den König”)¹⁴. The Royalist rebels thought that Ferdinand VII was a “prisoner” of “Liberals”.

The most conservative part of Spanish society rejected constitutional reforms proposed by Liberals. A priest from Navarre A. Martín wrote in 1825: “The constitution is a creation of corrupt, revolted, and treacherous people”¹⁵. To explain

¹⁰ Василенко Ю. В. «Манифест персов», или Верноподданные между традиционализмом и реформизмом // Антиномии. 2019. Т. 19. № 3. С. 84–98.

¹¹ Майский И. М. О.р. cit. С. 81.

¹² Luis J.-P. La Década Ominosa y la cuestión del retorno de los josefinos // Ayer. 2014. № 95. P. 150.

¹³ Tarrow S. El poder en movimiento. Los movimientos sociales, la acción colectiva y la política. Madrid, 1997. P. 25.

¹⁴ Mücke U. Gegen Aufklärung und Revolution. Die Entstehung konservativen Denkens in der iberischen Welt (1770–1840). Köln, 2008. S. 337.

¹⁵ Martín A. Historia de la guerra de la división real de Navarra contra el intruso sistema, llamado constitucional, y su gobierno y su gobierno revolucionario por don Andrés Martín, cura párroco de Ustarroz. Pamplona, 1825. P. 15.

this attitude, it needs to be studied in a broader context. On the one hand, Royalism-Carlism was a manifestation of counter-revolutionary mass movements in Europe in 1789–1848 (Chouannerie, Sanfedismo, Miguelismo, etc.). It is questionable, whether Carlists in 1833–40 experienced the direct ideological influence of their foreign “colleagues” (Yu. V. Vasilenko indicated that the early Carlism “was mainly a political practice, and not a political ideology”¹⁶), but it is doubtless that the “political climate” in Europe of the time should have favored the movements of that kind. On the other hand, in the 1820s, Spain experienced a geopolitical catastrophe: the country lost almost all its colonies. For both sides of the First Carlist War, it was an easy way out to blame the opponent for the destruction of the colonial empire. At the end of the XIX century, Carlist propaganda still accused the “vicious Liberalism” of the “loss of our colonies”¹⁷.

In the second half of the 1820s and the beginning of the 1830s, the ultra-Royalists expected that Ferdinand’s brother Carlos María Isidro (don Carlos) would be less tolerant towards the “Liberals” and other “enemies” of Spain¹⁸. Up to 1830, don Carlos was the heir to the throne, but in 1830 the promulgation of Pragmatic Sanction and the birth of Princess Isabella changed the situation. Thanks to Pragmatic Sanction, the young Isabella became the first in the line of succession to the throne. For this reason, the Royalists protested the new law: they lost the opportunity to obtain power after Ferdinand’s death. The dynastic dispute was one of the factors that motivated the Carlist uprising, but it could be analyzed only in the context of the struggle between Liberals and Royalists during the last years of Ferdinand’s reign. The succession problem was relevant only because it implied several political questions that divided both sides (Constitution, Parliament, role of the Church in the society, etc.). Self-identification of an individual as a Carlist or Cristino was not just the question of personal loyalty to one of the pretenders to the throne, but rather an expression of political views.

Most Liberals considered the Catholic Church a possible ally of don Carlos. In December 1832, the apostolic nuncio in Madrid F. Tiberi reported to the Secretariat of State of the Holy See the circumstances of his meeting with the Spanish royal family. He described the “cold silence” of Maria Christina and the “absolute benevolence” of don Carlos¹⁹. This observation shows us the split among the Spanish political elite, but it would be a simplification to determine the Carlist “cause” as a “Crusade” in defense of the Church, or to say that their enemies were “atheists”.

¹⁶ *Василенко Ю. В.* Генезис карлизма и проблемы типологии испанского консерватизма // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2016. Т. 16. Вып. 1. С. 95.

¹⁷ *Rújula P., Sonetti S.* La causa perduta come racconto politico: il carlismo // *Meridiana*. 2017. № 88. P. 35.

¹⁸ *Lawrence M.* Spain’s First Carlist War, 1833–40. P. 2.

¹⁹ Francesco Tiberi to Tommaso Bernetti, 19 Dec. 1832. Archivio Apostolico Vaticano. Segreteria di Stato. Esteri. Rubrica 249. Busta 438. Nunziatura di Spagna. 1832.

The Carlists called themselves “defenders” of the Church and proclaimed the Virgin Mary *Generalísima* of their forces²⁰. Don Carlos surrounded himself by monks and priests who constituted the base of the so-called “right fraction” in the Carlist movement²¹. An officer in Cristino army (and future Prime Minister) F. Fernández de Córdoba in his memoirs evaluated the influence exerted by the clergy on don Carlos as “pernicious” for the Carlist “cause”²².

At the same time, a considerable number of high-ranking clergymen sided with Cristinos, while don Carlos was supported mainly by local priests²³. F. von Lichnowsky remembered that when the Carlists took Huesca in 1837, urban authorities greeted don Carlos in the cathedral. The bishop of Huesca preferred to stay home because earlier he had recognized Isabella as the Queen. According to the Prussian volunteer, don Carlos ordered “not to disturb” the old man²⁴. The question of the political affiliation of high clergy in the First Carlist War is beyond the scope of this article; it should only be stated that not all the Spanish Church sided with Carlism.

The religious factor was relevant for some individuals who decided to join the Carlist movement. A. Sabatier, a French volunteer at don Carlos’s service, evoked the last words that his brother told him as parting advice: “Go, my dear friend, it’s the God’s cause that calls for you... remember that fighting for God and King one does not die”²⁵. Naturally, it is impossible to determine whether A. Sabatier and other don Carlos’s partisans took up arms to defend “God, Fatherland, and King” (*Dios, Patria, Rey*; the famous Carlist motto), or whether the religion was just an “excuse” for them to join the struggle. Nevertheless, it may be assumed that for many Carlists the idea to go to war to defend the Church was a more relevant factor than the dynastic question or some abstract disputes about the Constitution²⁶. The civil war did not start because of “oppression” of the Church by its “enemies”, but the religious factor played an important role in Carlist propaganda and favored the uprising in 1833.

A considerable part of the population of Navarre, the Basque provinces, and Aragon supported the Carlist movement; to a lesser extent, it got some support in Catalonia, Valencia, and the province of Burgos²⁷. As it has already been mentioned, some scholars try to present the Carlist movement in 1833–1840 as a rebellion

²⁰ Lawrence M. Spain’s First Carlist War, 1833–40. P. 158.

²¹ Василенко Ю. В. Генезис карлизма и проблемы типологии испанского консерватизма. С. 105.

²² Fernández de Córdoba F. Mis memorias íntimas. Tomo I. Madrid: Establecimiento tipográfico “Sucesores de Rivadeneyra”. Impresores de la Real Casa, 1886. P. 164.

²³ Pérez J. Histoire de l’Espagne. Paris, 1997. P. 571–572.

²⁴ Lichnowsky F. Recuerdos de la Guerra Carlita (1837–1839). Madrid, 1942. P. 84.

²⁵ Sabatier A. Tio Tomas. Souvenirs d’un soldat de Charles V, par Alexis Sabatier, lieutenant-colonel d’infanterie au service d’Espagne, deux fois chevalier de première classe de l’ordre royal et militaire de Saint-Ferdinand. Bordeaux, 1836. P. 2–3.

²⁶ It is a case of those who volunteered to the Carlist army; most of its soldiers were recruited by force (*Albi de la Cuesta J.* El ejército carlista del norte (1833–1839), Madrid, 2017. P. 57–65).

²⁷ Caridad Salvador A. La desigual distribución espacial del primer carlismo: Una propuesta explicativa cuantitativa // Huarte de San Juan. Geografía e Historia. 2018. № 25. P. 84–86.

for autonomy/independence of Catalonia or the Basque Country. Nevertheless, it is difficult to find appeals to the struggle for independence in the manifestos and proclamations of the Carlist leaders to the people of Spain or in the memoirs of participants of the Carlist movement²⁸. Most of Spanish academic society rejects the idea and considers the regionalism a secondary element in the ideology of early Carlism²⁹. The geographical distribution of the early Carlism could be explained mainly by social and economic reasons.

As has been noted above, there is no universally recognized scheme of the social structure of the Carlist movement in 1833–40. Therefore, it is quite difficult to present conclusive evidence of the economic background of the conflict. Moreover, the economic motives of the war could vary in different regions of Spain. M. Lawrence in one of his recent articles mentioned a Barcelona newspaper that “in 1840 reflected on the recently extinguished civil war, attributing Basque Carlism to the defence of ‘liberties’ (especially the autonomous ‘fueros’), Catalan Carlism to ‘religious fanaticism’, and Aragonese Carlism to ‘banditry’”³⁰. Of course, this allegation of Catalan journalists is far from reality, but it shows that the heterogeneous character of the Carlist movement was evident for its contemporaries.

The concept of Carlism as of a movement of the poor against the rich is open to criticism. There are no ideas of “social justice” or “revolution” in Carlist manifestos and proclamations³¹. Moreover, Carlism did not get serious support in Andalusia and Extremadura, less economically developed regions. R. Oyarzún, basing on that fact, tried to show that Don Carlos’s cause was supported by the wealthiest and “the most progressive” parts of Spain³². This hypothesis could also be rejected not just because R. Oyarzún’s idea about “rich and civilized provinces” does not have any serious theoretical definition, but also because don Carlos obtained the support of only a part of the whole population of Catalonia and the Basque provinces. G. Tortella wrote that Carlism found support “of modest, but not miserable peasants attached to the Catholic Church, and averse to paying taxes in coin, something especially burdensome in a time of falling grain prices”³³.

²⁸ Терещук А. А. Регионализм в идеологии раннего карлизма // Петербургский исторический журнал. 2020. № 2 (26). С. 153–164.

²⁹ Caridad Salvador A. La historiografía reciente sobre el primer carlismo (2006–2018) // *Studia historica. Historia contemporánea*. 2020. № 38. P. 219–222. See also: Caridad Salvador A. La desigual distribución espacial del primer carlismo: Una propuesta explicativa cuantitativa. P. 84–86; Lawrence M. The First Carlist War (1833–40), insurgency, Ramón Cabrera, and expeditionary warfare // *Small Wars & Insurgencies*. 2019. № 30 (4–5). P. 797–817. It should be taken into consideration that in the second half of the XIX century, regionalism became a much more important element in Carlist ideology.

³⁰ Lawrence M. The First Carlist War (1833–40), insurgency... P. 799.

³¹ E. g., Manifiesto de Abrantes // Ferrer M., Tejera D., Acedo J. F. *Historia del tradicionalismo español*. Tomo III. Sevilla, 1942. P. 287–288; Manifiesto de Castelo Branco // Ferrer M., Tejera D., Acedo J. F. *Historia del tradicionalismo español*. Tomo III. Sevilla, 1942. P. 289–291.

³² Oyarzún R. *Historia del carlismo*. Valladolid, 2008. P. 19–20.

³³ Tortella G. *Catalonia in Spain: History and Myth*. Cham, 2017. P. 93.

It is known that “revolutions owe less to insurgents than to the work of systemic crises which render the existing regime weak and vulnerable to challenge”³⁴. J. Fontana who tried to colligate the popularity of Carlism with the impoverishment of the population. According to the historian, the movement gained support not in the poorest areas, but rather in the territories that experienced a considerable economic downfall at the beginning of the XIX century³⁵. That hypothesis was recently subjected to criticism by M. Santirso who pointed out that *comarcas* related to Royalism and Carlism differed considerably in their economic evolution before and during the crisis of the *Ancien Régime*, and that such a phenomenon as impoverishment does not explain the possible support of the Carlist uprising³⁶. J. Fontana and M. Santirso based their analysis on the study of Catalonia, although their observations and conclusions could be extrapolated to other regions of Spain. The perception of Carlism as a movement supported mainly in impoverished areas needs some additional analysis. It could not be the only reason for the Carlist uprising in 1833, but probably one of its motives, at least in some areas.

Studying the reasons for the outbreak of war, we could easily observe a considerable difference between the economic systems in northern Spain (in the regions that mainly supported don Carlos) and in the southern part of the country. At the beginning of the XX century, Russian historian V. K. Piskorsky showed that “the most prosperous were the peasants in the regions of Spain with small land property... as in the Basque provinces, Asturias, Navarre, Catalonia, and Valencia... The more to the south lay an area, the less favorable for the peasants was the distribution of land”³⁷. That observation referred to the late XVIII century but could also be considered relevant for the 1830s. Basing on that fact, it is easy to conclude that Carlism gained popularity mainly in the regions with small or medium land property and communitarian structures inherited from *Ancien Régime*³⁸.

This idea does not explain the start of the Carlist uprising or the support that don Carlos got in these regions. A supposition can be made that peasants in the north were more independent from big landowners than agricultural laborers in the south. An Andalusian peasant had to look for seasonal employment on big *latifundias*. His survival depended upon the big landowners, who mainly sided with Cristinos. At the same time, “a modest, but not miserable”³⁹ peasant in Catalonia, Navarre

³⁴ McAdam D., McCarthy J. D., Zald N. M. (Eds.). Comparative perspectives on social movements: Political opportunities, mobilizing structures, and cultural framings. Cambridge University Press, 2004. P. 24.

³⁵ Fontana J. Crisi camperola i revolta carlina // Recerques: Història, economia i cultura. 1980. № 10. P. 7–16.

³⁶ Santirso M. Contra un carlisme telúric: breus apunts sobre la localització del reialisme-carlisme a 1820–1840 // L'Erol. 2017. № 132. P. 9.

³⁷ Пискорский В. К. История Испании и Португалии. От падения Римской империи до начала XX века. С. 202–203.

³⁸ Pérez J. Op. cit. P. 573.

³⁹ Tortella G. Op. cit. P. 93.

or the Basque provinces had an opportunity to sustain his family with his own parcel of land, i. e., he had no direct dependence on local landlords.

One should add to that observation the fact that a considerable part of the population of these regions belonged to the local gentry. At the end of the XVIII century, 47 % of inhabitants of Biscay and 42 % of these in Gipuzkoa were nobles; in Navarre, this percentage was from 5,7 to 8,4 %. By contrast, in Andalusia, the nobles represented only from 0,30 to 0,68 %, in Extremadura, 0,89 % of the population⁴⁰. The fact of pertaining to the local nobility had a psychological relevance: a local *hidalgo* could have lower income than his neighbors in the village, but he considered himself independent in his decisions.

Conclusion. The First Carlist War started as a consequence of a combination of multiple factors. It would be a simplification to explain it only by dynastic, religious, or economic reasons. The dynastic dispute was a pretext for the Carlists to start the rebellion in 1833. Don Carlos's claim to the Spanish throne is irrelevant from the point of view of explaining the division between the two sides of the civil war, but it was very important for the Royalists in 1833. They hoped that don Carlos as a King would carry out more conservative policy than his brother and would stop incipient reforms of the last years of the reign of Ferdinand VII. In such a way, we cannot deny the importance of the dynastic dispute between don Carlos and Isabella, although it was not the real problem that caused a division in Spanish society.

As it was shown, it would be incorrect to assert that all Spanish clergy sided with the Carlists. Despite their self-determination as "defenders of Throne and Altar", the partisans of don Carlos did not represent all Spanish Church. We cannot agree with the point of view that the religious factor was decisive in the outbreak of the First Carlist War. At the same time, one should not deny its importance in Carlist propaganda and its relevance for some combatants. Probably, many Carlists believed that they were fighting for their faith and religion, and it could be a good motivation for them to join the movement.

The latest studies in that field have shown that earlier ideas concerning social aspects of the conflict are not convincing. The First Carlist War was not a struggle between poor and rich, city and countryside; neither was it a rebellion for *fueros*, traditional privileges of some provinces and towns in the north. It can be supposed that the Carlist rebellion was mainly a movement of some peasants, artisans in small towns, and local gentry in areas with a small or medium land property that suffered a certain economic decline at the beginning of the XIX century.

⁴⁰ Caridad Salvador A. La desigual distribución espacial del primer carlismo: Una propuesta explicativa cuantitativa. P. 101–102.

References

1. Vasilenko Yu. V. Genezis karlizma i problemy tipologii ispanского konservatizma [The genesis of Carlism and the problems of typology of the Spanish conservatism] // Nauchny ezhegodnik Instituta filosofii i prava Uralskogo otdelenia Rossiyskoï akademii nauk. 2016. Vol. 16. Vyp. 1. P. 92–111. (In Russ.).
2. Vasilenko Yu. V. “Manifest persov”, ili Vernopoddanye mezhdru traditsionalizmom i reformizmom [“Manifest of the Persians”, or Loyalists between traditionalism and reformism] // Antinomii. 2019. Vol. 19. № 3. P. 84–98. (In Russ.).
3. Maiski I. M. Ispania 1808–1917. Istoricheski ocherk [Spain in 1808–1917. Historical outline]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1957. URL: <http://istmat.info/node/28419> (accessed: 05.12.2022). (In Russ.).
4. Piskorsky V. K. Istorია Ispanii i Portugalii. Ot padenia Rimskoi imperii do nachala XX veka [The history of Spain and Portugal. From the fall of the Roman Empire to the beginning of the XX century]. Moscow: Lenand, 2015. 288 p. (In Russ.).
5. Tereshchuk A. A. Regionalizm v ideologii rannego karlizma [Regionalism in the ideology of Early Carlism (1833–1840)] // Petersburg Historical Journal. 2020. № 2. P. 153–164. (In Russ.).
6. Albi de la Cuesta J. El ejército carlista del norte (1833–1839). Madrid: Desperta Ferro Ediciones, 2017. 496 p.
7. Artola M. La burguesía revolucionaria (1808–1869). Madrid: Alfaguara, 1973. 434 p.
8. Balmes J. Escritos políticos. Madrid: Imprenta de la Sociedad de Operarios del mismo Arte, 1847. 811 p.
9. Caridad Salvador A. La desigual distribución espacial del primer carlismo: Una propuesta explicativa cuantitativa // Huarte de San Juan. Geografía e Historia. 2018. № 25. P. 79–107.
10. Caridad Salvador A. La historiografía reciente sobre el primer carlismo (2006–2018) // Studia historica. Historia contemporánea. 2020. № 38. P. 203–243.
11. Catalán E., Mugartegui I. Cambio económico y adscripción política de las élites guipuzcoanas, 1833–1876 // Historia Contemporánea. 2020. № 62. P. 11–47.
12. Clemente J. C. Breve historia de las guerras carlistas. Madrid: Nowtilus, 2011. 384 p.
13. Eyara J., López R., Agirreazkuenaga J. Historia de Euskal Herria. Bilbao: Ediciones Vascas, 1985. 7 vol.
14. Fernández de Córdoba F. Mis memorias íntimas. Tomo I. Madrid: Establecimiento tipográfico “Sucesores de Rivadeneyra”. Impresores de la Real Casa, 1886. 450 p.
15. Fontana J. Crisi camperola i revolta carlina // Recerques: Història, economia i cultura. 1980. № 10. P. 7–16.
16. García A., Salgado C. El Carlismo: 175 años de sufrida represión. Sevilla: Ediciones Arcos, 2008. 230 p.
17. Holt E. The Carlist wars in Spain. London: Putham, 1967. 303 p.
18. Lawrence M. Spain's First Carlist War, 1833–40. Basingstoke: Palgrave, 2014. 283 p.
19. Lawrence M. The First Carlist War (1833–40), insurgency, Ramón Cabrera, and expeditionary warfare // Small Wars & Insurgencies. 2019. № 30 (4–5). P. 797–817.
20. Lichnowsky F. Recuerdos de la Guerra Carlista (1837–1839). Madrid: Espasa-Calpe, S. A., 1942. 360 p.

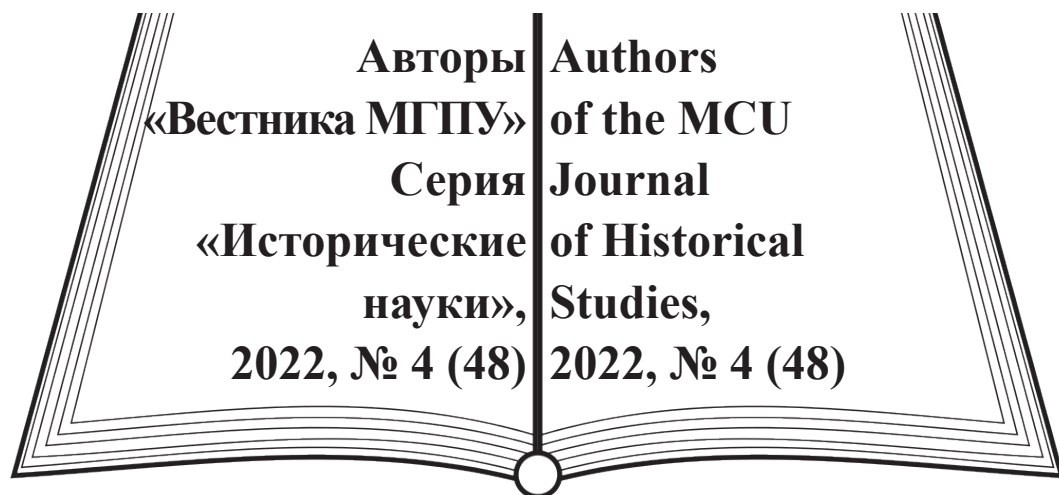
21. Luis J.-P. La Década Ominosa y la cuestión del retorno de los josefinos // *Ayer*. 2014. № 95. P. 133–153.
22. Manifiesto de Abrantes // Ferrer M., Tejera D., Acedo J. F. *Historia del tradicionalismo español*. Tomo III. Sevilla: Ediciones Trajano, 1942. P. 287–288.
23. Manifiesto de Castelo Branco // Ferrer M., Tejera D., Acedo J. F. *Historia del tradicionalismo español*. Tomo III. Sevilla: Ediciones Trajano, 1942. P. 289–291.
24. Martín A. *Historia de la guerra de la división real de Navarra contra el intruso sistema, llamado constitucional, y su gobierno y su gobierno revolucionario por don Andrés Martín, cura párroco de Ustarroz*. Pamplona: Imprenta de Javier Gadea, 1825. 286 p.
25. McAdam D., McCarthy J. D., Zald N. M. (Eds.). *Comparative perspectives on social movements: Political opportunities, mobilizing structures, and cultural framings*. Cambridge University Press, 2004. 426 p.
26. Millán J. *Popular y de orden: la pervivencia de la contrarevolución carlista* // *Ayer*. 2000. № 38. P. 15–34.
27. Mücke U. *Gegen Aufklärung und Revolution. Die Entstehung konservativen Denkens in der iberischen Welt (1770–1840)*. Köln: Böhlau, 2008. 542 s.
28. Oyarzún R. *Historia del carlismo*. Valladolid: Maxtor, 2008. 509 p.
29. Pérez J. *Histoire de l'Espagne*. Paris: Fayard, 1997. 921 p.
30. Rújula P., Sonetti S. La causa perduda come racconto politico: il carlismo // *Meridiana*. 2017. № 88. P. 19–40.
31. Sabatier A. Tio Tomas. *Souvenirs d'un soldat de Charles V, par Alexis Sabatier, lieutenant-colonel d'infanterie au service d'Espagne, deux fois chevalier de première classe de l'ordre royal et militaire de Saint-Ferdinand*. Bordeaux: Chez Granet, 1836. 211 p.
32. Santirso M. *Contra un carlisme telúric: breus apunts sobre la localització del reialisme-carlisme a 1820–1840* // *L'Erol*. 2017. № 132. P. 8–11.
33. Sorauren M. *Fueros y carlistada*. Pamplona: Nabarralde, 2008. 100 p.
34. Tarrow S. *El poder en movimiento. Los movimientos sociales, la acción colectiva y la política*. Madrid: Alianza Editorial, 1997. 375 p.
35. Tortella G. *Catalonia in Spain: history and myth*. Cham: Palgrave Macmillan, 2017. 312 p.
36. Urrastabaso U. R. *Modern societies and national identities. Legal praxis and the Basque-Spanish conflict*. London: Palgrave Macmillan, 2018. 218 p.

Литература

1. Василенко Ю. В. Генезис карлизма и проблемы типологии испанского консерватизма // *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. 2016. Т. 16. Вып. 1. С. 92–111.
2. Василенко Ю. В. «Манифест персов», или Верноподданные между традиционализмом и реформизмом // *Антиномии*. 2019. Т. 19. № 3. С. 84–98.
3. Майский И. М. *Испания 1808–1917. Исторический очерк*. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. URL: <http://istmat.info/node/28419> (дата обращения: 05.12.2022).
4. Пискорский В. К. *История Испании и Португалии. От падения Римской империи до начала XX века*. М.: ЛЕНАНД, 2015. 288 с.
5. Терещук А. А. Регионализм в идеологии раннего карлизма // *Петербургский исторический журнал*. 2020. № 2 (26). С. 153–164.
6. Albi de la Cuesta J. *El ejército carlista del norte (1833–1839)*. Madrid: Desperta Ferro Ediciones, 2017. 496 p. (На исп.).

7. Artola M. La burguesía revolucionaria (1808–1869). Madrid: Alfaguara, 1973. 434 p. (На исп.).
8. Balmes J. Escritos políticos. Madrid: Imprenta de la Sociedad de Operarios del mismo Arte, 1847. 811 p. (На исп.).
9. Caridad Salvador A. La desigual distribución espacial del primer carlismo: Una propuesta explicativa cuantitativa // Huarte de San Juan. Geografía e Historia. 2018. № 25. P. 79–107. (На исп.).
10. Caridad Salvador A. La historiografía reciente sobre el primer carlismo (2006–2018) // Studia historica. Historia contemporánea. 2020. № 38. P. 203–243. (На исп.).
11. Catalán E., Mugartegui I. Cambio económico y adscripción política de las élites guipuzcoanas, 1833–1876 // Historia Contemporánea. 2020. № 62. P. 11–47. (На исп.).
12. Clemente J. C. Breve historia de las guerras carlistas. Madrid: Nowtilus, 2011. 384 p. (На исп.).
13. Eyara J., López R., Agirreazkuenaga J. Historia de Euskal Herria. Bilbao: Ediciones Vascas, 1985. 7 vol. (На исп.).
14. Fernández de Córdoba F. Mis memorias íntimas. Tomo I. Madrid: Establecimiento tipográfico “Sucesores de Rivadeneyra”. Impresores de la Real Casa, 1886. 450 p. (На исп.).
15. Fontana J. Crisi camperola i revolta carlina // Recerques: Història, economia i cultura. 1980. № 10. P. 7–16. (На исп.).
16. García A., Salgado C. El Carlismo: 175 años de sufrida represión. Sevilla: Ediciones Arcos, 2008. 230 p. (На исп.).
17. Holt E. The Carlist wars in Spain. London: Putham, 1967. 303 p. (На англ.).
18. Lawrence M. Spain’s First Carlist War, 1833–40. Basingstoke: Palgrave, 2014. 283 p. (На англ.).
19. Lawrence M. The First Carlist War (1833–40), insurgency, Ramón Cabrera, and expeditionary warfare // Small Wars & Insurgencies. 2019. № 30 (4–5). P. 797–817. (На англ.).
20. Lichnowsky F. Recuerdos de la Guerra Carlista (1837–1839). Madrid: Espasa-Calpe, S. A., 1942. 360 p. (На исп.).
21. Luis J.-P. La Década Ominosa y la cuestión del retorno de los josefinos // Ayer. 2014. № 95. P. 133–153. (На исп.).
22. Manifiesto de Abrantes // Ferrer M., Tejera D., Acedo J. F. Historia del tradicionalismo español. Tomo III. Sevilla: Ediciones Trajano, 1942. P. 287–288. (На исп.).
23. Manifiesto de Castelo Branco // Ferrer M., Tejera D., Acedo J. F. Historia del tradicionalismo español. Tomo III. Sevilla: Ediciones Trajano, 1942. P. 289–291. (На исп.).
24. Martín A. Historia de la guerra de la división real de Navarra contra el intruso sistema, llamado constitucional, y su gobierno y su gobierno revolucionario por don Andrés Martín, cura párroco de Ustarroz. Pamplona: Imprenta de Javier Gadea, 1825. 286 p. (На исп.).
25. McAdam D., McCarthy J. D., Zald N. M. (Eds.). Comparative perspectives on social movements: Political opportunities, mobilizing structures, and cultural framings. Cambridge University Press, 2004. 426 p. (На англ.).
26. Millán J. Popular y de orden: la pervivencia de la contrarevolución carlista // Ayer. 2000. № 38. P. 15–34. (На исп.).
27. Mücke U. Gegen Aufklärung und Revolution. Die Entstehung konservativen Denkens in der iberischen Welt (1770–1840). Köln: Böhlau, 2008. 542 s. (На нем.).

28. Oyarzún R. Historia del carlismo. Valladolid: Maxtor, 2008. 509 p. (На исп.).
29. Pérez J. Histoire de l'Espagne. Paris: Fayard, 1997. 921 p. (На фр.).
30. Rújula P., Sonetti S. La causa perduta come racconto politico: il carlismo // Meridiana. 2017. № 88. P. 19–40. (На итал.).
31. Sabatier A. Tio Tomas. Souvenirs d'un soldat de Charles V, par Alexis Sabatier, lieutenant-colonel d'infanterie au service d'Espagne, deux fois chevalier de première classe de l'ordre royal et militaire de Saint-Ferdinand. Bordeaux: Chez Granet, 1836. 211 p. (На фр.).
32. Santirso M. Contra un carlisme telúric: breus apunts sobre la localització del reialisme-carlisme a 1820–1840 // L'Erol. 2017. № 132. P. 8–11. (На кат.).
33. Sorauren M. Fueros y carlistada. Pamplona: Nabarralde, 2008. 100 p. (На исп.).
34. Tarrow S. El poder en movimiento. Los movimientos sociales, la acción colectiva y la política. Madrid: Alianza Editorial, 1997. 375 p. (На исп.).
35. Tortella G. Catalonia in Spain: history and myth. Cham: Palgrave Macmillan, 2017. 312 p. (На англ.).
36. Urrastabaso U. R. Modern societies and national identities. Legal praxis and the Basque-Spanish conflict. London: Palgrave Macmillan, 2018. 218 p. (На англ.).

Брэдли Джозеф — доктор исторических наук (PhD), заслуженный профессор, Университет Талса, США.

Bradley Joseph — Doctor of Historical Sciences (PhD), Emeritus Professor, University of Tulsa, USA.

E-mail: joseph-bradley@utulsa.edu

Волков Владимир Алексеевич — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России исторического факультета Московского педагогического государственного университета.

Volkov Vladimir A. — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History of Russia, Faculty of History, Moscow Pedagogical State University.

E-mail: lee8@mail.ru

Дёмин Вадим Александрович — доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Государственной публичной исторической библиотеки России.

Demin Vadim A. — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher of State Public Historical Library of Russia.

E-mail: vadime_demine@mail.ru

Емельянова Александра Андреевна — кандидат исторических наук, старший преподаватель общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской истории Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

Yemelyanova Alexandra A. — Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer Department of General and Russian History of the Humanities Institute of the Moscow City University.

E-mail: PlatonovaE@mgpu.ru

Ивакин Григорий Анатольевич — доктор исторических наук, доцент, заместитель директора Психологического института РАО.

Ivakin Grigory A. — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Director of the Psychological Institute of the Russian Academy of Education.

E-mail: grivakin@yandex.ru)

Лавринович Дмитрий Сергеевич — доктор исторических наук, профессор, первый проректор Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова.

Lavrinovich Dmitry S. — Doctor of Historical Sciences, Professor, First Vice-Rector of Mogilev State A. Kuleshov University.

E-mail: lavrin-dmitrij@yandex.ru

Музафарова Нелли Ильинична — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и российской истории Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

Muzafarova Nelly I. — Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of General and Russian History of the Humanities Institute of the Moscow City University.

E-mail: muzafarov@mail.ru

Мухтасаров Фарит Шамилович — председатель Региональной татарской национально-культурной автономии Московской области, член Консультативного совета по делам национально-культурных автономий Московской области.

Mukhtasarov Farit Sh. — chairman of the Regional Tatar national-cultural autonomy of the Moscow region, member of the Advisory council for national-cultural autonomies of the Moscow region.

E-mail: mukhtasarov@gmail.com

Селезнев Федор Александрович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

Seleznov Fedor A. — Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Foreign Regional Studies and Local History of the Institute of International Relations and World History, Lobachevsky University.

E-mail: fseleznev@mail.ru

Соколов Александр Станиславович — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, философии и права Рязанского государственного радиотехнического университета им. В. Ф. Уткина.

Sokolov Alexander S. — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History, Philosophy and Law, Ryazan State Radio Engineering University named after V. F. Utkin.

E-mail: falcon140770@yandex.ru

Сорокин Александр Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

Sorokin Alexander A. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Department of Foreign Regional Studies and Local History, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky University.

E-mail: skaliger1989@yandex.ru

Терещук Андрей Андреевич — доктор университета Барселоны, доцент, доцент кафедры романской филологии института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

Tereshchuk Andrei A. — Doctor of the University of Barcelona, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Romance Philology of the Institute of Foreign Languages of the Herzen University.

E-mail: atereschuk@herzen.spb.ru

Федоров Дмитрий Андреевич — аспирант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Fedorov Dmitry A. — post-graduate student of the Institute of History of St. Petersburg State University.

E-mail: dnib.1995@yandex.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ОРИГИНАЛОВ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

Рецензируемый научный журнал «Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки» принимает к публикации оригинальные, не опубликованные ранее работы по конкретным историческим, историографическим и источниковедческим темам, содержание которых соответствует научным специальностям 5.6.1. Отечественная история и 5.6.2. Всеобщая история.

Оригинальность авторского текста должна составлять не менее 80 %.

Материалы для публикации научной статьи направляются по адресу: vestnik_hist@mgpu.ru

Объем и форматирование

Объем научной статьи — до 40 000 знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы и графики, список литературы, без учета метаданных. Поля — по 20 мм справа, слева, сверху, снизу. Шрифт — Times New Roman, кегль — 14. Интервал — 1,5. Красные строки — 1,25 (выставляются автоматически).

Метаданные

Метаданные приводят до основного текста статьи на языке текста статьи и затем повторяют на английском языке.

Перед названием статьи указываются данные в обозначенной последовательности на разных строках без разделения запятыми:

Ф. И. О. автора (авторов)

ученая степень и ученое звание (при наличии)

место работы

город, страна

электронная почта; ORCID.

Ниже по центру размещается название статьи (не более 15 слов).

После названия научной статьи следуют аннотация (200–250 слов) и ключевые слова (7–10 слов).

Фамилия, имя, отчество на русском языке указываются полностью (Иванов Иван Иванович), на английском языке отчество сокращается до начальной буквы (Ivan I. Ivanov).

Индекс Универсальной десятичной классификации (УДК) указывается в верхнем левом углу до Ф. И. О. автора (www.teacode.com/online/udc/).

Разделы научной статьи

Во *введении* должна быть поставлена проблема; обозначена научная новизна и актуальность исследования; представлена историография вопроса и источниковая база исследования.

Ход и результаты исследования должны соответствовать его целям и задачам. Результаты исследования представляются в максимально доказательной форме (в том числе в виде таблиц, графиков, диаграмм и т. п.).

Заключение должно содержать выводы по результатам исследования в кратком систематизированном виде, по желанию автора раскрываются перспективы продолжения проведения исследований в данном направлении, даются рекомендации для практического применения результатов исследования.

Заголовки разделов научной статьи указываются перед текстом раздела научной статьи, отделяются точкой, выделяются полужирным шрифтом.

Рисунки, схемы, таблицы и графики выполняются в графических редакторах, поддерживающих векторные и растровые изображения (сканирование не допускается); нумеруются в порядке упоминания их в тексте. Не допускается использование цветных рисунков и графиков. Все изображения, представленные в статье, должны иметь подписи и ссылки на источник, если они выполнены не самим автором. Отдельно предоставляются рисунки в формате jpeg, не менее 300 dpi точек на дюйм.

Список источников / литературы

Список литературы должен составлять не менее 15 пунктов, в том числе опубликованных в зарубежных базах цитирования (Scopus, Web of Science) за последние 5 лет (по отечественной истории — не менее 1/4 от общего количества пунктов, по всеобщей истории — не менее 1/3), с указанием DOI или URL национального архива для всех источников (при наличии).

Все упомянутые в тексте статьи авторы должны быть представлены своими работами в списке литературы, а все включенные в список литературы работы — в тексте статьи в виде ссылок.

Ссылки на литературу оформляются в тексте научной статьи в квадратных скобках. Например: [15, с. 140], где первая цифра означает порядковый номер в списке литературы, вторая — номер страницы источника (если это цитата). Ссылки на архивные источники в тексте научной статьи оформляются так же, как и ссылки на литературу (например: [6, л. 11 об.]).

Перечень затекстовых библиографических ссылок (= Список источников / литературы) помещают после основного текста статьи. Список литературы на русском языке оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008 «Библиографическая ссылка» и формируется в алфавитном порядке. При наличии у публикации индекса DOI, он приводится в обязательном порядке.

В Список источников / литературы включаются все архивные дела, на листы которых делаются ссылки. Описание архивного дела начинается с наименования архива. Если дается библиографическое описание второго и последующих дел одного архивохранилища, наименование архива приводится в сокращенном виде.

References (список литературы на английском языке) оформляется в соответствии со стилем APA (apastyle.apa.org). В References необходимо полностью повторить список литературы в русскоязычной части, независимо от наличия в нем иностранной литературы.

В References данные по каждому русскоязычному источнику предоставляются с транслитерацией фамилии автора, в соответствии с оригинальным переводом метаданных статьи на английский язык, с названием журнала, зарегистрированном на английском языке (при наличии). Если русскоязычный источник имеет зарегистрированные метаданные на английском языке, то они приводятся в References.

Также по каждому русскоязычному источнику предоставляется транслитерация наименования источника (www.translit.ru). Режим транслитерации следует выбрать LC (Library of Congress). После транслитерации русскоязычных источников в скобках указывается (in Russian).

Примеры:

Список литературы

Гроссул В. Я. О периодизации всемирной и отечественной истории // Российская история. 2007. № 3. С. 122–139.

Российский государственный архив экономики. Ф. Р-9538. Оп. 16. Д. 1114. Л. 80.

References

Grossul V. Ya. (2007). O periodizacii vseмирnoj i otechestvennoj istorii [On the Periodization of World and National History]. *Rossiiskaya istoriya* [Russian History], (3), 122–139. (In Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki [Russian State Archive of the Economy] (n. d.). F. R-9538. Op. 16. D. 1114. L. 80. (In Russian).

Низкое качество списка литературы и References (неполные, недостоверные и некорректные данные) является одной из причин отказа в приеме рукописи к публикации.

Научный журнал / Scientific Journal

Вестник МГПУ.

Серия «Исторические науки».

**MCU Journal
of Historical Studies**

2022, № 4 (48)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-82088 от 12 октября 2021 г.

Главный редактор:

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО *В. В. Рябов*

Заместитель главного редактора:

доктор исторических наук, профессор *И. В. Омелянчук*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук,

старший научный сотрудник *Т. П. Веденева*

Редактор:

И. Е. Посоха

Корректор:

К. М. Музамилова

Техническое редактирование и верстка:

Г. П. Васильева, С. И. Шостко, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1.

Телефон: 8-499-181-50-36.

https://www.mgpu.ru/centers/izdat_centre/

Подписано в печать: 09.01.2023 г.

Формат: 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага: офсетная.

Объем: 10,25 печ. л. Тираж: 1000 экз.